

На Земле, с древнейших времен и до сегодняшнего дня, люди понастроили множество городов. Города эти стоят обычно по берегам рек, среди лесов или полей. В общем, на земле. Под

небом и солнцем. Но существует, кроме них, еще один город – тайный, подземный. О нем вряд ли кто слышал. И живут в этом городе не люди. Живут там хозяева подземных богатств – ящерицы. Вот, если желаете, описание этого потаенного города. В громадной пещере, надежно укрытые высоким каменным сводом, раскинулись его кварталы; сотни и сотни домов расположились на невысоких холмах по берегу чистого, как слеза, подземного озера. Словами передать его сказочную красоту, конечно, невозможно. Вы смогли бы описать сияющую новогоднюю елку? Как ни старайся, а любые слова останутся лишь слабой тенью ее настоящего великолепия. Но я попробую!

Стены всех без исключения домиков сложены из серебряных кирпичиков. В окнах вместо стекол – затейливые витражи из прозрачных драгоценных камней. Когда в домах зажигают свет, город начинает светиться разноцветными огнями. Блики света ложатся тогда на серебряные стены причудливых домов, деревья и кустарники, которые здесь, в пещере, не живые, а вырезаны из ценнейшего изумруда, и кроны их на просвет мерцают разнообразнейшими оттенками зеленого. Отблески витражей расцветивают хрустальные булыжники мостовой, которая сияющей змеей извивается по холмам меж домов и, вытянувшись затем вдоль озера, поднимается на горку к королевскому замку. Островерхие его башни покрыты вместо черепицы ограненными алмазами. Когда свет падает на его крыши, сияние драгоценных камней освещает всю пещеру. Конечно, солнце в пещеру не заглядывает, но ящерицы – жители подземного города – собирают по лесам летучих светлячков; светлячки под сводом пещеры сбиваются в рой, и получается, что у ящериц есть, вроде бы, свое солнце. Днем оно светит, а на ночь светлячки разлетаются по щелям. Порой от сияющего солнца отрывается искра-светлячок и кидается вниз к озеру, так что кажется – солнце плещет по воде лучами. На берегу озера, у стен замка, стоит маленькая ажурная беседка; как раз здесь, над тихими водами, и любят играть королевские дети – две маленькие серебристые ящерки в золотых коронах. Принц и принцесса. Они купаются в озере, играют в догонялки, а утомившись от беготни, присаживаются на бережку поиграть в камушки. Камушки, конечно, самые красивые – люди таких и не видели!

Но больше всего любят юные ящерицы тайком вылезти наверх, на землю, и полюбоваться зеленым лесом, голубым небом, погреться под лучами настоящего солнца. Королева им это строго-настрого запрещает. Мало ли, что может случиться наверху с беззащитными крошками! Но дети есть дети! И непоседы при каждом удобном случае удирают наверх. Прихватят с собой несколько блестящих камушков и играют ими в траве. Птицы поют, ветерок налетает! До чего хорошо!

Но однажды случилось вот как... Ящерицы нежились на солнышке, когда услышали доносившиеся снизу, из пещеры, встревоженные голоса. Их разыскивали. Принц с принцессой подхватили свои камешки и опрометью бросились в щель подземного хода. Они так торопились, что не заметили, как обронили один из своих камней. Он так и остался лежать росинкою в траве – прозрачный и чистый, как слеза.

Как раз в это время по дороге шел человек. Заметил он в траве сверкнувший камень и, конечно, поднял его. Отнес своей дочке, Сене. Сеня обрадовалась, спрятала в коробку, где хранились у нее всякие фантики и другие ценные вещи.

А ящерицы тем временем хватились потерянного камня и перепугались. Принц кинулся обратно к щели, выполз наверх. Искал, искал в траве, да поздно – уже ничего нет. Вернулся он к сестре,

стали они думать, что делать. Тут нужно сказать, что разволновались они так, конечно, не от жадности. Просто они хорошо знали, как берегут ящерицы тайну своего города. Боялся маленький народ: если люди прознают про пещеру с ее богатствами, набегут с лопатами да и разрушат в один день все, что трудолюбивые умельцы создавали веками. Правда, надо сказать, наверху, среди людей, ходили легенды о таинственном подземном городе... Но где он? Никто этого не мог сказать. Впрочем, здесь не обошлось без волшебной силы, которой обладали ящерицы. Могли они, дотронувшись хвостом до человека, заставить того позабыть все, что с ним произошло. Скажем, копал некто в саду яму под яблоню, наткнулся на штольню, в которой ящерицы драгоценные камни под свое строительство добывают. Но не успеет он толком и разглядеть что к чему, как уже выскочит из ямы ящерица-сторож и, пробравшись среди комьев земли, заденет, пробегая, хвостом ногу копавшего. Тот сей же миг, теряя интерес к находке, повернется, чтобы уйти прочь... совершенно забыв, где он был и что делал. А пока дойдет до дому, ящерицы всем скопом успеют забросать яму землей, присыпать листьями. Никаких следов!

Вот теперь, может быть, и станет понятно, почему так перепугались принц с принцессой. Они даже не видели, кто взял камень! Рассказать о своей провинности у детей духу не хватило. Маленькие ящерицы порешили каждый день сторожить наверху и смотреть – не идет ли кто с лопатой? Успеют тогда тронуть хвостом того человека!

* * *

Сеня сидела за столом на веранде со своими родителями. Они пили чай. Завтрак проходил в необычной для этой семьи тишине. Лежащий посреди стола камень, мерцая, отбрасывал на темное дерево светлые блики. Он был словно кусочек какого-то чужого мира, загадочного и, может быть, даже волшебного...

После чая Сеня, мама и папа отправились на прогулку к месту чудесной находки. По дороге они обсуждали это странное происшествие не в силах придумать правдоподобного объяснения. Всем известно, что в наших лесах бриллианты на земле не валяются. Папа рассказывал, как он шел по тропинке, особенно даже не глядя по сторонам... И вдруг в глаза метнулся лучик заходящего солнца, отраженный камнем. Он стал описывать, как тогда удивился, но почему-то замолк на полуслове... Сеня проследила за его недоуменным взглядом и сама замерла в совершеннейшем изумлении... Она увидела двух маленьких серебристых ящериц! Само по себе это было бы, может, и ничего, но ящерицы-то были в золотых коронах!!!

Немая сцена продолжалась всего несколько мгновений. Напуганные ящерицы метнулись под валун и исчезли. Сеня, опустившись на колени, осмотрела камень и увидела за ним норку-щель, может быть, чуть поуже кротиной. В ней-то, по всей видимости, и скрылись коронованные особы.

Обратно возвращались молча. Все это было так странно, что слов уже не находилось...

Весь день девочка провела как во сне. И даже вечером, лежа в постели, в самом деле засыпая, она продолжала думать о чудесных маленьких ящерицах в золотых коронах. Как бы ей хотелось попасть туда, где живут эти загадочные существа! Как это было бы восхитительно!

Маленькие ящерицы, конечно же, тоже не забыли утреннего происшествия. Они едва успели разглядеть девочку, но им запомнились ее веселые серые глаза и светлые, растрепанные ветром волосы. До чего хотелось бы с нею познакомиться! Как ни интересно играть вдвоем, признались они друг другу, а все ж порой становится скучно. Пригласить бы ее в гости! Им есть что рассказать и показать этой милой девчужке! Утром, только проснувшись, брат с сестрой побежали к королеве и принялись выпрашивать разрешения позвать к себе гостью. Королева давно замечала, что дети скучают, но как развлечь их, не знала. Поэтому, подумав, она позволила пригласить девочку в гости и разрешила взять немного волшебного порошка. Этот порошок мог уменьшить человека до величины мизинца, Потом, конечно, когда девочка покинет пещеру, нужно будет тронуть ее хвостом, чтобы та забыла, где побывала.

* * *

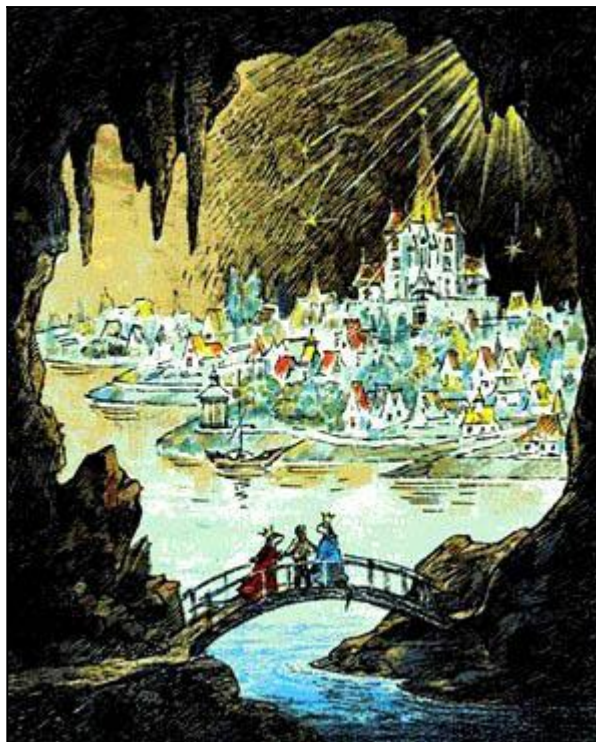
Ящерицы лежали у своей щели, поджидая появления девочки. Они были уверены, что та непременно придет. Наконец, вдалеке появилась бегущая фигурка, и скоро запыхавшаяся Сеня уже стояла перед ними.

- Привет! - пропищали хором брат с сестрой. - Хочешь пойти к нам в гости?

Сене, понятное дело, очень бы хотелось, но как? Тут она заметила, что принц держит в крохотной лапке мешочек.

- Проглоти, пожалуйста, этот волшебный порошок и увидишь как, - пояснила серебристая ящерица.

Сеня не раздумывала. Когда она уменьшилась, а это само по себе было удивительно, новые знакомые представились друг другу. Принца звали Филипп, принцессу - Агриппиной, или просто Пиной, ну а Сеню звали Сеней. Наконец, ящерицы позвали девочку за собой в подземный ход. Сеня смело вошла в темноту. После солнца глаза ничего не видели, но принц любезно предложил держаться за его хвост. Сеня брела, осторожно переставляя ноги, - ход довольно круто уходил в глубь земли - и скоро начала кое-что различать и в темноте. Но тут она

вновь на мгновение ослепла. Лучи солнца метнулись в глаза... Но нет, это было не солнце! Это было сияние, исходившее от блистающих куполов дворцовых башен, от хрустальной мостовой, от цветных окошек домов! Сеня затаила дыхание... Сравнить открывшуюся картину было просто не с чем, разве что нарядной рождественской елкой, усеянной горящим свечами и опутанной серебряными и золотыми гирляндами. Хотелось постоять и полюбоваться волшебным г родом, но ящерицы потянули гостью за собой. Хрустальная мостовая привела к замку. Но прежде брат с сестрой предложили пробежаться к беседке, стоявшей на самом берегу озера. И снова у девочки слов оказалось от восторга! Маленький серебряный мостик; был перекинут через поток, вливавшийся в озеро. Прозрачная вода с журчанием бежала по голубым камням, а с мостика открывался новый чудесный вид на город, лежавший на холмах противоположного берега. Но ящерицы опять заторопили Сеню. Они хотели поскорей познакомить ее с королевой.

Королеве понравилась девочка, и она позволила после завтрака покатать ее на лошадке по городу. Завтрак был превосходный! Принесли маленькие, круглые, теплые еще хлебцы. В золотых мисочках подали мед. В серебряных кружечках - цветочный нектар. В глиняных горшочках - молоко. Нет слов - как было вкусно!

Покончив с едой, дети отправились на конюшню. Ящерица-конюх вывел для них трех лошадок. Для гостыи - белую, для принцессы - рыженькую, для принца - серую в яблоках.

Королевские дети со своей гостьей выехали из ворот замка на хрустальную мостовую. Копыта лошадок звонко цокали по прозрачным булыжникам, и тонкий этот перезвон наполнял воздух. Вдоль дороги стояли стройные кипарисы, вырезанные из зеленых изумрудов. Там и сям цвели розовые кусты. Сеня соскочила со своей лошади и подбежала понюхать. Тут только она поняла, что розы тоже не живые, а вырезаны из розовых камней, а стебли с листьями выкованы из зеленого золота. Да так тонко, что видна была каждая жилка!

Довольно скоро дорога вывела всадников к водопаду. Вода, вытекавшая из озера, обрушивалась здесь со скалы вниз и, разбиваясь в тучи брызг, обдала детей влажной прохладой. Мокрые булыжники под копытами лошадей переливались всеми цветами радуги...

Но вот показались первые домики города. Чистенькие и нарядные – как с картинки! И каждый следующий казался лучше предыдущего! Около всех домов палисадники, а в них – такие прелестные цветы! Сеня в который раз подивилась мастерству ящериц – ведь она теперь знала, что все это великолепие вырезано из разноцветных камней. Знать-то знала, но все равно до конца не верилось!

Ящерицы выбегали из своих домов навстречу всадникам и бросали на мостовую букеты. Те со звоном падали на хрусталь, и лошадям приходилось осторожно переставлять копыта, чтобы их не подавить. Наконец, маленькая кавалькада подъехала к внушительному двухэтажному особняку.

– Здесь живет наш учитель танцев, – сообщила принцесса. – Зайдем к нему, ты не против?

Ну, конечно же, Сеня была не против!

Спешившись и привязав лошадей, дети вошли в дом. Навстречу им с поклоном вышел хозяин. Он был обрадован приходу гостей и, взяв принцессу и Сеню под руки, ввел их в богато убранный зал. Вслед за ним вошли музыканты. Один из них заиграл на золотой дудочке, другой – на маленькой гитаре, третий бил в барабанчик. И такая у них получилась чудесная музыка, что Сеня не удержалась и закружилась в танце по залу! Принц и принцесса, составив пару, танцевали под одобрительным взглядом своего учителя.

Это была совершенно восхитительная прогулка!

Напоследок у замка Сеня еще и искупалась в озере; удовольствие было полным! Но остудив свою горячую голову прохладной озерной водой, девочка подумала, что провела в гостях слишком много времени – мама наверняка уже ищет ее повсюду. Ящерицы сразу поняли по ее озабоченному виду, что – пора, и втроем они поспешили по хрустальной мостовой к выходу из Громадной Пещеры. Дорога не заняла много времени, и девочка успокоилась. В конце концов не так уж сильно она задержалась!

И лишь пробежав по темному переходу и выбравшись на свет божий – тогда только Сеня с испугом вспомнила, что осталась-то крошкой! Трава стояла вокруг словно лес!

В вышине качались желтые шапки огромных одуванчиков; исполинская лиана, увешанная тяжелыми гроздьями лиловых цветов, оплела их бамбуковидные стволы – а ведь то был всего-навсего мышиний горошек!

У Сени от отчаяния перехватило дыхание, Вдобавок из лесу вдруг донесся леденящий душу рев, хруст ломающихся деревьев, и прежде чем кто-либо успел сообразить в чем дело, страшное чудовище кинулось на беззащитных детей. Здоровенными белыми клыками оно схватило принцессу поперек туловища! Сеня в ужасе закричала, и вдвоем с принцем бросились они на помощь. Но что они могли поделать, малютка принц и крошка девочка!

И тут из-за тучи выглянуло солнце; едва коснулось оно девочки своим первым лучом, как сила порошка пропала, и Сеня выросла до своего прежнего роста. Да так быстро, что ветер засвистел в ушах, а голова пошла крутом!

Но у девочки не было времени прислушиваться к своим ощущениям. Не медля ни секунды, кинулась она спасать принцессу из страшной пасти! С трудом ей уда-лось разжать клыки и вытащить из смертельного капкана бедную ящерицу. Принцесса, к счастью, оказалась жива, лишь на ее серебряных хвостике и шейке блестело по капельке алой крови. Сеня с облегчением вздохнула и только теперь оглядела чудовище. И надо же! Оно оказалось небольшой рыжей таксой. Всего-то! Такса тарасила на девочку ошалелые карие глаза, явно не понимая, что происходит. Откуда тут взялась девчонка, и почему ей понадобилось отнимать добычу у бедной собаки? Но тут раздался призывный свист хозяина, и собака, мотнув ушами, убежала.

Сеня осторожно опустила ящерицу на землю. Принц, подхватывая сестру под лапки, с благодарностью взглянул на девочку.

– Поскорее отведи ее домой, – взволнованно зашептала Сеня, опасаясь громким голосом потревожить раненую.

– Надо сейчас же промыть укусы!

Принц кивнул и повел прихрамывающую принцессу к щели. А Сеня, проводив своих новых друзей

взглядом, повернулась и помчалась со всех ног домой.

Филипп с трудом довел ослабевшую сестру до дворца, Когда королева Агриэль увидела свою дочь в крови, она так закричала, что сбежались все придворные. Прибежал и лекарь. Он осмотрел принцессу, перевязал раны и сказал, что беспокоиться нечего, через неделю все совершенно заживет, Тут и рассказал принц, что с ними произошло. Он живо описал, как храбрая Сеня спасла принцессе жизнь. Растроганная королева сию же минуту села писать благодарственное письмо Сениным родителям, в котором, кроме всего прочего, просила отпускать иногда спасительницу погостить в королевском замке. Принц с принцессой были этим весьма довольны. Как гласит пословица – нет худа без добра!

Сеня же, оказавшись дома, долго и безуспешно пыталась объяснить маме с папой, где она пропадала. Рассказывала про порошок, про королеву, про подземный город. Родители почему-то не верили и только переглядывались. Лица их были строги. Мол, они знают, что фантазия у дочери богатая, но всему должен быть предел!

И вдруг раздался тихий звон. Сеня замолчала на полуслове и посмотрела себе под ноги. Уже торжествующе подняла она глаза на родителей, которые, онемев от удивления, разглядывали двух серебристых ящериц, одетых в расшитые цветным шелком плащи. Одна из ящериц звонила в крохотный золотой колокольчик, а другая маленькими своими лапками протягивала бумажный свиток, запечатанный красной сургучной печатью.

Мама взяла свиток и, сломав печать, с осторожностью развернула его. Голова к голове, родители прочитали написанное и с удивлением, к которому примешивалось теперь уважение, взглянули на свою маленькую дочь.

Никогда нельзя понять, где кончаются детские фантазии и начинается реальность!- Страница 1 - В

тот знаменательный день Сеня пришла к входу в подземный город немного раньше чем нужно. Принц с принцессой обыкновенно выходили наверх, когда тень от стоявшего неподалеку дубка набегала на валун, нависавший надо входом,

– это случалось примерно около полудня. Сейчас камень еще был освещен солнцем, и Сеня решила пока набрать букет диких гвоздик. В это лето она много проводила времени у ящериц. Девочка подросла, и теперь мама спокойно отпускала ее. Сеня сорвала несколько ярко-розовых гвоздичек и зубами обкусила стебельки совсем коротко. Получился крохотный кукольный букетик. Девочка засмотрелась на шелковистые лепестки, улыбаясь своим мыслям.

– До чего хороший денек сегодня, здесь, наверху! – вдруг раздался тонкий голосок.

Сеня обернулась. На камне она увидела принца – маленькую серебристую ящерицу в крохотной короне. Он держал в лапках мешочек, сшитый из драгоценной парчи.

– Да, денек ничего себе! – с улыбкой отозвалась девочка. – И ты сегодня пришел раньше?

Она положила букетик у камня и осторожно взяла из лапок принца мешочек. Аккуратно пересыпав его волшебное содержимое на язык, Сеня чуть пососала снадобье и проглотила. Порошок был сладко-пряный – на вкус совсем другой, чем тот, солнечный, который ящерицы давали раньше. Часто теперь она возвращалась домой в сумерках, и, чтобы вырасти до человеческого роста, приходилось принимать еще один порошок, на этот раз – увеличительный.

И опять, как всегда, – к этому привыкнуть невозможно – в ушах зазвенел ветер! И будто камнем летишь вниз!

У-у-ух!!! А все вокруг летит вверх! И что это за лес вдруг обступил со всех сторон? Ромашки? А на

скале сидит громадный серебристый ящер... Это твой лучший друг!

- Привет! - выдохнула Сеня. - А где Пина-Агриппина?

- Собирается. Поедем гулять. Далеко сегодня поедем, - довольно-таки лаконично объяснил принц, сползая со скалы. У входа он остановился, пропуская девочку вперед. Сеня подняла с земли тяжелый теперь букет. Огромные розовые цветы пахли одурманивающе. Нагнув голову, Сеня шагнула во влажную темноту. Принц бесшумно скользнул вслед за ней, Пройдя вглубь совсем немного, девочка остановилась, чтобы дать глазам привыкнуть к мраку подземного хода. Чуть спустя она уже могла различить деревянные подпоры и камни, укреплявшие стены. Ход круто уходил вниз; там было еще темнее, поэтому девочка, одной рукой прижав к груди тяжелый букет, другой привычно ухватилась за хвост принца. Хвост был шершавый и прохладный на ощупь. Они молча пробирались в темноте. Когда земляной пол перешел в каменный, Сеня поняла, что почти пришли.

И вдруг - к этому тоже невозможно было привыкнуть - глазам открылся вид на чудесный, сказочной красоты город, играющий в лучах светлячкового солнца всеми мыслимыми и немыслимыми цветами. Серебряные домики сияли витражами окон. Хрустальная мостовая, мерцающая, змеилась вверх по горке к замку. А на замок просто больно было смотреть!

Но тут до ушей донеслось негромкое вежливое ржание. Сеня, повернувшись, увидела двух лошадей, привязанных у стены пещеры. Белоснежка, Сенина лошадка, узнала ее и в нетерпении мотала головой. Девочка подбежала к ней и прижалась щекой к теплой шее любимицы. Нежно потрепав рукой белую гриву, Сеня протянула к теплым розовым губам лошади приготовленный кусок сахара, и Белоснежка с удовольствием схрупала его.

- Ты знаешь, а она скучала по тебе, - сказал принц. - Грустная, бедолага, стояла, вялая. А сейчас глаза, посмотри, какие довольные! - он отвязал Орешника и ловко вскочил в седло; серебристый его хвост при этом взметнулся в воздух.

- Мне это очень приятно! Я тоже дома вспоминаю ее по десять раз на дню, - ответила девочка, вскакивая на Белоснежку, правда, все же не так ловко, как принц.

- Надо поторопиться, как бы не опоздать к обеду! - обернувшись, крикнул Филипп, уже уносимый вперед ретивым Орешником.

Сеня поцеловала Белоснежку в ухо, и они понеслись догонять принца.

* * *

Въехав в ворота замка, всадники спешили и отдали поводья подбежавшему конюху. Принц с гостьей пересекли двор и поднялись по широкой каменной лестнице на второй этаж. Здесь они разошлись; Сеня направилась к себе, чтобы умыться. Да, представьте, у нее были в замке собственные покои! Королева частенько посылала родителям девочки письмо с приглашением, и тогда Сеня проводила несколько дней в подземелье. Ящерицы явно баловали свою маленькую гостью. К примеру, комната девочки была отделана розовым; они знали, что это ее любимый цвет. Сеня прилегла на свою кружевную розовую постель и, потянувшись, уткнулась носом в подушку. Даже спать захотелось - так здесь было уютно! Но нет, ее уж, наверное, ждут. Девочка поднялась и подошла к окну, полюбоваться на озеро. Нагнулась понюхать розы, стоявшие в большой вазе на столике у окна. И ах! Снова позабыла, что у ящериц все цветы каменные. Розы, вырезанные из красного сердолика, так были похожи на живые, что, лишь пощупав их, можно было поверить - они творение рук человеческих! Сеня засмеялась: вернее, - лап ящерицевых! Удивительно все же, насколько ящерицы во всем похожи на людей, а мастерством своим иной раз даже превосходят!

Хотя, казалось бы, их лапки совсем не приспособлены к такой работе. Войдя в обеденный зал, Сеня извинилась за опоздание и подошла к величественной ящерице в золотой короне, сидевшей во главе стола. С поклоном протянула ей букет гвоздик.

– Спасибо, моя милая, – улыбнулась Агриэль. – Как они пахнут! В отличие от наших каменных, – добавила она с легким вздохом.

Цветы, сорванные наверху, не увядали у ящериц очень подолгу. Видимо, было что-то особенное в озерной воде. Сеня знала, что ландыши, принесенные ею еще весной, до сих пор стоят у королевы в спальне.

Тут в столовую ворвалась принцесса Пина. Сеня, позабыв обо всем, кинулась ей навстречу. Пока они шумно здоровались, королева рассматривала цветы, делая вид, что не замечает их неподобающего поведения. Про себя она думала, что хотя внешне, конечно же, между принцессой-ящерицей и девочкой

не было ничего общего, характерами они поразительно походили друг на друга. Обе порывистые, суматошные в противоположность выдержанному, даже немного замкнутому принцу.

Наконец королева Агриэль позвала всех к столу. Обедать у ящериц – одно удовольствие! Никакого тебе супа! А от жаркого, приготовленного из лесной дичи, кто, будучи в здравом уме, откажется? Да и сам накрытый стол одним своим видом будит аппетит. Серебряные блюда заполнены горами румяных пирожков. В золотой чаше янтарем застыл лесной мед. Хрустальная крушонница, доверху налитая земляничным компотом, багрово мерцает в свете свечей. Да, обедали при свечах – в огромном зале и днем бывало сумрачно.

Вкусно все было очень! Поэтому поели быстро. Поблагодарили. Встали из-за стола. Можно было выезжать.

* * *

Филипп с Пиной отправились за вещами, а Сеня побежала на задний двор к стойлам сказать, чтобы выводили лошадей. Старый ящерица-конюх привел сначала Белоснежку и, отдав поводья девочке, пошел за остальными. Во время обеда Сеня с разрешения королевы завернула одну лепешку в салфетку и спрятала в карман. Сейчас она отдала ее, еще теплую, своей любимице, и Белоснежка, всегда получавшая от девочки какое-нибудь угощение, с удовольствием сжевала полученное лакомство.

Конюх помог детям навьючить на лошадей перекидные сумы. Пина была очень запасливая и всегда набирала с собой кучу вещей. Обыкновенно, проехав часа два-три, они разбивали небольшой лагерь где-нибудь у ручья, со вкусом ужинали, а потом ящерицы учили девочку своим протяжным, странным песням.

Принц деловито осмотрел лошадей, проверил подпруги.

– Отлично, отлично, – пробурчал он себе под нос и добавил погромче: – Можно выезжать. Имейте в виду, поедем быстро – нужно успеть обратно до темноты.

– А что такое? Куда это мы так далеко? – заинтересовалась Сеня.

– Королева разрешила показать тебе Хранилище – Зал Святынь, – ответила принцесса таким значительным тоном, что девочка сразу поняла: в этом Хранилище, должно быть, собраны какие-то очень дорогие для народа ящериц вещи. И, видимо, одно то, что ее, пришлицу сверху, допускали

туда, уже являлось знаком большого доверия.

Вытянувшись цепочкой, всадники выехали из ворот замка. Копыта гулко процокали по деревянному подъемному мосту и зазвенели колокольчиками по хрустальной мостовой. Ящерицы держались в седлах с ловкостью заядлых наездников. По ткани их шелковых плащей, красного у принцессы и синего у принца, в такт шагам лошадей пробегали радужные волны. Золотые короны и драгоценные застежки у воротников вспыхивали на солнце – брат с сестрой представляли собой весьма живописное зрелище, а древние стены замка служили им хорошим фоном. На дороге они перестроились и скакали теперь рядом – гостя посередине, принц с принцессой по сторонам.

Путешественникам предстояло пересечь огромную пещеру из конца в конец, минуя город. Прямого пути туда не было, и принц предложил поехать по берегу потока, протекавшего в нужном направлении. Начало потоку давал тот самый водопад, мимо которого проходила дорога от замка к городу. Поэтому, миновав его, окутанные водяной пылью, всадники свернули с хрустальной мостовой в сторону. Прозрачная вода с тихим журчанием медленно скользила по каменистому руслу. Лошадям удобно было ступать по плоскому скальному берегу, и, не сдерживаемые более своими наездниками, они резво понеслись вперед. Драгоценных деревьев и кустов здесь не было – они украшали только дороги и город, но каменистая равнина, тянувшаяся до далекой горы-стены, не казалась от этого однообразной. Там и сям, разбросанные самой природой, высились каменные глыбы. Вода придавала им удивительные формы, и путешествовать по этому саду камней было не скучно.

Спустя часа два путники остановились, с тем чтобы размяться и перекусить. Пина расставила на плоском валуне серебряные тарелочки и достала из картонных коробок три огромные земляники, каждую размером с небольшую дыню. Воздух мгновенно наполнился их восхитительным ароматом. Затем она разложила вилки и ножи. Рукоятки, сделанные в виде серебряных ящериц, поблескивали в лучах солнца черными обсидиановыми глазками. Филипп и Пина ловко расправились со своими земляниками. А Сеня – та вся обкапалась сладким соком. Хорошо еще, что предусмотрительная принцесса обвязала ее салфеткой, так что, к счастью, одежда не пострадала.

Но как же это было вкусно!

Сполоснув посуду и умывшись, друзья отправились дальше. Стена пещеры быстро приближалась. А вокруг становилось почему-то все темнее.

– Неужели так скоро наступает вечер? Сколько же мы в пути? – недоуменно спросила девочка.

– Да нет, до вечера еще далеко, – ответил Филипп. – Просто мы уезжаем в сторону от солнца. Оно висит прямо над озером, и в городе сейчас по-прежнему яркий день. Нашего светила не хватает на всю пещеру, но днем даже у самой дальней стены все равно достаточно светло. Только к вечеру, когда светлячки начинают разлетаться по щелям, здесь становится совсем уж непроглядно.

– А как же вы обходитесь без света? В пещере ночью, должно быть, темно – хоть глаз выколи! – не унималась девочка.

– Ну, во-первых, мы неплохо видим и в темноте, – усмехнулся принц. – Вдобавок ночью вылетают другие светлячки, ночной породы. Их поменьше, чем дневных, и поэтому они освещают пещеру примерно так же, как луна – землю. Жить-то вполне можно, если только не вспоминать без конца, что наверху – настоящее солнце и растет живая трава...

На это Сеня ничего не ответила, но про себя подумала: «Почему бы тогда ящерицам не переселиться из подземелья, раз уж они так тоскуют поверху? Живут ведь другие ящерицы в траве под солнцем». Но тут ей вспомнилось, что другие ящерицы не строят городов и замков, не вырезают цветов из камня, не поют песен и не ездят на крохотных лошадях, и что все, решительно все в пещере, мягко говоря, необычно...

Остаток пути они преодолели в молчании.

* * *

Здесь были сумерки. Стена пещеры угрожающе нависала над головами. Казалось, ее серая

громадина медленно, но неотвратимо заваливается вперед, на всадников. Конечно, ощущение это было обманчивым, но Сеня то и дело поглядывала вверх, каждый раз с облегчением уверяясь, что все остается на своих местах. Ящерицы, по всей видимости, не часто навещали свое Хранилище и не сразу смогли найти вход. С удивлением девочка узнала, что сюда нет вообще никакой дороги, и из города тоже. Ей показалось странным, что неутомимые строители-ящерицы добираются по бездорожью к месту, явно бывшему для них чем-то особенным.

- Смотрите, вот он - вход! - закричала Пина наконец.

Сеня присмотрелась и увидела впереди на сером камне стены провал.

Приблизившись к нему, всадники спешили. Оставалось привязать лошадей.

- Где-то здесь были вбиты колья для этой цели, - пробормотал Филипп и, оглядываясь, пошел на поиски. Пина тем временем достала коробку свечей, спички и флягу с водой. Вернулся принц. Взяв Орешника и Рыжуху под уздцы, он потянул их за собой. Сеня с Белоснежкой побрели за ними. Недалеко от провала у стены было вбито десятка с два деревянных столбиков. Привязав лошадей, принц снял с Орешника поклажу и принялся развязывать ремни. Наконец он высвободил пару мешков с толченым овсом. Травы в пещере не росло, и приходилось лошадиную еду возить с собой. К скале над столбиками были прикреплены жестяные желоба, в которые Филипп и пересыпал мешки один за другим. Лошади тут же принялись жевать, а принц с Сеней повернули назад.

Пина в ожидании сидела на камушке. Филипп убрал приготовленные сестрой вещи в заплечный мешок и закинул его на спину под плащ. Сеня опасливо всмотрелась в темноту провала.

- Идти совсем чуть-чуть, а там будет светло, - подбодрила девочку Пина и всунула ей в руку зажженную свечу.

Сеня кивнула и оглянулась.

Пустынная каменная равнина отсюда казалась непреодолимо большой. Вдалеке, у другой стены, празднично поблескивал кровлями сказочный замок. Вспыхивал шпилями игрушечный городок, окруженный изумрудной зеленью...

Филипп тем временем уже успел войти в провал, и Сеня с Пиной поторопились догнать его. Три свечи с трудом разгоняли темноту, но можно было понять, что идут они по туннелю, вырубленному в сплошной скале. Он в самом деле не был длинным и скоро закончился массивной кованой дверью с медной ручкой в виде кольца. Взявшись за это позеленевшее от времени кольцо, принц с трудом повернул его, и тяжелая дверь сама начала медленно, со скрипом открываться. Брат с сестрой сразу ринулись куда-то в глубину зала, оставив свою спутницу одну у входа. Колеблющиеся язычки пламени от их свечей замельтешили в воздухе, то исчезая из виду, то появляясь вновь, - ящерицы что-то делали там, в темноте. Понемногу вроде бы становилось светлее... И действительно: язычков пламени было уже не два, а пять или шесть; нет, сейчас их стало семь, а теперь уж и восемь - принц с принцессой зажигали все новые и новые свечи. Эти свечи были громадные и толстые. Ими пользовались, верно, много-много лет, но они и сейчас еще доставали ящерицам до пояса. Скоро на стенах обозначились прямоугольники картин, тускло поблескивавшие золотом рам в неярком пока свете. Сеня решила ускорить дело. Переходя от свечи к свече, она подносила свою маленькую свечку к толстым пыльным фитилям восковых громадин, и тег медленно оживая, все дальше отгоняли темноту. Пол в зале, оказалось, был выложен маленькими плиточками, отполированными до блеска. Зеркальная их поверхность отражала мерцание свечей, и на высоком сводчатом потолке металась сотни и сотни радужных бликов. - Страница 2 - Сеня медленно побрела вдоль стены, разглядывая картины. И была довольно-таки удивлена, когда поняла, что все полотна изображают каких-то людей. Она-то ожидала увидеть ящериц! Люди, правда, были вполне приятные - высокие, стройные, загорелые. С необычными пепельно-серебристыми волосами и серыми глазами. Но какое отношение они могли иметь к жителям Громадной Пещеры? Совершенно непонятно! Кроме портретов, были еще, правда, пейзажи, но и они изображали явно не подземные ландшафты. Впрочем, местность эта, в свою очередь, показалась девочке весьма странной. И она не сразу даже поняла почему; крутые горы, густо поросшие лесом, чистые небеса, голубая речка и бурливые водопады... Но что-то было не так! Зелень лесов была какой-то... Нет, собственно,

никакой зелени как раз и не было! Листва деревьев и кустарников, трава – все было там цвета старого серебра. А может, это просто краски так потускнели от времени...

Сеня настолько погрузилась в созерцание пейзажа, что вздрогнула, почувствовав вдруг молчаливое присутствие ящериц у себя за спиной. Тех, по всей видимости, очень интересовало произведенное картинами впечатление. Почему-то девочка не решалась спросить, кто были те люди и что за местность изображена на полотнах, но, чувствуя, что от нее ждут чего-то, сказала:

– Мне все очень и очень нравится! А людей красивее я не видела!

Это, в общем, было правдой, а ящерицам похвала девочки как будто польстила. Теперь брат с сестрой вели ее по залу, и были там действительно совершенно замечательные вещи! Одна картина – так просто врезалась в память: белоснежный совершенно неприступный замок словно парил на вершине высокой, торчащей, как клык, скале. У ее подножия, принакрывшись жаркой дневной дымкой, дремал, раскинувшись, чудный бело-голубой город, а вокруг драгоценным обрамлением вздымались серебристые горы... Вид был настолько чарующий, все это казалось таким необыкновенным, что правдой быть не могло – решила про себя девочка. Напоследок ящерицы подвели гостью к большой золотой чаше, стоявшей на возвышении в центре зала. Четыре ее симметрично расположенные ручки изображали зверей – слона, собаку, лисицу и тигра. Сеня, уже не ожидавшая объяснений, была удивлена, когда услышала голос принца:

– Это древняя ритуальная чаша, из которой воину нужно напиться перед сражением. Двумя руками он должен взять ее, и если схватится за слона или лисицу – получит силу и хитрость. Если за собаку и тигра – преданность и ловкость.

– Какой такой воин? Перед каким сражением? – недоумевала девочка. Но ящерицы больше ничего не объясняли, а Сеня не спрашивала.

«Сами, наверное, расскажут, когда сочтут нужным», – решила она про себя.

Но пора уж было возвращаться обратно. Ящерицы бесшумно заскользили по гладкому полу от свечи к свече. Зал медленно погружался в темноту. И вот когда были погашены почти все свечи-великанши, недалеко от выхода Сеня вдруг заметила в стене еще одну дверь.

– Эй, а что здесь, за этой дверью? – крикнула она, и из темноты на ее зов тут же вынырнули принц с принцессой. Пина пожала плечиками.

– Здесь-то? Да ничего. Всего лишь вход в старую штольню, где добывали камень для отделки зала, – ответила она.

– А можно туда заглянуть? Мне всегда так хотелось увидеть, откуда берутся драгоценные камни!

– Можно, наверное... – неуверенно ответил принц – ящерицы никогда и ни в чем не отказывали девочке. – Правда, ход очень старый, да и камней там особенных никаких не было.

Эта дверь открывалась точно так же, как и первая. Но из темноты пахло такой сыростью, что Сене мгновенно расхотелось осматривать штольню, только признаться в этом было стыдно – сама же просила! Филипп достал из коробки новые свечи и зажег их от ближайшей громадины.

Здесь было в самом деле очень влажно; скала оканчивалась всего в нескольких десятках шагов от двери, и дальше ход был прорыт в земле. Кое-где по стенам даже текли струйки воды – наверху шел сильный дождь. Деревянные подпоры, почерневшие от старости, покрылись пятнами мохнатой плесени. Камни, крепившие стены, повывалились, и на полу горками лежали песок и глина,

насыпавшиеся из образовавшихся щелей.

Идти было трудно. Сеня, проклиная себя за глупость, совсем уж было собралась просить вернуться, когда Филипп остановился.

– Пришли, – коротко оповестил он и прислушался. Капель в переходе будто бы учащалась...

– Наверху гроза! Надо бы поворачивать. Ну да ладно! Раз уж пришли! – принц поднял свечу над головой, осветив пространство перед собой. – Осторожно, здесь ступеньки, – предупредил он спутниц.

Спустившись по лестнице, дети оказались в небольшой пещерке. Тут-то и велась некогда разработка породы. Но ничего интересного девочка не увидела. Камень и камень! Несколько узких лазов в стороны, пробитые в скале. Какие-то старые, поржавелые инструменты... Можно было уходить.

Они уже успели подняться по лестнице, но дальше не пошли, остановились; в проходе с потолка посыпалась земля, затрещали перекрытия...

В это мгновение наверху молния вонзилась в дерево, и страшный удар грома буквально сотряс землю.

– Назад! В пещеру! – отчаянно завопил принц.

Спотыкаясь, они бросились вниз по ступеням. Очутившись в безопасности пещерки, дети долго не могли отдышаться – так перепугались. Из перехода не доносилось больше никаких звуков, как вдруг!... Сеня буквально подскочила от неожиданности! В хлюпающей тишине отчетливо раздалось лошадиное ржание! Очень близко. Еще раз... Сене показалось, что она его узнала! И девочка будто ошпаренная кинулась вверх по лестнице.

– Стой! Вернись сейчас же! – закричал Филипп ей вдогонку. – Ну подожди меня, по крайней мере!

С трудом они пробирались по кучам влажной земли и камням, обвалившимся после удара молнии. Отчаянное ржание несло им навстречу. Сеня, спотыкаясь, побежала.

С разбегу обхватила она руками белую шею, гладила, успокаивала... Подоспевший Филипп обнаружил, что Белоснежка поводом умудрилась зацепиться за подпору и, не понимая, что ее держит, рвалась в ужасе вперед. Почувствовав хозяйку, лошадь немного успокоилась, и принц смог выпутать повод. Он недоуменно произнес;

– Как она могла здесь очутиться?

– Это из-за меня... – виновато пробормотала Сеня. – Я, наверное, плохо ее привязала. Она отвязалась, соскучилась и пошла за нами. Да, Белоснежка?

Лошадь, словно отвечая на вопрос, мотнула головой, а из темноты донесся обиженный голос принцессы:

– Меня-то подождали бы! Бросили одну, у меня свеча погасла – вон как с потолка льет!

Филипп примирительно пожал лапку сестры и зажег потухшую свечку. Ход оказался для лошади узковат. С трудом друзья развернули Белоснежку головой к выходу. Лошадь упрямылась и, упираясь, отказывалась идти обратно. Наконец, общими усилиями ее все же удалось стронуть с места, но очень скоро, увы, беднягам снова пришлось остановиться.

Хода дальше не было! Впереди произошел обвал.

* * *

В ужасе несчастные смотрели на гору влажной глины. Вот почему Белоснежка боялась идти назад! Беднягу чуть не задавило! Она, видно, едва успела выскочить из-под рушившихся на нее стен.

Сеня, вцепившись в лошадиную гриву, с трудом сдерживала слезы.

«Все из-за меня, – думала она. – Если бы не мое дурацкое желание осматривать штольню, мы были бы сейчас на пути домой. Из-за меня чуть не погибла лошадь, а все вместе оказались в страшном, безвыходном положении! – Девочка боялась поднять глаза. – Хорошо еще, что вокруг так темно!»

– А нам, знаете, повезло, – вдруг раздался спокойный голос принца.

Сеня вздрогнула и посмотрела на него. О каком везении шла речь?

- Во-первых, нас могло самих задавить этим обвалом. Чистая случайность, что мы не повернули раньше, а все же спустились в пещерку. Во-вторых, Белоснежка, как и мы, цела и невредима. А в-третьих, если не ошибаюсь, она везла с собой весь запас провизии!

- Да, да! В самом деле, нам здорово повезло! - подхватила Пина.

Сеня благодарно вздохнула. Какие хорошие у нее друзья!

Снова не без труда развернув лошадь, дети тронулись потихоньку в обратный путь. Белоснежка все еще очень нервничала. Сеня и принцесса вели ее, крепко держа с двух сторон под уздцы. Филипп пробирался первым, растаскивая завалы камней, через которые лошади было не пробраться.

Но вот наконец и лестница! Появилась новая задача: как свести Белоснежку вниз в темноте, чтобы она не переломала ног. Оставлять ее одну наверху нельзя - бедняга и без того взвинчена до предела, и сейчас ей просто необходимо успокаивающее присутствие хозяев. Остаться с лошадью наверху в тесном мокром проходе тоже невыносимо. Впереди вечер и длинная, длинная ночь. Но, к счастью, у них оставался еще большой запас свечей. Филипп вытряхнул их все из мешка и, капая на камень горячим воском, стал прилеплять по свечке на каждую ступеньку. Очень скоро вся лестница была освещена.

- Ну давайте попробуем, - сказал принц, и Сеня, спустившись на пару ступеней, потихоньку потянула Белоснежку к себе. Та, осторожно переставляя копыта, принялась спускаться и быстро одолела весь пролет.

- Умница моя, - похвалила ее Сеня, облегченно переводя дух.

Филипп собрал свечи, оставив только одну. Стало совсем темно, но что поделывать? Свечи были теперь их самой большой драгоценностью.

Друзья устроились в дальнем конце пещерки, где осталось лежать несколько крупных кусков породы - на них вполне можно было сидеть. Пина помогла брату снять с лошади притороченные к седлу перекидные сумы.

- Очень все-таки удачно, что Белоснежка оказалась с нами, - сказала принцесса, развязывая ремни.

- Сейчас мы по крайней мере вкусно поедим! Но неплохо и то, что Орешник с Рыжухой остались у входа. Уже скоро взрослые начнут нас искать и сразу поймут, где мы.

Филипп на это ничего не сказал. Конечно, хорошо, что лошади остались снаружи, но он знал, что хватятся их только поздно вечером. Они с сестрой часто возвращались домой затемно. А в кромешной тьме, которая бывает ночью в этой части Громадной Пещеры, посланные на розыски могут и не заметить лошадей. Да даже если и заметят! Дорога туда-обратно займет несколько часов. Нужно будет привезти сюда тачки, лопаты, крепежи, разбудить и собрать ящериц. Так что откапывать их начнут никак уж не раньше утра. Кроме того, никто не знал, насколько сильно завалило ход. Если обвал был протяженный, могло потребоваться больше одного дня, чтобы сквозь него пробиться. И еще одно беспокоило принца: народ ящериц никогда и ничем не болел. Лекарям приходилось лечить лишь ушибы, переломы да случайные раны. Но ему было известно, что люди в отличие от ящериц только и делают, что болеют. Промочат ноги, замерзнут - и неделю могут провести в постели. Здесь же, в пещерке, было довольно прохладно, а одежда их успела вымокнуть за время хождений взад-вперед по заваленному ходу. Нужно было что-то предпринимать. Выбрав из кучи брошенных инструментов наименее ржавую кирку, Филипп направился к лестнице. Пина переполошилась не на шутку:

- Ты все равно не сможешь пробиться один через завал! Тебя задавит!

- Да нет, - успокоил ее брат. - Я всего лишь за дровами!

Зажав в лапе свечу, принц осматривал подпору за подпорой. Одни совсем уж сгнили, другие вполне еще годились для костра. Наконец он добрался до завала. Тут из земли торчало несколько сломанных, вывороченных столбов. Филипп принялся их откапывать и, провозившись с полчаса, вытащил в проход пару неплохих бревен. Оставалось всего-навсего перетащить их в пещерку!

Вздыхнув, принц снял свой заплечный мешок, Верх его был стянут довольно длинным кожаным ремешком. Филипп вывязал из него скользящую петлю и, сделав киркой в дереве пару засечек,

накинул ее на бревно. Ухватив другой конец ремня, он медленно поволок тяжеленную деревяшку за собой. Свечу пришлось оставить, но ящерицы и в самом деле лучше людей ориентируются в темноте, так что принц, изрядно, правда, намучавшись, дотащил-таки бревно до лестницы. Здесь он позволил себе чуть отдохнуть и отправился обратно. Второй столб Филипп тащил в два раза дольше...

Громыхая, скатились бревна по ступеням вниз. Одно из них расколосось – это было только к стати, ведь деревяшки предстояло еще и изрубить, причем без топора...

На шум прибежали перепугавшиеся Пина с Сеней. Увидев добытые принцем дрова, они заверещали, перебивая друг друга:

– Ну ничего себе! Откуда взялись эти бревна? Как ты дотащил их один? Почему не позвал нас? – это уже возмущенно.

– Я думал, вы пока приготовите поесть. Дайте чего-нибудь! Я сейчас помру от голода прямо у вас на глазах! – ответил Филипп.

В самом деле, казалось, в жизни он не был так голоден!

Ужинали при свечах на вышитой скатерти, которую Пина прихватила с собой для пикника. Еда была замечательно вкусной! Если не смотреть в темноту по сторонам, можно было вполне забыть, где находишься... Был и паштет, и пирог с грибами, и пирожки с черникой, и даже коробка с пирожными! И земляничный компот от обеда в большущей бутылке...

Белоснежка немым укором стояла рядом. Хорошо еще, что совсем недавно она наелась овса. Чем поить и кормить ее дальше? Сейчас, конечно, она получила от Сени несколько печений. Это ее успокоило. Но завтра такие же печенья только раздражат аппетит!

После ужина Филипп занялся костром. Прочно упершись хвостом в землю, он замахивался киркой и изо всех сил бил ею по бревну. Щепки летели во все стороны, и дело подвигалось довольно быстро. Получилось несколько крупных поленьев и куча мелочи, что, в общем, было хорошо – щепки быстрее просохнут. Взяв у Пины промасленную бумагу от пирога, принц сложил из щепочек маленький костерок. Поджег. Бумага вспыхнула ярким пламенем; за ней потихоньку занялись и щепки. Ура! Будет у них костер! Позже, когда огонь хорошо разгорелся, Филипп подложил деревяшки побольше. Можно было сушиться!

Плащи ящериц высохли быстро. Тогда Пина, порядком поспорив, стянула с Сени куртку и штаны и, завернув ее сразу в два плаща, усадила к костру. Плащи были еще теплые, и девочка, пригревшись, задремала.

Спустя некоторое время ее разбудили. Вещи просохли. Сеня оделась и опять села к костру. Глаза сомкнулись сами собой. Она слышала сквозь сон, как рядом устраивается Пина, почувствовала, что ее снова укутывают плащом. Сил сопротивляться уже не было.

«Как родители, – успела подумать Сеня. – Я втравила их в такую историю, а они заботятся обо мне, как родители...»- Страница 3 - Среди ночи Сеня проснулась. Брат с сестрой спали, привалясь друг

к другу головами. Костер еще горел, значит, принц заснул совсем недавно. Может, с полчаса назад – не больше. Девочка решила подбросить в костер щепок. И тут она вспомнила, что разбудил-

то ее какой-то звук!

Сеня опасливо огляделась по сторонам. Белоснежка стояла рядом тихо – спала. Вроде бы ничего... И вдруг, о ужас! Буквально в десятке шагов от костра девочка заметила громадного зверя! Мохнатого, гораздо более крупного, чем медведь! Ужасного!!!

Странно переваливаясь, он медленно и бесшумно подбирался все ближе и ближе к ним...

Но Сеня не стала дожидаться, чем это кончится. Она зажмурилась, набрала полную грудь воздуха и завизжала! Завизжала так, что у самой уши заложило!

Гулкое эхо прокатилось по пещере. Испуганно заржала лошадь. Филипп – тот просто подскочил на месте.

– Что случилось? – испуганно спросил он, мгновенно проснувшись.

Сеня молча указала в сторону чудовища. Но там, где всего мгновение назад высилась черная гора его тела, уже ничего не было. Девочка растерянно вглядывалась в темноту, Принц поднял из костра горящую головешку и пошел посмотреть. Сеня не нашла в себе сил отправиться за ним и осталась рядом с Пиной, которая продолжала спать как ни в чем не бывало. Филиппа не было довольно долго, и девочка успела от волнения обкусать себе все ногти к тому времени, когда он, наконец, вернулся.

– Никого, – покачал он головой. – Может, тебе просто показалось со сна? Сеня возмутилась:

– Ничего себе показалось! Я видела его! Притом совершенно отчетливо! Я и проснулась-то от шума.

– Странно... А я ничего не слышал.

– Ну да, сейчас я тоже не слышала. А тогда он мог задеть камень или вон те железки. – Сеня поежилась. – Громадная черная голова с вытянутым, как хобот, толстым носом. Жуткая, кошмарная зверюга!...

– А глаза? Ты видела глаза? – спросил Филипп.

– Нет, глаз не видела... Да! В этом-то еще и ужас, – добавила она возбужденно. – У него не было глаз!

– Тогда, может быть, нам повезло... – задумчиво сказал Филипп, – Скорее всего, ты заметила крота.

– Крота? – переспросила девочка ошарашенно и замолчала. Она совершенно забыла о своих крошечных размерах! И сейчас, припомнив, как выглядело чудовище, и мысленно уменьшив его, Сеня поняла, что это в самом деле был крот!

– Да, наверное, ты прав, – медленно проговорила она.

Филипп вдруг издал торжествующий возглас.

– Это же совершенно меняет дело! – горячо заговорил он. – Буди Пину и собирайтесь! Может быть, мы сможем раньше выбраться отсюда. Кроты вентилируют свои ходы отверстиями, и мы вылезем через одно из них на землю. Поверху доберемся до дому! Я пойду, разведу.

На этот раз принц прихватил с собой кирку.

Сеня подошла к спящей принцессе и, склонившись над нею, взяла тонкую изящную лапку ящерицы в свои руки.

– Пиночка, просыпайся, нужно вставать, – негромко проговорила девочка.

Пина сразу же открыла глаза и, сонно помаргивая, взглянула на нее. Удивительно, что она не проснулась, когда вокруг стоял тарарам!

– Нужно собираться. Филипп говорит, может быть, мы сможем отсюда выбраться, – объяснила Сеня. Собственно, собирать особенно было нечего. Пина уложила посуду и скатерть. Хорошенько увязав ремни, вдвоем навьючили лошадь. Белоснежка вела себя очень прилично – крота она либо не заметила, либо попросту их не боялась.

Вернулся принц. Как он и предполагал, кротиный туннель оказался в районе завала. В других местах стены были все же прочно укреплены. Крот проделал дыру в обвалившейся влажной земле и пошел по их ходу. Сполз по лестнице и, ковыляя по пещере, до смерти напугал Сеню. Не меньше, вероятно, напуганный ее диким визгом, пришелец развернулся и со всех ног кинулся удирать. Ушел он в ту же дыру, откуда пришел. Филипп так его и не видел, но зато на мокрой глине заметил множество свежих следов.

Костер оставили догорать. Конечно, жалко было покидать его уютное тепло, но и оставаться в мрачной пещере не хотелось. Белоснежка ловко преодолела лестницу – подниматься всегда проще, и снова, уже в который раз, дети оказались в затхлой тесноте старого хода. На полу стояли лужи, но сверху капать перестало, и это очень всех обрадовало. Дождь кончился!

Наконец добрались до завала. В кротиной дыре будто бы было еще темнее, вдобавок этот новый

туннель оказался чуть поуже, чем старый ход. Ненамного, но вернуться по нему обратно, при желании, было бы уже невозможно – лошадь не сможет развернуться. Принц в нерешительности остановился.

– Пошли, что же ты? – заторопила его Сеня. – Белоснежка здесь долго не протянет. Когда-то нас еще откопают? Наши спасатели сейчас в лучшем случае на полпути к Хранилищу.

Сенины слова решили дело. Принц, не колеблясь больше, вошел в нору. Стены, утрамбованные кротинными лапами, влажно отблескивали в свете свечей. Филипп ткнул острием кирки в свод – осталась вмятина. Плотная слеженная земля не осыпалась. Туннель был сделан на совесть!

Идти по ровному гладкому полу оказалось не в пример удобнее, чем по заваленному камнями. Филипп внимательно следил за пламенем свечи. Он все ждал, что огонек потянет вперед – это означало бы близость вентиляционного отверстия, а значит, и выход. Но пламя пока колебалось только в такт шагам. А они все шли, шли и шли... Выхода на землю все не было и не было...

Часа через два Сеня и Пина стали выбиваться из сил – сказывалась накопившаяся усталость, да и однообразие туннеля все больше угнетало. Чуть отдохнув, снова побрели вперед. Наверху уж наступило утро, а бедняги все шагали. Где-то этот несчастный туннель должен же был кончаться! Но он все не кончался. Даже наоборот – взял да и раздвоился! Вернее сказать, кротинный свежий ход шел дальше, а от него отходил в сторону другой – старый, с осыпающимися стенами. Дети совсем было уж собрались пройти мимо него, как спереди вдруг донесся какой-то невнятный шум. Шорох этот быстро приближался, и скоро отчетливо стало слышно сопение. Навстречу шел хозяин туннеля – крот!

На мгновение все оцепенели. Потом Филипп решил:

– Поворачиваем в боковой проход! Быстро и тихо! – скомандовал он.

Принц отступил в сторону и пропустил вперед сестру Сеню, тянущую за собой Белоснежку. Лошадь, наудачу, не стала упираться. Они торопливо пробрались немного в глубь прохода и замерли, прислушиваясь. Принц занял оборонительную позицию – уперся хвостом в землю и поднял кирку над головой. Но, по счастью, крот даже не замедлил хода. Мощный зверь буквально промелькнул мимо; лоснящийся черный его бок на мгновение заполнил проем целиком. Фу-у-ух, какая громадина! И ведь только сейчас, увидев хозяина туннеля вблизи, друзья поняли, насколько им повезло, что нашлось укрытие, да так вовремя! Они осознали, что находиться в кротинном туннеле вовсе не безопасно! И уж возвращаться туда – ну никак нельзя! Зверь мог повернуть назад в любой момент, когда ему заблагорассудится.

Но в конце концов все дороги куда-то ведут! Подземные дороги тоже, и дети пошли туда, куда повел их этот новый путь...

Снова Филипп шел впереди. Свеча, которую он нес, уже догорала, и принц остановился, чтобы достать новую. Сеня устало облокотилась о стену. Внезапно какое-то движение в темноте

привлекло ее внимание. Девочка пригляделась и буквально онемела!

Из стены медленно выползал гигантский удав!... Он судорожно подергивался и извивался, вытягивая из щели свое, как показалось Сене, бесконечное тело. Вот мерзкая голова его коснулась земли, вот он уже ползет навстречу ничего не замечающему принцу. Сенья, наконец, очнулась от столбняка:

- Берегись! - выдохнула она, и Филипп настороженно вскинул голову.

Он оглядел змею, но почему-то никак не отреагировал. Даже не поднял с земли кирку, а только ободряюще улыбнулся.

- Не бойся! Это же дождевой червь! Большое, но совершенно безобидное существо. Ничего не видит и не слышит.

Принц нагнулся и похлопал отвратительную серо-розовую змею по спине, наверное, для того, чтобы показать, насколько она безобидна.

Но девочке даже не стало стыдно. Все равно было

страшно! Удав этот в самом деле был ужасен! Конечно, Сенья не боялась маленьких дождевых червей. Но это еще не значит, что она точно так же не боялась бы громадных трехметровых червяков, если бы те выползали иной раз после дождя прогуляться по лесу. Пусть даже совершенно безобидные, слепые и глухие!

Принц, видимо, это понял.

- Ну тогда давайте пройдем мимо него побыстрее, и дело с концом, - сказал он, забрасывая мешок за спину и подхватывая свою кирку.

Пина успокаивающе тронула девочку за руку, и они поспешно двинулись вслед за принцем. Сенья старалась не смотреть на невозмутимо проползавшего мимо них удавочервяка, а Белоснежка нагнула голову и, пофырвав, обнюхала его - она тоже знала, что червяк безобидный.

Этот старый ход был заселен значительно гуще кротиного. Если там им повстречался только сам хозяин норы, то здесь чем дальше, тем больше стало попадаться всякой живности. Очень странной и, как казалось Сене, очень страшной с виду! К удавочервякам девочка скоро почти привыкла; по крайней мере они не носились взад-вперед с головокружительной скоростью, как это делали многоножки - отвратительные членистые существа мертвенно-белого цвета. Эти выскакивали из щелей безо всякого предупреждения; извиваясь, они скользили по стенам стремительно, но, судя по всему, совершенно бесцельно - возможно, лишь желая напугать кого-нибудь до полусмерти. Если так, то в отношении Сени это им вполне удавалось. Деловито пробегали какие-то крупные, величиной с собаку, насекомые; их волосатые ноги коленками назад, громадные головы, утыканные черной щетиной, и бессмысленные глаза-тарелки не вызвали никаких приятных ощущений. Животные эти не обращали на пришельцев ни малейшего внимания, и Сенья изо всех сил старалась сделать вид, что и они ей тоже безразличны. Но каждый раз, когда из темноты появлялось новое существо, от страха все внутри у нее сжималось, и девочка утыкалась лицом в теплую шею лошади. Ящерицы шли спокойно; даже Белоснежка ни разу не проявила какой-либо тревоги, и Сенья заставила себя хладнокровнее относиться к местным жителям. Ко всему можно привыкнуть со временем! Лишь бы не встретился кто-нибудь действительно опасный.

Филипп вдруг снова остановился.

- Что случилось? Кто еще там выполз? - взвизгнула девочка. Ясно, что было у нее на уме!

Но принц не ответил. Он внимательно рассматривал стены.

Сенья тоже посмотрела. «Ничего особенного! Подпоры как подпоры!... - И тут ее осенило. -

Подпоры!!! Откуда им здесь взяться? Значит, они попали в какой-то укрепленный ящерицами ход!» Девочка потрогала дерево; оно было черное и трухлявое – такое же, как и в том старинном ходе, где их завалило. Но неважно! Главное, что Громадная Пещера где-то поблизости, и найти выход – дело времени!

Но Филипп и Пина отчего-то не проявляли никакой радости. Казалось, они оба были озадачены.

– Что же мы стоим? Нам бежать надо! Быстрее пойдём, быстрее доберемся до дома! – заторопила ящериц Сеня.

– Совсем необязательно, – покачал головой Филипп. – Видишь ли, мы очень хорошо ориентируемся под землей. Так вот все то время, пока мы шли по кротиному туннелю, мы удалялись от Громадной Пещеры. Правильно, Пина?

Принцесса кивнула и добавила:

– В этой стороне никогда не строили ходов, мы бы знали.

Но на Сеню их слова впечатления не произвели.

– Даже если все так и есть на самом деле, это еще не значит, что мы должны здесь оставаться! – решительно заявила девочка. – Куда-то мы, надо надеяться, придем!

Сене просто не терпелось выбраться из этих бесконечных подземных переходов. Куда угодно! Ящерицы согласились с нею – собственно, ничего ведь не изменилось, выбора-то у них и не было.

Снова они шли, шли и шли... Минуло еще несколько часов – счет времени давно уж был потерян... И вот когда Сене стало казаться, что они и в самом деле никуда и никогда не придут, туннель кончился.

Дети стояли перед тяжелой кованой дверью с медной ручкой... Ручкой в виде ящерицы, кусающей себя за хвост.- Страница 4 -_ Филипп долго и внимательно осматривал дверь – и вверху, и внизу, и по сторонам. Что-то он искал; может быть, знак какой-то или надпись.

Наконец он передал свечку сестре и взялся за ручку. Поднатужившись, он попытался повернуть ее, но медная ящерица не поддавалась. Тогда принц

поднял кирку и, просунув острие в кольцо, налег на деревянную рукоять всем телом! Но кольцо сидело мертво... Кирка выпала из лап принца, звякнув о каменный порог. Филипп бессильно привалился к стене.

– Я так и думал! Дверь заговорена, и нам ее никогда не открыть... – пробормотал он устало.

– Как это она заговорена? – не поняла Сеня. – Что это значит, и кто это ее заговорил?

– Ну, точно уж не ящерицы, иначе открывающие слова были бы выбиты где-то здесь. – Филипп теперь ощупывал дверь, будто надеясь, что глаза его обманули. – А их нет... Колдовство, – пояснил он. – Наговор, заперший эту дверь, сделан тем, кто не хотел, чтобы мы туда проникли, хотя бы даже и случайно.

– Кто мог знать, что мы здесь окажемся? – удивилась Сеня.

– Я имею в виду не нас троих, а весь народ ящериц, – мрачно ответил принц.

Девочка замолчала. «Ерунда какая-то! Просто мания преследования!» – подумала она.

– Что же нам делать? – тихонько спросила Пина. В голосе ее звучали слезы. Филипп ответил не сразу.

– Не знаю. Наверное, идти обратно, в кротиный туннель. Что еще?

От одних этих его слов Сене стало нехорошо.

– Ну уж нет! Только не обратно! Постоять у двери и вернуться к милым удавочервякам! Наверняка

что-то можно сделать – только придумать что!

Девочка подошла к двери и, взявшись за кольцо, подергала его – просто так, от отчаяния; она ведь видела, как бился над замком принц, а он был гораздо сильнее нее.

И вдруг, о чудо!!! Под ее рукой медная ящерица легко, даже не скрипнув, повернулась на полный оборот! Дверь, дрогнув, стала медленно открываться... Ящерицы переглянулись в радостном изумлении. Вот уж чего никто не ожидал! Но Сеня не успела насладиться своей победой. Из образовавшегося проема хлынул поток ослепительного света! После крошечной тьмы подземелья он казался нестерпимо ярким, так что дети даже отступили на несколько шагов обратно, в темноту. Но вот девочка в нетерпении рванулась вперед. Она первой переступила через порог и пораженная замерла на месте.

Это был, наверное, сон! Или нет, это был Бело-Голубой Город – тот самый, с картины... Стены его, будто сахарные, сияли чистой белизной в солнечных лучах. Лазурит колонн и пилястр был подобен голубым узорам на молоке саксонского фарфора...

Сеня вопрошающе взглянула на друзей. Те буквально впилась глазами в открывшуюся им картину, но девочке показалось, что глаза их блестят как-то слишком уж сильно.

– В чем дело? Что-то не так? – сразу обеспокоилась Сеня.

Пина улыбнулась ей сквозь слезы.

– Это Забытый Город... Забытый Город, который мы покинули уже полтысячелетия назад. Пять сотен лет наш народ безуспешно искал его, но если бы не ты, нам, может быть, никогда так и не удалось бы его увидеть...

– Ничего не пойму!... – пробормотала девочка.

Принц кивнул.

– Неудивительно! История эта весьма запутанная... Но ты оказала нашему народу неоценимую услугу! Ты открыла сейчас заколдованную дверь, к которой пятьсот лет мы не могли даже приблизиться. Как ни старались! Теперь, я уверен, королева расскажет тебе о всех наших злоключениях. Я только скажу, что раньше мы жили очень счастливо в этом городе, и были мы, как ни трудно сейчас в это поверить, людьми, а не уродливыми пресмыкающимися...

– Никакие вы не уродливые! – заспорила Сеня. – Гибкие и изящные! Особенно Пиночка! – девочка дернула принцессу за край плаща.

Та взглянула на нее с благодарностью, но круглые черные глаза ящерицы были еще полны слез.

– А сейчас я предлагаю соревнование: кто первый добежит вон до того фонтана! – крикнула Сеня и кинулась бежать. Потом она подумает обо всем об этом!

От яркого света, простора кровь буквально забурлила в жилах; хотелось кричать и бешено мчаться вперед, не разбирая дороги, – почувствовать, наконец, что нет больше вокруг ненавистой кротиной норы. Это было настоящее счастье!

Белоснежка само собой быстро всех обогнала и бежала впереди, высоко вскидывая задние ноги, будто малый жеребенок. Она ощущала, верно, то же самое! Сеня припустила за ней, но что и говорить, ее любимица первая домчала до фонтана.

Это было чудесно! Затейливый фонтан казался вырезанным из куска рафинада... Белая красавица лошадь, дугой изогнув шею, пьет из него воду. Девочка любовалась на бегу волшебным этим зрелищем... Но вот, наконец, и она зачерпнула пригоршню ледяной воды и плеснула себе в лицо. У-у-у хорошо!

Ящерицы брызгали друг на друга водой, заливаясь довольным смехом. Налетающий ветерок сносил струи воды в сторону, и детей то и дело обдавало дождем брызг. Было очень тепло. Солнце пригревало. Сеня подняла голову и искала его глазами.

Солнца не было!!!

Все вокруг было буквально залито светом, но самого светила не было и в помине! Забытый Город был накрыт каменным колпаком... Как и тот – другой город ящериц, – он находился под землей, в пещере. Кстати, ветру здесь тоже совершенно неоткуда было братья! Но ветерок тем не менее все налетал и обдавал детей брызгами, и приносил с собою жаркий запах неведомых трав с невидимых глазу лугов...

У Сени просто голова шла кругом – настолько все это было невероятно! Но девочка быстро взяла себя в руки; потому как, если удивляться всему, что было странным у ящериц, можно очень быстро сойти с ума. Быть может, ей в самом деле когда-нибудь раскроют бесчисленные эти тайны!... А пока – пусть все будет так, как есть!

Вдоволь натешившись у фонтана, друзья зашагали по гладким белым плитам дороги, направляясь к центру. Вблизи город оказался ничуть не хуже, чем издалика. Дома, построенные крепко – на века, являли собой верх архитектурного искусства. Лазуритовые колонны порталов, воздушная синева арок только подчеркивали снежную белизну стен и скульптуры. Около домов на газонах стояли и лежали гигантские кувшины, до половины заросшие белыми и голубыми цветами. Фонтаны в этом городе были повсюду – тихое журчание воды наполняло воздух; вдобавок со всех сторон звучала музыка. Музыка эта была странная: тихая, ненавязчивая, но непрерывная, обволакивающая, напоминающая чем-то протяжные песни ящериц... Девочка шла, прислушиваясь, тщетно пытаясь определить ее источник. Но тут выяснилось, что кувшины – вовсе не кувшины, а особые музыкальные инструменты. Каждый звук – слово, стук, крик, попадая в них, проходил сквозь множество мембран, меняясь, усиливаясь, рождая, наконец, мелодию, всякий раз новую, неповторимую. Голоса кувшинов откликались один в другом, сливаясь в чудное многоголосье. Только ночью в городе становилось тихо, а днем нежная музыка всегда сопровождала жителей.

Скоро Сеня устала вертеть головой, рассматривая все вокруг, и теперь просто брела, укутанная в музыку и бело-голубую красоту. Теперь становилось понятно, почему ящерицы так упорно искали свой город – они тосковали по нему! Девочка, пробывшая в городе только час, успела уже почувствовать, что как раз забыть-то его и нельзя, несмотря на название...

Поворачивая с улицы на улицу, дети приближались к дворцу, стоявшему на холме в самом центре города. Забыв об усталости, Филипп и Пина все убыстряли шаг. Они спешили домой! Это тоже было не вполне понятно: если народ ящериц потерял свой город пять веков назад, как здесь могли родиться принц с принцессой? Они ведь были Сене ровесниками! Вернее сказать, принц был чуть постарше, но не на пятьсот же лет!

Но вот, наконец, и дворцовая площадь. Фонтаны каскадом поднимаются от нее к белоснежному дворцу. Площадь, выложенная голубыми плитами, лазурная вода в белом кружеве фонтанов – казалось, небо опустилось здесь на землю да так и осталось лежать, изливая вверх светлые струйки дождя из редких своих облаков...

Оставив Белоснежку гулять между фонтанами, друзья быстро одолели широкую белокаменную лестницу и остановились перед высокой двустворчатой дверью. Принц, волнуясь, толкнул ее. Дверь была не заперта. Дворец, казалось, ждал их... Пина тотчас же побежала наверх, к себе. Сеня – за ней. Проносясь сквозь анфиладу комнат, девочка с сожалением отметила, что у нее дома за три дня пыли набирается, пожалуй, побольше, чем здесь за полтысячи лет. Вообще все в этом городе выглядело так, как если бы жители прибрались как следует напоследок, прежде чем покинуть его. Но не пять веков назад, а сегодня утром. В комнате принцессы даже цветы в вазах стояли будто только что срезанные. Сеня осмотрела букеты. Да!... Роса еще не обсохла! Пина тоже все это заметила.

– Хорошо Покровительница заботится о Городе, – удовлетворенно кивнула она.

Комната принцессы была небольшая, но совершенно прелестная. Пушистый белый ковер на полу,

стены, обтянутые шелком жемчужного цвета, крахмальная кружевная постелька и множество роскошно одетых кукол, чинно сидевших на маленьких стульчиках вдоль стены. Куклы были такие красивые, что у девочки глаза разбежались, но выбрать самую лучшую Сеня не смогла бы – настолько все хороши! Впрочем, играть не хотелось – хотелось спать. За прошедшие сутки на долю детей выпало столько волнений и трудностей, что хватило бы на любого взрослого. Пина уже разбирала постель.

– Ты ложись здесь, а я пойду к маме в спальню. Думаю, нам нужно сначала как следует отоспаться, а уж потом решать, как добраться до дому.

Сеня тихонечко вздохнула – она соскучилась по своим родителям. Хорошо еще, что они не волнуются: девочку отпустили в гости на два дня, как и просила в приглашении королева. Сеня нырнула в прохладные простыни, устроилась поуютней и, не успев больше ни о чем подумать, заснула.

* * *

Открыв глаза, Сеня сразу же почувствовала, что бодрость переполняет ее. Здешний воздух, видно, придавал сил. Девочка вскочила, оделась и подбежала к окну. Какая красота! Тугие струи фонтанов блестят на солнце; брызги монетками рассыпаются по голубой воде. А вот и красotka Белоснежка – стоит по колено в белых цветах и с удовольствием их жует. Ну и чудесно! По крайней мере не нужно думать хотя бы о ее пропитании. Сеня вдруг рассмеялась. Хотелось еще петь и, пожалуй, танцевать. Но она решила танцы пока отложить – сильнее хотелось есть. Девочка спустилась по беломраморной лестнице в холл и пошла по первому этажу, заглядывая в двери. Не сразу нашла она кухню, в дальнем конце которой была еще одна дверь – в кладовую, откуда доносились голоса Пины и Филиппа, что-то оживленно обсуждавших. Сеня вошла в кладовку.

– Проснулась? – улыбнулась Пина. – А мы тут решаем, чего бы нам перекусить.

Девочка окинула глазами кладовую. Было о чем поспорить! Полки буквально ломились от невероятного количества разнообразной снеди. Тут были и желтые круги сыра, и красные от перца бруски сала, и розовые окорока, и золотистобокая копченая дичь; колбасы и сосиски разнообразных сортов гроздьями свисали с вбитых в балки крюков. Одна стена полностью – от пола до потолка – была заставлена разноцветными банками с компотами и соками. Внизу выстроились бочонки с медом и вареньями, кадушки с солеными огурцами, грибами, моченой ягодой и бог знает с чем еще... Перед Пиной стоял столик на колесах, который она обильно нагружала всей этой провизией.

– Захватите хлеб, – попросила принцесса, уже выкатывая столик из кухни. Сеня поискала глазами и увидела еще одну полку, заполненную хлебами. Девочка выбрала большую золотистую булку – она была еще теплая!

Обедали втроем в огромной столовой в нижнем этаже, а после расслабленно сидели в креслах, попивая ежевичный сок, любясь сквозь открытые окна буйными зарослями цветущего кустарника.

– Я думаю, дольше задерживаться нам здесь не стоит, – нарушил, наконец, затянувшееся молчание принц, – Дело идет к вечеру.

– А как ты собираешься выбираться отсюда? – сразу насторожилась девочка, которой и вспоминать-

то о кротином туннеле было противно.

- Должен быть где-то выход наверх. Надо его отыскать. Мы прожили здесь ящерицами совсем недолго, но пытались найти дорогу обратно - туда, где жили в этом городе людьми, - ответил Филипп, и Сеня кивнула.

Правда, поняла она, как всегда, не все, а только то, что выход все-таки был. Девочка начала было собирать на столик грязные тарелки, но Пина остановила ее:

- Не надо. Покровительница позаботится.

Не надо так не надо! Пусть, конечно, Покровительница моет посуду, если ей так хочется. Сеня, собственно, и не собиралась! Только отвезти на кухню...

Но вот дети покинули стены гостеприимного дворца. Филипп со вздохом затворил за собой двери любимого своего дома и догнал подруг, уже спускавшихся по лестнице. Белоснежка, издали завидев хозяев, радостно заржала. Ну конечно же, Сеня не забыла об угощении!

Выйдя с дворцовой площади, друзья направились по улицам города к стене пещеры, в сторону, противоположную той, откуда пришли. Музыка, обволакивая, тянулась вслед за ними. Аромат цветов еще усилился, тени домов удлиннились - близился вечер. И в самом деле надо спешить! Впереди ночь.

Наконец, город остался позади. Дети были уже почти у самой скалы, когда девочка неожиданно для себя остановилась. Какое-то неприятное чувство охватило ее. Сеня, зябко поежившись, огляделась по сторонам. И вдруг она увидела источник своего беспокойства.

Черная Пирамида на фоне Бело-Голубого Города была подобна коршуну, парящему в безоблачном небе. Даже издали она казалась довольно большой - высотой с дом, не меньше, а нестерпимая, абсолютная чернота камня была настолько чужеродной светлым этим окрестностям, что сомнений в его зловредном происхождении не оставалось. Девочка окликнула друзей. Ящерицы в недоумении уставились на зловещий монумент - было ясно, что они никогда не видели его раньше. При ближайшем рассмотрении Пирамида оказалась вырублена из цельного куска черного мрамора, отполированного до блеска. На всех ее четырех гранях была выбита какая-то надпись. Серебристые буквы, вспыхивая на солнце, сливались в странный орнамент. Если, конечно, это и в самом деле были буквы! Но может, это родной язык ящериц?

- Вы понимаете, что здесь написано? - спросила девочка.

- Да, конечно! - мрачно кивнул принц. - Сейчас переведу. - Он немного помолчал, подбирая слова, потом прочитал громко и внятно:

- Я, Хозяин Болотного Черного Замка, приказываю!

Вы, мерзкие твари, покиньте сей Город!

Он был вам под стать, когда вы были людьми.

Теперь навсегда забудьте название Города;

Вам не найти пещеру, где он стоит!

Ну а что как случайно пред входом окажетесь?!

Что ж! Пирамида магической силой

Закрывает все двери навек!

Принц замолчал, а Пина понимающе покивала головой.

- Теперь понятно, почему ты не смог открыть дверь. Даже если б собрались все наши самые сильные мужчины, и им было бы не под силу одолеть колдовство... Но все же странно, что у Сени получилось...

Принц покачал головой.

- Ничего странного в этом нет. Камень держит двери закрытыми только от ящериц. А от человека... Как человек может оказаться в кротином туннеле? Если бы не наш уменьшительный порошок! Болотник, думаю, не знает, что Покровительница подарила нам его секрет!

- Да... Болотнику узнать об этом было неоткуда, - согласилась с братом Пина.

Но время не стояло на месте. Дети снова повернули к стене. Настроение испортилось: мрачная Пирамида напомнила о злом волшебнике, причинившем ящерицам немало зла. Выход нашли

быстро. Он оказался почти напротив черного камня и закрыт был дверью, очень похожей на предыдущую, с такой же ручкой в виде ящерицы, кусающей себя за хвост. Принц было взялся за нее, но, конечно жег безрезультатно. Впрочем, теперь друзья уже ожидали этого. Филипп уступил место Сене, и она без малейшего труда повернула кольцо. Дверь открылась.

Как не хотелось покидать этот теплый бело-голубой мир! До чего невозможнo было менять его на промозглую темень подземного хода! Но делать нечего – и друзья вошли под каменный свод, даже не оглянувшись на Забытый Город, чтобы не расстраивать себя лишний раз. Дверь оставили открытой – Филипп даже припер ее камнем, чтобы не захлопнулась ненароком, иначе ящерицы без девочки не смогут попасть в пещеру.

К счастью, это путешествие оказалось недолгим! Очень скоро навстречу потянуло свежестью. Еще полсотни шагов – и вот она, матушка-земля! Сеня глубоко вдохнула прохладный лесной воздух. Выбрались наконец-то! Но радость быстро вытеснили тревожные мысли. В Забытом Городе все было им под стать, по росту, а здесь со всех сторон подступали непроходимые джунгли, полные опасностей, – пусть это были всего-навсего травы и полевые цветы. Девочка вдруг остро почувствовала свою незащищенность. Если крот в подземелье был огромным зверем – что же говорить о кошке или собаке? Печальный опыт принцессы не придавал смелости...

Сеня отогнала неприятные воспоминания. Пора было выяснить, в каком месте они выбрались на землю. Сделать это придется ей, потому как из троих только она знала окрестности. Принц с принцессой если и бывали наверху, то от щели своей никогда не уходили, ну а Сеня обегала всю округу не один раз.

Подземный лаз в город, как и тот, в Громадную Пещеру, был скрыт от посторонних глаз большой каменной глыбой. Филипп подвел Белоснежку к валуну-скале; он помог девочке влезть лошади на спину, откуда Сеня перелезла на выступ и, цепляясь руками за неровности камня, проползла еще немного вверх. Обернулась, Очень мешали перепутанные размеры – ландшафт исказился до полной неузнаваемости. Но наконец девочка облегченно вздохнула – место все-таки знакомое; правда, оно было довольно далеко от Громадной Пещеры. Будь Сеня нормальной величины, она в два счета пробежала бы это расстояние! Но, имея столь ничтожный рост, пешком за ночь не дойти!... Выход только один: садиться на Белоснежку – и вперед! Одной, оставив ящериц ждать. В гуще леса девочка отыскала глазами тропинку. Пожалуй, еще дотемна можно успеть доскакать до входа в пещеру. Оставалась сушая мелочь: уговорить ящериц!

Но, как Сеня и ожидала, принц проявил удивительное упрямство. Никакие доводы на него не действовали, На все ее уговоры он отвечал с поразительным однообразием: «Это абсолютно невозможно!» и «Это слишком опасно!» Девочка наконец замолчала. Пина не участвовала в их споре, но и без того было ясно, что она на стороне брата. И Сеня решилась!

Улучив подходящий момент, девочка быстро вскочила на лошадь и, не разбирая дороги, понеслась сквозь мокрые от росы джунгли к тропинке. Филипп с криком кинулся за ней, но быстро отстал. Сеня выбралась на широкую дорогу (это раньше она была для нее тропинкой) и, приложив рупором руки ко рту, крикнула:

– Вернитесь в Город и ждите меня к утру. Я приведу лошадей! Не волнуйтесь!

Девочка, замолчав, прислушалась. От валуна донеслось:

– Будь осторожна-а-а... Счастливого пути-и-и...

Сеня развернула Белоснежку в сторону дома, и они стремглав понеслись по дороге, пролегавшей в самой гуще непроходимых джунглей. Было еще

светло, солнце шло быстро. Страница
 Сеня и не подозревала раньше, насколько тропинка была холмистой. Белоснежка то и дело взбиралась на пригорки – их здесь, оказывается, было в изобилии. Камешки, на которые девочка

раньше наступала, не замечая, превратились в валуны – так что скачки получились настоящие, с препятствиями! Да еще с какими! К примеру, упавшая поперек дороги сосновая ветка обернулась огромным деревом, густо утыканным острейшими мечами. Пришлось даже спешиться и перевести через него лошадь – Белоснежка могла израниться.

А что творилось в джунглях! Кошмар, да и только!... Девочка изо всех сил старалась не замечать ужасных тех животных – скакавших, стрекотавших и пожиравших друг друга во влажном сумраке зарослей. Успокаивать ее было некому! Оставался единственный выход: не обращать внимания! Сеня взяла себя в руки и некоторое время даже не смотрела по сторонам, пока какая-то гигантская туша не шлепнулась на дорогу прямо перед ее носом. Белоснежка испуганно шаркнула в сторону. Сеня с бьющимся сердцем соскочила с лошади и затащила ее поглубже в джунгли. Затаившись в густом подлеске, девочка пыталась высмотреть – кто же это там так плюхнулся, напугав ее до полусмерти. Сумерки сгущались на глазах, торопясь обернуться темной безлунной ночью, мешали ветки, но Сеня все-таки разглядела чудище.

Это был здоровенный бугристый бурдюк ростом раза в полтора больше девочки. Он был покрыт светлой, в бурых пятнах кожей, которая даже издали казалась влажной. Бурдюк сидел неподвижно, а кожа под гигантским ртом до ушей то надувалась, вытягиваясь, то снова опадала – в такт дыханию. Немигающие стеклянные глаза твари глядели в стороны – бессмысленные и равнодушные ко всему миру. Впрочем, что-то наверняка волновало и ее; Сеня надеялась, что не маленькие девочки!

Но вот чудище оглушительно квакнуло и, высоко взлетев в воздух, исчезло. Это была лягушка! Поди догадайся! Хорошо еще, что она плюхнулась на дорогу, а не на Сенину голову – кто бы сейчас тогда, дрожа всем телом, влезал на лошадь?

Но несмотря на все эти неприятности, полдороги было преодолено; оставалось только перейти ручей, а там уже почти рукой подать... Тут девочка поморщилась: «Ручей! Не через ручей, а через речку придется переправляться!»

И в самом деле, скоро всадница добралась до берега полноводной реки. Берега ее заросли совершенно непролазно; гигантские травы, торчавшие прямо из воды, переплелись меж собой, не оставив ни одного просвета. Спешившись, девочка вошла по колена в воду и принялась раздвигать тяжелые упругие стебли в стороны, Это оказалось бесполезным занятием. Тогда Сеня стала залезать на листья, прыгая затем в воду, снова залезая. Белоснежка была потяжелее и шла за девочкой, раздвигая траву грудью. Но как только Сеня влезла в седло, она остановилась будто вкопанная, напрочь отказываясь идти дальше. Боялась! Чертыхнувшись про себя, девочка снова

спрыгнула в холодную черную воду, чтобы продолжить скачки с препятствиями. Наконец они выбрались на открытое пространство. Теперь лошадь шла рядом, сдерживая натиск течения. Очень скоро вода уже была Сене по грудь, затем по шею, а потом она, держась за повод, поплыла. Река, к счастью, оказалась не слишком глубокой, и Белоснежке плыть не пришлось; не то бы их снесло вниз – ищи потом тропинку!

Когда девочка с лошадью выбрались на другой берег, вышла луна; ее свет засеребрил реку и осветил дорогу, Как жаль, что эти лучи не согревают! Сеня вскочила в седло, и брызги веером полетели от нее в разные стороны.

«Бр-р-р! До чего холодно!»

Дорога здесь была поровнее и поутоптанней, и Белоснежка теперь мчалась так, что ветер свистел в ушах. Лошади от такого бега наверняка было жарко, у Сени же зуб на зуб не попадал. Впрочем, очень скоро показался валун, прикрывавший вход в Громадную Пещеру. Он белел в свете луны, и девочка порадовалась, что ночь сегодня безоблачная – в темноте могли бы проскочить его, не заметив.

Сеня спрыгнула с лошади и, намотав повод на руку, свернула с дороги в джунгли. Какое-то напуганное насекомое с шумом шарахнулось в сторону, но девочка даже бровью не повела. Она шла и гордилась собой. «Добралась! Одна, без всякой помощи!» И, конечно же не Сене теперь бояться каких-то ничтожных жуков – всего-то и ростом ей по колено! Она так расхрабрилась, что, завидев в зарослях электрический фонарь светлячка, даже подошла взглянуть на него. Светляк оказался червяком – довольно крупным, плоским и покрытым темной щетиной. На его хвосте горели зеленоватым светом две полосы, На редкость странное животное! Сеня совсем было уже прошла мимо, как вдруг вспомнила – свечей-то у нее нет! Как она станет пробираться в кромешной темноте перехода? Девочка вернулась и, поднатужившись, подняла увесистого червяка; взвалила его на седло. Белоснежка стояла смирно, прядая ушами и кося на хозяйку подозрительным взглядом. Умница лошадка! Но нужно чем-то привязать червяка, чтоб он не свалился. Сеня подняла с земли острый камень, выбрала длинную тонкую травинку и двумя сильными ударами срубила ее. Обмотав светляка посередине этим зеленым ремнем, накрепко привязала к седлу.

Сеня продиралась сквозь высокие заросли наугад, держа направление на валун. Как бы не пройти в темноте мимо него... Но нет! Она буквально уперлась в его каменную громаду! Здесь уже девочка ориентировалась прекрасно, и скоро они с Белоснежкой, везущей на спине червяка, скрылись в черном провале входа.

Светляк работал хорошо – освещал дорогу на несколько шагов вперед; к тому же и идти здесь было совсем недолго. Сене даже не успело надоесть – понятно, что она теперь возненавидела все

подземные переходы, – а они уж были в Громадной Пещере

Тут тоже была ночь, но светлячковая луна освещала подземелье ничуть не хуже, чем ее небесная товарка – землю. Хрустальная дорога тихо сияла в темноте, больше всего походя сейчас на застылую реку; алмазные кровли замка загадочно мерцали в лучах ночного светила... Его обитатели не спали, несмотря на позднее время. Да и в городе тоже светились разноцветные окошки.

Сеня отвязала сослужившего службу светляка и, стащив его с седла, положила около обочины. Звонкий топот копыт далеко разнесся в ночной тишине. Белоснежка, почувствовав близость родной конюшни, неслась изо всех сил. Замок становился все ближе... Вот их, наконец, заметили! На стене меж башенок замелькали огни, тени... Вот копыта простучали по дереву подъемного моста, и ящерицы кинулись всаднице навстречу. Сеня соскочила на землю, бросила кому-то поводья и побежала к королеве, которая уже стояла в воротах.

– Они живы! Не беспокойтесь! С ними все в порядке! – начала говорить девочка еще издалека и увидела, как из груди исстрадавшейся матери вырвался вздох облегчения.

Тут же Сеня вкратце рассказала об их приключении: об обвале в кротином туннеле и найденном городе. Объяснила, почему она одна, добавив, что принц с принцессой ждут ее с лошадьми. Агриэль немедленно приказала готовить коней к дороге – целый отряд ящериц будет сопровождать девочку в обратном пути. Королева послала также гонца к Хранилищу. Там не покладая рук трудились ящерицы – раскапывали обвал; он действительно оказался очень протяженным. Никто уже почти не надеялся, что детей найдут живыми.

Застучали копыта лошадей, уносивших всадников с радостными известиями, зазвонили где-то колокола. Отовсюду неслись крики:

– Они нашлись! Дети живы! Найден Забытый Город!

Пока Сеня, завернутая в нагретую махровую простыню, пила чай, одежду ее высушили. Чай, заваренный из целебных трав, был ароматным и очень крепким, так что когда девочка спустилась вниз, она чувствовала себя вполне отдохнувшей.

Белоснежка уже ждала. Ящерицы, завидев своего проводника, повскакивали в седла. И вот отряд, состоявший из пятнадцати конных ящериц, девочки на белой лошади и двух лошадей в поводу, выступил в поход.

* * *

Ящерицы, одетые в разноцветные плащи, были вооружены длинными копьями. Кроме этого, у каждого всадника поперек спины висел меч в кожаных ножнах. Рукоять меча, украшенная драгоценными камнями, торчала над левым плечом воина. Лошади, помимо своих седоков, везли еще по порядочному тюку поклажи. Зачем ящерицам понадобилось брать с собою столько поклажи, было неясно.

Ехали вначале в молчании, но потом любопытство взяло верх, и гордые рыцари забросали девочку вопросами о Забытом Городе. Девочка начала с заколдованной двери и описала все их недолгое пребывание в открытой ими пещере, не забыв и о Черной Пирамиде. Пересказала заклинание, выбитое на ее гранях. Ящерицы, не перебивая, внимательно слушали. В их глазах появилось

уважение к госте, и оно возрастало по мере того, как Сеня выкладывала все новые подробности. Выезжали они с чужой маленькой девчонкой, сейчас же ехали бок о бок с человеком, одолевшим колдовские чары, полтысячелетия скрывавшие от их народа родной город.

Внезапно один из всадников что-то отрывисто крикнул. Ящерицы придержали лошадей, отряд остановился. Сеня прислушалась; где-то поблизости по джунглям пробирался какой-то зверь. Судя по звукам – очень крупный! Ящерицы засуетились. Не успела девочка опомниться, как оказалась в центре живого кольца – всадники плотной стеной окружили ее и двух порожних лошадей. Кони стояли хвостами внутрь, головами наружу, а ящерицы, угрожающе подняв копыта, застыли в воинственной позе. И вовремя!

На тропинку, высоко поднимая лапы, выбралось мохнатое чудовище. Его хвост уходил в небо подобно вековой сосне! Его лапы колоссальными столбами упирались в землю! Два огромных глаза, каждый величиной с человеческую голову, горели в темноте дьявольским огнем! Слон рядом с ним показался бы котенком!

Заметив ящериц, зверь на мгновение замер. Затем, бесшумно переставляя свои лапы-столбы, приблизился и, обнажив грандиозные клыки, стал примериваться, как бы ему кого-нибудь схватить.

Это был конец! Сеня в ужасе закрыла глаза и успела уже мысленно попрощаться с жизнью, как вдруг раздался дикий вопль! Зверь взвился в воздух, будто подброшенный какой-то невидимой силой, и было слышно, как, приземлившись где-то далеко в траве, он помчался прочь.

Ящерицы поздравляли друг друга с победой. Оказалось – это был их обычный метод обороны. Встречаясь, к примеру, с кошкой, как случилось сегодня, они беспромедлительно выстраивались кольцом и, подняв над головой копыта, давали зверю приблизиться как можно ближе. А в тот момент, когда он собирался обнюхать или схватить ящерицу, один из всадников неожиданным ударом больно колот его в нос. Напуганное животное обычно предпочитало больше не связываться с коварным противником.

Скоро Сеня узнала множество хитростей, применяемых в сражениях с самыми разными зверями, накопленных в течение нескольких веков.

«Да уж! – подумала девочка. – Нам с Белоснежкой крупно повезло, что еще повстречали лягушку, а не этого кота!»

Отряд тем временем приближался к реке, а Сеня с тоской вспоминала холодную черную воду и прилипающую к телу мокрую одежду. Но ящерицы, оказывается, и не думали переходить реку вброд. Добравшись до берега, они спешили и стали сгружать тюки на землю. Одни еще развязывали ремни, другие уже деловито постукивали инструментами, соединяя друг с другом части какой-то сложной конструкции. Судя по всему, ящерицы привезли с собой в тюках мост, который сейчас и собирали. Всего-навсего! Сеня, конечно, не возражала против строительства, но сколько оно займет времени? Оказалось – сущую ерунду! Девочка и соскучиться не успела, а ящерицы уже подтащили к воде первое звено будущего моста, на него втянули следующее – что-то щелкнуло, и вот второе звено нависло над водой, прочно закрепленное. Мост, изгибаясь плавной дугой, быстро нарастал до тех пор, пока, наконец, его последний пролет не лег на противоположный берег. Не прошло и получаса, как всадники переправились на другую сторону, даже не замочив копыт своих лошадей!

Теперь уже ящерицы, найдя в своей спутнице благодарную слушательницу, стали рассказывать ей о своих подвигах – им было о чем вспомнить, и за этим оживленным разговором всадники незаметно для себя преодолели оставшуюся часть пути. Напротив скалы отряд остановился. Трое воинов, раньше других прыгнувшие со своих коней, выхватили из ножен мечи и направились к зарослям. Они выстроились в ряд и, яростно работая мечами, пошли вперед, оставляя позади себя довольно широкую просеку. Срубленные травяные стволы с шелестом падали по сторонам, серебристые лезвия мелькали в воздухе с головокружительной быстротой... Еще трое ящериц выступили вперед, чтобы сменить уставших, а те отошли к дороге и стали обтирать подолами своих длинных шелковых плащей мокрое от сока травы оружие.

Очень скоро просека протянулась от тропинки до самого валуна, и всадники смогли беспрепятственно до него добраться. Пина и Филипп радостно их приветствовали, а увидев Сеню, кинулись к ней, не помня себя от счастья, – всю ночь они не находили себе места в тревоге за нее, не чая уж увидеть свою подругу живой. Они-то с самого начала знали об опасностях, которые могли подстергать беззащитную девочку в ее ночном путешествии! Нечего и говорить, что их радость была Сене куда как приятна!

Но вот вернулись ящерицы, бегавшие в Забытый Город. Возбужденно переговариваясь, они отвязывали лошадей, собираясь в обратный путь.

Один из воинов подвел к принцессе ее Рыжуху и, кивнув на светлевшее над лесом небо, сказал; – Через час рассвет. Если не поторопимся, можем повстречать человека, а это будет пострашнее кошки!

Сеня, на мгновение представив ужасную эту возможность, побежала к Белоснежке – она не хотела встречаться с людьми!

Дорога обратно, к счастью, проходила безо всяких приключений. Бодрящее действие чая, видимо, окончилось – утомленная девочка заснула прямо в седле. Она не проснулась и во время переправы, когда Филипп, выпростав повод у нее из рук, переводил Белоснежку по узкому мостику через реку. Ящерицы разобрали свое сооружение еще быстрее, чем собрали и снова нагрузили лошадей тюками. Девочка так и проспала до самого замка, а ящерицы, заботясь о ее покое, молчали; впрочем, даже если бы им вздумалось всю дорогу напролет горланить песни, Сеня и тогда б не проснулась – так устала! Только почувствовав, что ее стаскивают с лошади, она приоткрыла глаза; внизу девочку подхватили чьи-то заботливые лапы, и она снова смежила веки. Ее пронесли вверх по лестнице, уложили, не раздевая, в постель; кто-то невидимый задернул

на окнах шторы, чтобы спящей не помешал свет. Дневные светлячки уже вылетали из своих щелей – в Громадной Пещере занималось утро. – Страница 6 – Сеня проснулась лишь к обеду; времени

оставалось, только чтобы вымыться и привести в порядок одежду. Есть хотелось зверски! Когда она уже заканчивала свой туалет, в дверь постучали. – Это я, Пина! Проснулась? Стол уже накрыт! – принцесса заглянула в

спальню, – Пошли скорее! Королева согласилась все тебе рассказать! А потом, увы, придется прощаться, не то твои родители разволнуются и, чего доброго, не станут тебя к нам пускать.

Да, в самом деле, прошло ровно двое суток с тех пор, как друзья покинули замок и направились к Хранилищу. А кажется – минуло недели две, столько за это время произошло событий!

За обедом присутствовали королева, принц, принцесса и голодный волк в образе светловолосой девочки. Сеня почти не замечала, что ест – настолько изголодалась; вдобавок ей не терпелось поскорее услышать объяснение всех тех загадок, которыми во множестве были окружены жители подземного мира.

Наконец покончили с десертом. Агриэль поднялась из-за стола и, пригласив детей следовать за собой, направилась в свой кабинет, где она проводила большую часть времени за книгами. Там перед большим окном, смотревшим на озеро, уже ждали четыре кресла и низкий столик с напитками. Королева села и знаком позволила усесться детям. Разгладив на коленях складки своего шитого золотом плаща, она взглянула в окно и задумалась. Ее круглые черные глаза смотрели куда-то вдаль, за стены пещеры, призывая воспоминания...

Но вот Агриэль вернулась из своего мысленного путешествия и, переведя взгляд на девочку,

сказала:

– Прежде чем я начну печальную повесть о том, как мы стали ящерицами, разреши поблагодарить тебя за Забытый Город. Ты вернула его нам... – она собиралась продолжить, но Сеня так зарделась от этой, как ей казалось, незаслуженной похвалы, что королева, чтоб больше ее не смущать, без промедления начала свой рассказ.

–...Давным-давно наш народ пришел из-за гор и осел в долине Саттар. Эта долина, как и весь наш Мир, расположена неподалеку отсюда, но никто из здешних людей там не бывал, А попасть-то туда очень легко, нужно только знать как! Совсем недалеко от Громадной Пещеры, вверх по течению реки, на высоком берегу лежит плоский круглый камень, похожий на жернов мельницы. Он-то и отмечает место Перехода из Мира в Мир. Надо встать на камень лицом на восток и обернуться через левое плечо семь раз. Теперь, сойдя с камня, ты уже не увидишь реку и лес за нею, окрестности будут незнакомы; это поля и горы Соседнего Мира, в который ты успел попасть совершенно незаметно для себя. Кто и когда устроил этот Переход – неизвестно; это случилось в незапамятные времена! Но думаю, кто-то с той стороны – у нас испокон веков жили могущественные волшебники. Но, впрочем, речь не об этом... Давным-давно наш народ перевалил через гору Рогатую и начал спускаться вниз по ее склону. Открывшаяся глазам долина сразу приглянулась людям; она напоминала родную – ту, которую пришлось покинуть навсегда из-за страшного извержения вулкана. Потоки лавы уничтожили город, в страшном пожаре пропали сады и виноградники. Цветущая долина за несколько часов превратилась в пышущую жаром пустыню, покрытую пеплом и обломками. Люди смогли спастись только благодаря предвидению старого вещуна из далекого горного селения. Тот, почуяв беду, послал гонцов в город – предупредить, но времени на сборы уже не было, и несчастные ушли в горы, не прихватив с собой ничего, кроме того, что можно было унести в двух руках, Долго скитались они в поисках нового места для своего будущего города, пока не добрались до этой прекрасной долины. Но у долины был хозяин. На высокой, торчащей, как исполинский клык, скале стоял белокаменный замок. Добраться до него можно было только по узкому карнизу, вырубленному прямо в камне и обвивавшему скалу подобно спирали от земли до самого верха. Всадник едва ли мог подняться по нему, двое пеших с трудом смогли бы разминуться, и все они были бы замечены сверху в самом начале пути. Да и высокие зубчатые стены оказались бы не под силу любому, даже самому умелому скалолазу. Замок выглядел совершенно неприступным – видно, его хозяину было от кого защищаться... Но этому тогда не придали значения.

Люди продолжали спускаться в долину. Они были голодны и измучены – горожане оказались совершенно непригодными к кочевой жизни. Уже долгое время они кормились чем Бог послал: деньги, захваченные из города, на которые можно было купить у горцев хлеб и сыр, давно вышли, и людям было просто необходимо, наконец, куда-то прибиться – заняться охотой и строительством жилищ.

Мой прапрадед, Астиан Третий, был в городе королем. Теперь он стал вождем этого несчастного оборванного племени и, чувствуя ответственность за судьбу измученных людей, все же решился пойти наверх – поговорить с хозяином здешних мест. Может, тот и не будет против, если неподалеку от его замка вырастет город. Моя прабабка – тогда маленькая девочка – стала просить отца, чтобы он взял ее с собой. Астиан, поколебавшись, согласился, видимо, решив, что измученный вид вконец отощавшего ребенка сможет разжалобить кого угодно.

Вдвоем они поднимались наверх по каменному уступу, вырубленному в отвесной скале. Солнце пекло неумолимо, мучила жажда. Астиан запретил дочери смотреть вниз – от высоты могла кружиться голова, а терять здесь равновесие было уж никак нельзя! Казалось, восхождению не будет конца, но время шло, и они все же добрались до верхней площадки. Белые стены, сложенные из громадных известняковых плит, повсюду были продолжением скалы и в точности повторяли ее очертания; выходило, что замок обойти никак нельзя, а стоять только и можно что на этом маленьком пятачке перед входом. Тяжелые деревянные ворота высотой в три человеческих роста оказались наглухо заперты. Астиан набрал в легкие побольше воздуха.

– Э-гей! Кто-нибудь! – крикнул он, и эхо от его возгласа покатило по горам.

Далеко внизу на берегу реки муравьями копошились люди; гомон голосов сливался с рокотом воды – речка-то была горная, быстрая и шумливая. Из-за ворот долго не доносилось ни звука, но вот наконец они дрогнули, и створки их начали медленно, со скрипом открываться. Астиан пятерней пригладил растрепанные волосы, оправил одежду – он был как-никак король – и первым шагнул в образовавшийся проход. Но напрасно собрался он приветствовать людей, открывших для них ворота. Их не было! Огромные воротины, каждая толщиной в добрых полметра, открылись, по всей видимости, сами собой! Высокая каменная галерея, уводившая куда-то в глубину замка, была совершенно пуста. Тишину, царившую здесь, нарушало лишь потрескивание горевших факелов. Они висели по стенам, удерживаемые медными держателями, сделанными в виде человеческой руки, а копоть от них превратила в черный некогда белый камень сводчатого потолка.

Отец с дочерью миновали галерею и поднялись наверх по узкой лестнице. Еще одна дверь распахнулась перед ними сама собой, и они вошли в огромный светлый зал. В центре его у массивного каменного стола стояла высокая красивая женщина. Она приветливо улыбнулась своим гостям и сказала:

– Входите же! Прошу вас! Боюсь, вас вконец утомил подъем сюда.

Вот так удача! Хозяйном долины оказалась медноволосая красавица с зелеными глазами. Король, представаясь, вежливо приветствовал ее, а женщина внимательно разглядывала его дочь – эту оборванную исхудавшую принцессу. Наконец она покачала головой.

– Какая она у вас бледная! Вы что, ее совсем не кормите? Так нельзя... Подойди-ка ко мне! – поманила она пальцем девочку.

Принцесса приблизилась к каменному столу, на котором стояли три высоких хрустальных бокала и графин, доверху наполненный чем-то винно-красным. Она могла бы поспорить на свое любимое колечко, что, когда они с отцом входили в зал, стол был еще пуст! Красавица, налив бокалы до половины, протянула один девочке, а другой поднесла отцу.

– Выпейте! Это вас сразу же освежит! – сказала она и первой отпила глоток, подавая пример.

Принцесса проглотила вкусный напиток залпом; жажда отпустила ее, но по всему телу пошло какое-то странное жжение. Правда, испугаться девочка не успела – жжение прекратилось, и она как-то сразу почувствовала себя свежей и отдохнувшей – будто, проснувшись утром, искупалась в реке. Щеки ее в одно мгновение загорелись мягким здоровым румянцем. Отец в недоумении оглядел свою на глазах похорошевшую дочь. Да и сам он преобразился: исчезли темные синяки под глазами, разгладились морщины усталости и невзгод, и вдруг оказалось, что он совсем еще молод и даже хорош собой. Теперь уж стало ясно, что хозяйка долины – волшебница; судя по всему – и это очень важно! – добрая! Красавица, усмехнувшись, незаметно подмигнула глазевшей на нее принцессе и повернулась к отцу.

– Вы пришли с просьбой позволить вам строить поблизости город? – спросила она.

Астиан молча кивнул. Хозяйка долины вдобавок читала мысли!

– Ну что ж... Я не против! – она подошла к одному из высоких – от пола до потолка – окон, позволявших видеть окрестности во все стороны; зал-то был круглым. – Но должна предупредить! Поблизости живет еще один волшебник. Конечно, я много сильнее его! Но он коварен и зол... – красавица ненадолго задумалась, затем, решившись, тряхнула пышноволосой головой. – Ну да ладно!

Я смогу вас защитить! Одно только условие – постройте красивый город, чтобы я могла им любоваться!

Обрадованный король поспешил поблагодарить ее, а затем добавил;

– Для строительства нам понадобится камень... Если бы вы смогли указать место для будущей каменоломни, мы были бы вам очень признательны.

Волшебница кивнула.

– Разумеется. Есть у меня неподалеку пара неплохих месторождений. Лазурит и белый мрамор. Подойдет? Но они скрыты другими породами... Сейчас, пожалуй, я вам их открою!

Обернувшись к окну, она вдруг резко вскинула руки. Широкие рукава ее белого платья взметнулись вверх подобно крыльям. С ее ладоней бесшумно сорвались две ослепительные молнии. С грохотом врезались они в подножие горы по ту сторону реки. Скалы трескались на глазах, как переспелые арбузы. Огромные глыбы, подпрыгивая, катились вниз, поднимая тучи песка и пыли. Напуганные люди в ужасе заметались по берегу – больше всего это походило на землетрясение. Волшебница нахмурилась, досадуя на себя.

– Надо было, конечно, людей предупредить! Моя вина! Я так привыкла к одиночеству, что и не вспомнила о них. Вперед буду осторожней, обещаю, – она уже широко улыбалась. – Но я позабыла представиться! Меня зовут Хотт!

* * *

Король с дочерью спускались по узкому карнизу, исполненные радужных надежд. Идти вниз было гораздо легче, да и сил у них поприбавилось после волшебного напитка, и скоро они зашагали по серой гальке, устилавшей берега реки. Вождь спешил обрадовать свой народ, но теперь, когда самое сложное осталось позади, на лицо его снова набежала тень. Как прокормить людей – вот о чем он думал сейчас. Сколько еще пройдет времени, прежде чем они смогут устроиться и наладить хозяйство? Пока вокруг в изобилии была лишь вода!

Каково же было его изумление, когда он вдруг увидел у реки десятки костров, над пламенем которых в котлах что-то уже варилось! Тут же на соломенных циновках горками лежали овощи, фрукты, белые лепешки, крути сыра... Дети, впервые за долгое время наевшись досыта, весело носились по берегу. Их голоса звучали так беззаботно! Они уже успели позабыть все невзгоды...

Астиан Третий смахнул ненароком выступившие слезы и, повернувшись лицом к замку, низко поклонился...

С этих пор Покровительница не оставляла наш народ своей заботой. Проснувшись утром, люди находили на циновках пропитание на целый день. А когда мужчины ушли первый раз в каменоломню, Хотт появилась там и полдня наблюдала за работой – они вырубали из мрамора плиты. Дело это было трудоемкое и подвигалось медленно. Когда работники с закатом ушли домой, волшебница осмотрела единственную полностью обработанную плиту и разочарованно хмыкнула:

– Так они не построят город и за сто лет!

А утром в каменоломне уже лежали тысячи готовых плит... При строительстве она продолжала помогать, ненавязчиво, потихоньку: ямы под фундамент образовывались как-то сами собой, а тяжеленные плиты вдруг так легчали, что здоровенную глыбу мог поднять один человек безо всяких там веревок и рычагов.

Город рос буквально на глазах! Теперь Покровительница появлялась внизу каждый день и с явным удовольствием разглядывала новые дома. До прихода в долину людей ей бывало скучновато, и теперь, когда у нее появилось дело, она с увлечением занялась им. Город стал для нее любимой игрушкой. Когда последние здания были закончены, Хотт заявила во всеуслышанье, что все заботы по поддержанию порядка в городе она возьмет на себя – мол, жители не смогут следить за ним в достаточной мере. Никто, конечно же, с этим не спорил! Жить в Бело-Голубом Городе – Саттаре оказалось удобно и приятно. Красавица Хотт вложила в него часть своей волшебной души, и даже воздух в нем придавал сил, а стены излучали спокойствие.

Благодарные горожане каждый день относили наверх кипы цветов, и волшебница всякий раз радовалась им, хотя при желании могла бы завалить букетами свой замок от пола до потолка. Еще жители заметили ее любовь к украшениям, и ювелиры города засели за работу. Они делали для нее кольца, серьги, броши, ожерелья и вещи покрупнее – шкатулки и вазы для цветов. Хотт оказалась тонким ценителем, и ее похвала являлась высшей наградой для мастера. Тогда-то волшебница и открыла людям секрет уменьшительного и увеличительного порошков. После этого значительно облегчилась разведка месторождений – кроме золота и серебра, ювелирам

требовалось огромное множество самых разнообразных драгоценных камней. Теперь люди могли пробраться в глубь скал по любой щели, а отыскав золотоносную жилу или иное, что требовалось, строили шахту обыкновенной величины. Уменьшительных порошков было два. Один из них прекращал свое действие на солнце; человек, выбравшийся из щели на поверхность, под его лучами через несколько мгновений вырастал до своего прежнего роста. Другой, требовавший применения увеличительного порошка, предназначался для работ наверху, в мастерских – когда нужно было ковать золотые кружева, паять мельчайшую серебряную скань, резать в камне изысканнейшие камеи и шлифовать самоцветы до невиданного блеска.

Со временем слух о недостижимом мастерстве саттарцев разнесся по миру, и в долину потянулись купцы из далеких стран, надеясь выменять чудесные украшения на свои диковины.

Долгое время жители Бело-Голубого Саттара жили спокойно, ничем и никем не тревожимые. Они разводили овец и коз, ухаживали за своими садами и виноградниками, разбитыми на искусственных террасах по склонам гор. И вот там-то, на террасах, люди впервые почувствовали присутствие чьей-то злой воли. Поначалу, правда, они не поняли, в чем дело. Покровительница была занята городом и не обращала внимания на виноградники. А в садах стали гибнуть молодые и здоровые деревья – почва для них была слишком влажная, вода не стекала – откуда-то пришло болото. Люди пытались с этим бороться – рыли осушительные каналы, но болото отвоевывало себе все больше места. Посадки продолжали гибнуть. Тогда решили обратиться к Покровительнице за помощью. Услыхав эту новость, Хотт побледнела от ярости.

– Ах, Болотник! Ах ты, негодяй! Решил-таки утянуть мой город в свое поганое болото? Не выйдет!!! Разъяренная волшебница подскочила к окну. Она уставилась немигающим взглядом на заболоченный склон горы. Зеленые глаза ее потемнели от гнева, зрачки расширились, а в черной их бездне вдруг забились, заметались золотые искры...

Прошло несколько мгновений, и над затопленными деревьями стал подниматься пар. Он становился все гуще, распространяясь вниз к подошве горы, и теперь уже было видно, насколько близко болото подобралось к городу. Оно едва ли не охватывало его кольцом! Скоро пар повалил и от реки, заволакивая пеленой дома; потом они скрылись совсем, и только клубы тумана бурлили внизу, будто в гигантском котле.

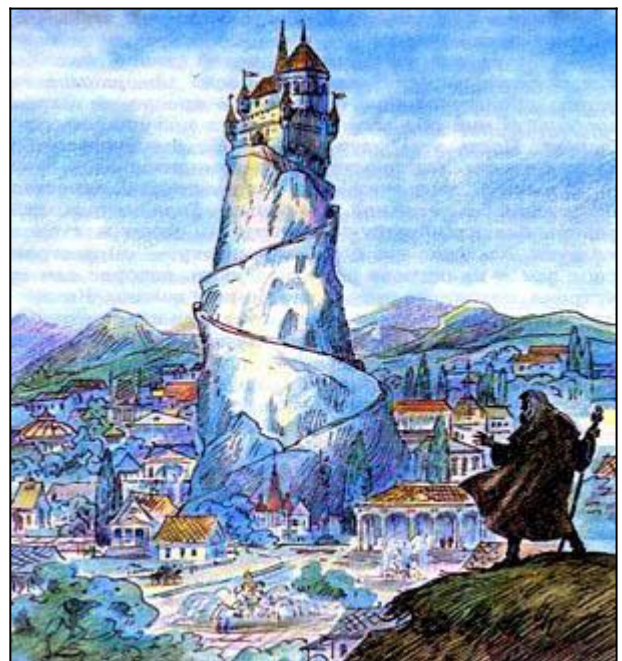
Над горами ярко сияло солнце...

Но вот туман будто бы стал редеть, А тут налетел с гор ветер и унес последние клубы пара с собой – вон из долины, Земля высохла! Внезапно – откуда только взялось – заметалось по сухим деревьям жаркое пламя, и скоро ветер снова налетел, чтобы закрутить пепел в смерч, поднять его над горами и развеять где-то далеко по земле.- Страница 7 -

Покончив таким образом с болотом, Покровительница повернулась к людям, так и простоявшим все это время, не смея пошевелиться.

– Завтра польете землю здоровой речной водой, и у вас снова вырастет все, что росло там раньше, – устало произнесла она, опускаясь в кресло. – Впредь сообщайте мне обо всех неприятных или странных событиях. Пусть это будут мелочи! Не стесняйтесь. Болотник теперь так просто не утихомирится...

И в самом деле, после этого случая жизнь перестала быть такой безмятежной, как раньше. Года не проходило теперь без какой-нибудь пакости со стороны старого колдуна, Владение его было неподалеку – он построил себе замок на острове посреди болота, которое сам же устроил, подпрудив реку, в самом низу долины. Когда-то здесь была

плодородная земля, покрытая ковром цветов;

теперь же из всей растительности осталась лишь чахлая трава, росшая по кочкам.

Сам Насурим-Болотник был на вид весьма неприятным стариком с маленькими, близко посаженными глазками и кривой ухмылкой, обнажавшей его неровные и желтые, но крепкие еще зубы. Его стали часто замечать у стен Саттара. Что-то он там высматривал! Когда после одного из его появлений в городе ушел под землю целый дом, Покровительница так взбеленилась, что посланные ею молнии осушили четверть всех владений Болотника, несмотря на его мощное сопротивление в виде проливного дождя.

Так волшебники и сражались между собой: Насурим строил козни – Покровительница осушала за это его болото, но оно скоро вновь расползлось, и все начиналось сначала. Хотт со старым колдуном враждовали испокон веку, но никогда Болотник не мог ей толком навредить. Теперь, с появлением в долине людей, он, наконец, занялся любимым делом: насылал порчу на урожай, заболачивал землю, разгонял по горам стада, морочил пастухов... Все это, может, и радовало бы его, если бы не ненавистный город, страшно раздражавший колдуна своей неуязвимостью. Он никак теперь не мог к нему подобраться! Покровительница берегла его границы даже во сне. Она поклялась, что Бело-Голубой Саттар навсегда останется таким, каким он был сейчас! Стены его всегда будут сиять белизной, фонтаны всегда будут бить, солнце всегда будет ласкать его лучами – даже если колдуну удастся заболотить все горы. Чему, конечно, не бывает!

Шли годы – город и в самом деле не менялся с течением времени, а жители его заметили, что перестали стареть. Дети продолжали рождаться; они выросли и оставались юношами и девушками – по крайней мере с виду. Подошло время, родилась, наконец, и я...

Тут Агриэль вынуждена была прервать повествование. Требовались ее немедленные указания – ящерицы готовились в большой поход к Забытому Городу. Но отсутствовала она недолго, а вернувшись, сразу же продолжила свой рассказ.

– Так вот... Покровительница меня очень любила и, когда я выросла, сочла своим долгом самой подыскать для меня жениха. Она провела кучу времени над старыми картами и, наконец, где-то далеко за горами нашла достойного принца. Тот внезапно затосковал, отправился в путешествие и, приехав к нам, безумно в меня влюбился.

Я – в него! Из-за гор прибыли гости, и свадьба длилась месяц... Мы с Элгердом стали называться королем и королевой; отец – Астиан Пятый решил уйти на покой и всерьез заняться разведением роз – от голубых до синих. Но, конечно же, главной причиной было не это. Просто в королевстве под защитой Покровительницы было так спокойно, что он мог позволить себе не волноваться за его будущее. В последнее время даже Болотник поутих; давно уж не было видно ни самого старика, ни его ученика – Альбиноса. Казалось, они вообще исчезли. А годы все шли. У нас с Элгердом родились дети; сначала Филипп, а за ним Агриппина. Жизнь впереди рисовалась совершенно безоблачной. И вот тогда-то, когда беды не ждали вовсе, в ясном небе и грянул гром!

Однажды отец отправился наверх к Покровительнице – отнести подарки от горожан; мой муж, Элгерд, сопровождал короля. Отец нес шкатулку с драгоценностями, спутник же его бережно держал в руках два букета нарциссов. Один букет был составлен из живых цветов, другой – из каменных, но сколько бы вы ни сравнивали букеты, вам не удалось бы указать хотя бы на малейшую разницу между ними. Оба они дышали хрупкой свежестью первых весенних цветов. Хотт ожидала гостей в круглом зале. Втроем они уселись у каменного стола. Старый король открыл шкатулку и, выкладывая украшения, приготовился запоминать похвалы каждой вещице; он должен потом в точности передать мастерам все слова главной ценительницы их искусства.

В это время раздался робкий стук в дверь, и в зал с поклоном вошел один из ювелиров. Он смущенно пробормотал слова извинения: мол, не успел отдать украшение, которое делал целый месяц, и позволил взять на себя смелость принести его самому. В руках мастер держал действительно очень красивую вещь – громадный голубой сапфир в серебре, подвешенный к массивной, серебряной же цепи. Камень, покачиваясь, отбрасывал светлые блики на стены, пол, потолок... Прозрачная голубизна сапфира как магнитом притягивала к себе взоры. Что-то,

казалось, мелькает в глубине камня... не то маятник качается... не то ручеек струится... просто голова кругом!... Но надо бы разглядеть – что же это... И вот взгляд уже прикован к дрожащей синеве... И совершенно невозможно его оторвать... Невозможно... А камень будто затягивает в себя все глубже, глубже, глубже...

Три фигуры у стола застыли молчаливыми изваяниями. Сознание их потонуло в бездонной глубине Колдовского Сапфира... Ненужные теперь букетики нарциссов лежали на столе подле мерцающего голубого камня. Один из них был по-прежнему свеж, другой скоро совсем увял.

...Я сидела с детьми в саду, когда услышала взволнованные крики. Тревожно зазвучали кувшины. Люди бежали все в одну сторону, и я побежала вместе с ними на окраину города. Там мы увидели Альбиноса. Сгибаясь пополам от душившего его хохота, он кричал:

– Пойдите!... Пойдите-ка все туда и полюбуйтесь на голубой камешек! И с вами будет то же, что и с этими тремя глупцами! Пойдите и поглядите! И вы точно так же навеки отправитесь в путешествие по Голубому Сапфиру! Ха-ха-ха!

У Альбиноса от смеха даже потекли слезы. Он вытирал их и щурился, а его красные, в белых ресницах глаза наливались кровью еще больше. Но вот он перестал смеяться и, пошмыгав розовым носом, серьезно проговорил:

– А если честно, то я лично не советую этого делать. Не надо! Не дай Бог еще заснете! И не сможете, боюсь, увидеть тогда, что сделает с вашим паршивым городишком наш любимый хозяин! И он снова начал дико хохотать.

Я повернулась и побежала к замку Покровительницы. Задыхаясь, я добралась, наконец, доверху. Ворота были открыты. Пробежав по гулкому переходу и лестнице, я влетела в зал.

Сердце у меня оборвалось! Альбинос не соврал. Трое дорогих мне людей застыли у стола, вперив взгляды в Голубой Сапфир. Захотелось получше разглядеть его... Но я поборолла желание, стянула с шеи платок и накинула его на мерцающий камень.

Пришли снизу люди, и мы снесли вниз моих отца и мужа, оставив Покровительницу в ее доме. Болотник одолел Хотт хитростью, не поборов силой. Он обратился за помощью к своей матери – могущественной волшебнице, Асурдис не отказала единственному сыну. Она выплавилла Сапфир, следуя рецепту одной из древнейших колдовских книг, доставшихся ей еще от прадеда. Путешествие к матери заняло несколько лет – вот куда пропали Болотник с учеником, Вернувшись, они выждали подходящий момент и нанесли удар. Альбинос обернулся одним из мастеров и поднялся в замок вслед за королями – молодым и старым. Покровительница, увлекшись, не заметила подвоха...

Что было потом – страшно вспоминать. Насурим с Альбиносом день и ночь бродили вокруг да около, выкрикивая заклинания. Но Саттар оказался совершенно неуязвимым – негодяи не могли даже войти в него, не то что разрушить! Покровительница заботилась о любимом детище даже и в колдовском своем сне!

Тогда-то Болотник и придумал вышвырнуть город из долины. А чтоб и духу его не было, решил забросить подальше, в Соседний Мир, и на поверку оказался сильным волшебником. Ему удалось уменьшить город, протащить его сквозь Переход, упрятать под землю, под каменный колпак...

Но солнце чудесным образом продолжало светить и в подземелье! Многочисленные фонтаны продолжали бить, хотя питавшая их река осталась в далекой теперь долине. Жители по-прежнему

жили в вечных стенах города. Тогда, разъяренный, он превратил нас в ящериц и прогнал прочь! Поставил сторожем Черную Пирамиду...

Мы оказались в Чужом Мире, под землей, без помощи, без орудий труда, да к тому же были теперь не людьми, а уродливыми пресмыкающимися! Отчаянию не было предела! Но жить все одно как-то надо, и мы сумели приспособить свои лапы к работе. Не сразу все получилось, но со временем наши мастера научились выполнять даже такую тонкую работу, как резьба по камню. И неплохо, по моему! Но сначала было очень тяжело. Когда удалось сделать кое-какие инструменты, мы занялись поиском драгоценных камней, Потом стали выходить на поверхность. Какое счастье все-таки, что у нас был секрет уменьшительного порошка! Мы давали пасущимся лошадям поесть его и затем уводили их – маленьких – к себе в подземелье, оставляя на видном месте несколько блестящих камушков. Скоро люди сами стали приводить к пещере лошадей, овец, коз, коров, кур, уток... Они, конечно, не догадывались, куда те деваются, да это их и не сильно волновало, когда в обмен они получали столь щедрую плату!

Со временем мы попривыкли к новому дому, научились вести хозяйство и под землей. Собрали по лесам себе светлячковое солнце и снова стали строить город. Но совсем другой! Теперь мы уже перестали ждать, что Покровительница очнется, поняли, что Бело-Голубой Город не найти, и заставили себя не вспоминать. В дальнем конце Громадной Пещеры выстроили Хранилище и свезли туда все, что напоминало о прежней жизни. Нужно было учиться быть счастливыми здесь – в Чужом Мире, под землей... И мы живем в самом деле неплохо. Но время для нас совсем остановилось; вернее, оно течет мимо, не задевая. За всю жизнь в подземелье мои дети не повзрослели ни на день, не было за эти полтысячи лет ни одного новорожденного. Мой отец и муж по-прежнему спят не в силах вынырнуть из глубин Колдовского Сапфира, верно, даже не подозревая, что имеют теперь обличье ящериц...

* * *

Агриэль замолчала; плечи ее горестно согнулись под тяжестью воспоминаний. Она сидела неподвижно, опутив в задумчивости глаза – быть может, глядя на свое обручальное кольцо, вспыхивавшее брильянтиком на тон-ком серебристом пальчике...

Сене было жалко королеву до слез. В самом деле: лишиться сразу отца и мужа, превратиться в одночасье из красивой женщины в мерзкую ящерицу и быть изгнанной из родного дома в чуждый мир, под землей. Но из всего должен быть какой-то выход...

– А вы не пробовали вернуться назад? Вы же знаете, где Переход? – спросила девочка.

Королева кивнула.

– Конечно, пробовали, и не один раз. Переход не работает для ящериц. Видно, Болотник и его заколдовал...

– А человек? Человек-то сможет пройти? Вы не пытались найти себе посланника? – взволнованно допытывалась девочка.

Ящерица покачала головой.

– Ну, а какой в том толк? Покровительница спит так же, как мои отец и муж. Если бы мы умели ее разбудить, тогда был бы смысл, а так...

Но Сеня не сдавалась.

– Но что-нибудь да можно сделать! Вы сами говорили, что ваш Мир буквально набит волшебниками, наверняка есть и добрые среди них! Найти кого-нибудь и попросить помощи!

Королева задумалась. Такая возможность, судя по всему, не приходила ей в голову. Наконец она проговорила:

– У Хотт есть сестра. Но я не знаю, захочет ли она помочь. Они почему-то не ладили... Да к тому же неизвестно, где она живет.

Девочка оживилась.

– Вот видите?! Я упрошу родителей и отправлюсь в путешествие по вашему Миру. Уж я-то разыщу

эту сестру! – заявила девочка. – Только, пожалуйста, отпустите со мной принца и принцессу. Агриэль даже рассмеялась, глядя на ее покрасневшее личико. Но дети были настроены весьма решительно. Девочку поддержал Филипп.

– В самом деле, почему бы нам не попробовать, раз уж представляется такая возможность? Что если нам удастся разбудить папу и дедушку? – спросил он, умоляюще глядя на мать.

Королева колебалась Она не знала, как ответить, чтобы не расстроить детей. Идея, конечно, совершенно абсурдна! Отпустить их одних в неизвестность! Но она была уверена, что мать девочки запретит ей и думать о подобной глупости, и решила схитрить. Она сказала:

– Ну что ж. Если Сенины родители согласятся, я, конечно, отпущу и вас.

Таково было ее последнее королевское слово.

* * *

Филипп с Пиной проводили Сеню до самого выхода на землю. Договорившись встретиться завтра в обычное время, они попрощались, и девочка проглотила увеличительный порошок. Она вышла из темноты и остановилась – должно пройти время, прежде чем он начнет действовать. Сеня задумалась: сколько же всего произошло за эти два дня! Теперь только бы удалось уговорить маму! А уж мама уговорит папу!

Почему-то она была почти уверена в благоприятном исходе. Ей попались на редкость разумные родители! Правда, бабушка, наоборот, считает, что очень неразумные... И вдруг!

У-у-у-ух! Ветер засвистел в ушах! Перед глазами все поплыло... Джунгли стали такими низенькими – трава, да и только! А Сеня стала такой длинной! Как быстро ко всему привыкаешь! На мгновение девочке даже показалось неудобным быть такой большой. Отовсюду тебя видно, как сосну в поле!

Два шага – Сеня вышла на тропинку и побежала домой.

После ужина мама, взяв вязание, по обыкновению приготовилась слушать увлекательный рассказ о подземном королевстве. Но на этот раз Сеня не стала описывать пикники и прогулки, Она сразу начала с истории ящериц – так, как ее рассказала королева. В середине повествования мама уже перестала вязать, а потом, при описании кротиных туннелей, обвалов и заколдованных дверей, она и вовсе отложила корзинку со спицами. Но вот Сеня, невинно глядя в ее расширившиеся от ужаса глаза, обрисовала свое одинокое ночное путешествие на Белоснежке, встречу с лягушкой, с кошкой на обратном пути, а затем, когда мама окончательно потеряла дар речи, заявила, что считает своим долгом помочь несчастному народу.

Конечно, как девочка и предполагала, сначала ей отказали наотрез! Но и вода точит камень! Через час непрерывных уговоров мама сопротивлялась уже не так уверенно. Папа пока держался прочно. Но время не стояло на месте... И вот Сеня наконец, почувствовала слабинку в обороне и довершила дело одним мощным ударом.

– Мамочка! – заверещала она. – Представь себе, что наш папочка спит уже пятьсот лет и не собирается просыпаться! Только от тебя сейчас зависит судьба несчастных одиноких детей и целого народа!

Сопrotивление было сломлено. Папа, пожав плечами, взглянул на маму, а та, тяжело вздохнув, сказала:

– Ну если королева отпускает своих детей... Может, это и не так опасно?... Ей-то видней, – она еще чуть подумала и добавила: – По крайней мере это не опасней, чем твои вчерашние приключения, потому что уж хуже быть ничего не может!

С этим Сеня спорить не стала. Что значит все-таки верный расчет и знание психологии!

Девочка отправилась спать вполне удовлетворенная, Она еще слышала, как в соседней комнате

Выступить в поход решили через день. Сеня устала бегать из дому в Громадную Пещеру, выясняя подробности. Договорились: родители должны будут проводить девочку с принцем и принцессой до Перехода.

Ящерицы отправятся в путешествие, сидя в специальных сетчатых карманах, пришитых мамой на Сенину куртку. Но перед прощанием королева считала необходимым провести древнюю церемонию Вдохновения на Победу. Празднество было назначено на утро. Полосатый рюкзачок, с которым Сеня ходила в школу, был поэтому собран с вечера. Папа уложил в него котелок, складной ножичек, веревку, спички и другие необходимые в пути вещи. Мама добавила несколько смен чистого белья и теплый свитер. Утром она еще сунула в рюкзак увесистый пакет с едой, и втроем они вышли из дому, направляясь к Громадной Пещере.

Принц поджидал их у камня. Сеня проглотила порошок. У-у-ух! Уменьшилась и нырнула в темноту входа. Но нет! Сегодня здесь было светло. Несколько ящериц с факелами проводили детей до Пещеры, где уже ждали лошади. Ехали молча. Изумрудные свечи кипарисов тянулись ввысь к светлячковому солнцу. Городок, сверкающий леденцовыми окошками, перевитый мерцающей лентой хрустальной дороги, казался чудным видением, выплывшим из волшебного сна феи... Филипп и Сеня во все глаза смотрели по сторонам. Оба они понимали, что если экспедиция закончится удачно, Громадная Пещера перестанет быть домом ящериц, а если неудачно...

Но вот и замок. Сколько же здесь сегодня ящериц! Повсюду: на мосту, под стенами, на стенах, откуда они чуть не срываются в ров с водой, – так суетятся! Каждый мечтает первым увидеть героев дня! Воздух звенит от гомона голосов – весь город собрался сюда, чтобы проводить отважных воинов в опасный поход.

Сеня и принц въехали на лошадях во двор. Тут была такая теснотища – яблоку некуда упасть! Но ящерицы с готовностью теснились, уступая всадникам дорогу. Наконец те добрались до лестницы и спешили. Королева стояла на балконе второго этажа, к которому с двух сторон вели каменные ступени. Сегодня на ней была тяжелая парадная мантия из золотой парчи, усеянная россыпью винно-красных рубинов. Драгоценная корона искрами вспыхивала на солнце. Позади нее стоял воин – один из сопровождавших девочку к Забытому Городу. Он тоже был одет в нарядный, шитый серебром и синим шелком плащ, а над его плечом сверкала рукоять меча.

В лапах воин держал большую золотую чашу с четырьмя ручками в виде зверей, Это была та самая чаша из Хранилища. Сеня вспомнила – воин должен напиться из нее, взявшись за две ручки: если возьмется за слона и лисицу – получит силу и хитрость; если за собаку и тигра – преданность и ловкость. Но кто он – этот воин, которому предстоит осушить чашу? И тут же догадалась – она сама! Это ведь она будет сражаться за освобождение народа ящериц от колдовства!

Откуда-то вынырнула Пина; она взяла брата за руку, и троица стала медленно подниматься по ступеням. Гомон голосов стих – все наблюдали за началом церемонии. Королева не улыбнулась Сене, как обычно, в ответ на ее приветствие, а только коротко кивнула. Вид у нее был необыкновенно торжественный. Знаком приказала остановиться подле себя. В тишине далеко разнесся ее голос:

– Сейчас эти трое отправятся в путь к нашей потерянной родине! Быть может, им предстоит вступить в борьбу с могущественным врагом. И да поможет тогда нашим воинам древний напиток Гушу! Пусть он придаст телам их и душам качества избранных ими зверей!

Королева замолчала и, коротко взглянув на девочку, подала знак стоявшему позади. Воин выступил тогда вперед и приблизился к Сене. Пристально глядя ей в глаза, он медленно протянул

чашу.

У девочки вдруг заколотилось от волнения сердце, она лихорадочно раздумывала, что же выбрать? Предпочесть силу? Вряд ли она станет сильнее волшебника! Хитрость? Чего-чего, а уж хитрости у колдуна хватит на всех! Такого не обвести вокруг пальца! Чего же у него нет? Преданности? Это наверняка! Ловкости? Может, и недостает! Какая особая ловкость у старика?

И Сеня решилась. Одна ее ладонь обняла собаку, другая – тигра. Золотая чаша, до краев наполненная густой черной жидкостью, тяжело легла ей на запястья. Не сводя с девочки пристального взгляда, воин тихо проговорил:

– Пей до тех пор, пока не почувствуешь, что в тебя не влезет больше ни полглотка!

Сеня набрала тогда в легкие побольше воздуха и поднесла чашу к губам. Вязкая тягучая жидкость оказалась на вкус кисло-соленой – довольно противной! Но девочка все равно глотала ее и глотала, глотала и глотала, пока не почувствовала – все! Напиток Гушу уже стоит в горле! Сеня перевела дух и вернула чашу воину. Тот с удивлением взглянул на нее – Гушу сильно поубавилось! Девочка усмехнулась – мама тоже иной раз смотрела с удивлением, когда она пила воду после прогулки.

Воин подошел теперь к принцу. Филипп поколебался мгновение, но все-таки взялся за собаку и тигра. А когда воин протянул, наконец, чашу принцессе, та уже не задумываясь ухватила за те же ручки.

Но вот принцесса сделала последний глоток, и едва она успела передать чашу, как толпа внизу взорвалась громким криком. Тогда вперед выступила королева Агриэль. Откуда-то из складок плаща она достала свернутую ленту и, высоко подняв ее над головой, с силой подбросила вверх. Золотая лента распуталась в воздухе и, извиваясь, медленно полетела над головами ящериц. Те буквально замерли, следя за ее полетом. Скоро она стала потихоньку опускаться – все ниже, ниже... Внезапно порыв ветра – откуда только он взялся? – подхватил полоску золотой материи и вынес ее за высокую стену замка. У толпы вырвался восторженный возглас, Сеня, не понимая, огляделась – даже королева улыбалась, провожая глазами улетающую ленту.

– Хорошее предзнаменование! – пояснил принц. – Если бы она упала на землю сразу – это бы предсказало наше поражение. Но лента улетела, и как далеко! Мы должны победить!

Церемония закончилась. Ящерицы стали выходить из ворот замка – многие собирались проводить своих героев наверх, на землю, а для этого следовало поторопиться, чтобы успеть обогнать конных. Агриэль обнимала своих детей, давала последние советы. Сеня тоже подошла проститься, Наконец дети пошли вниз к лошадям. У ворот оглянулись в последний раз, Королева не тронулась с места и с тоской смотрела им вслед... Теперь она осталась совсем одна.

Сеня с родителями шли вдоль реки, вверх по течению, внимательно осматривая высокий берег. Круглый Камень мог зарости кустами, мог уйти в землю – за такой-то срок! Филипп и Пина ехали в сетчатых карманах Сениной куртки. По их словам,

там было вполне удобно, к тому же сверху открывался чудесный вид на окрестности. Но заметили Камень тем не менее не они, а папа, который кинулся вдруг карабкаться вверх по обрыву, Вот он добрался до цели и теперь раздвигает руками густую траву. Сверху донесся его призывный возглас:

– Лезьте сюда! Думаю, мы уже на месте.

И в самом деле заросли травы скрывали круглую каменную плиту. Папа помог Сене забраться на нее. Махнул рукой в сторону леса.

– Восток там, – только и сказал он.

Подошла мама и крепко обняла девочку. Потом молча обнялись с папой – родители были сегодня крайне немногословны. Ну вот и все...

Сеня повернулась лицом к лесу. Припомнила, где у нее левое плечо, и стала потихоньку поворачиваться. Перед глазами проплыли сосны, потом поле, река, снова лес, поле, река... Девочка считала обороты: как бы не ошибиться – окажешься где-нибудь не там! Лес уже четвертый раз сменился на поле, пятый, шестой...

– Будь осторо... – мамино напутствие прервалось резко, на полуслове...

Седьмой! Сосны и поле вдруг исчезли! А вместо них появился какой-то серебристый туман...

Вдруг стало страшно! Так хотелось снова услышать мамин голос!... Но Сеня быстро справилась с приступом малодушия. Она села на край Камня и спустила ноги вниз. Спрыгнула. И сразу оказалась по щиколотку в воде. Похоже – большая лужа. Она побрела по мелководью наугад. Туман вроде как начал понемногу редеть, и, подняв глаза к небу, девочка увидела серебристый диск солнца. Лужа становилась помельче, из воды торчала уже трава, и вот она, сухая земля!

Туман совсем рассеялся, и сразу стало понятно, почему он казался серебристым. Вся растительность, насколько хватало глаз, была здесь серебряного цвета! Сеня глядела во все глаза: степь, покрытая мягким ковром трав, подбиралась к заросшим серебряным лесом горам. Голубое небо, сияющее солнце, белые лилии в траве, сверкающие водопады в далеких горах – у девочки просто дыхание перехватило от непередаваемого великолепия этого Мира. То, что на картинах в Хранилище показалось ей тусклым, на деле оказалось блистающим! Неудивительно, что ящерицам до сих пор снится родина! Сеня заглянула в карманы – и принц, и принцесса неотрывно смотрели на горы.

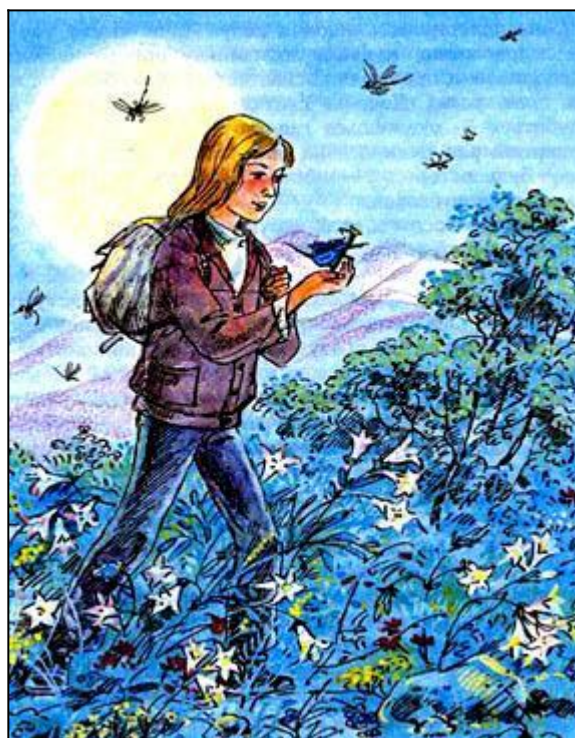
– В какую сторону теперь мне идти? – спросила девочка.

Филипп в ответ что-то пропищал, но что, Сеня не расслышала. Извинившись, она осторожно вынула крохотную ящерицу-принца из кармана и посадила на ладонь. Маленькие размеры друзей были очень непривычны девочке – такими она видела их только в короткие мгновения при встрече, пока еще не проглотила порошок. Все остальное время девочка была с ними примерно одного роста. Сейчас же малютка принц, одетый в синий лоскутик-плащ, и с мечом чуть подлинней спички поперек спины, был величиной с ее указательный палец и чувствовал себя, наверно, не очень-то уютно. Вот он поднялся на ноги и, ухватившись за Сенин мизинец, вытянулся во весь свой крошечный росточек; прикрывшись лапкой от слепящего солнца, долго оглядывал протяженный горный хребет. Наконец махнул куда-то вправо.

– Наша долина начинается вон там, за дальним водопадом. Видишь?

Сеня вгляделась и увидела вдалеке тонкую нитку, прочертившую гору сверху вниз. Она прикинула на глаз расстояние – часов на пять ходьбы, если не больше. Взглянула на небо. Даже солнце здесь, казалось, было совсем другое! Гигантский его диск, белый, похожий на котел расплавленного серебра, завис прямо над головой. До вечера далеко... Можно будет, пожалуй, добраться до гор еще засветло.

Но солнце припекало. Девочка была одета явно не по погоде. Сеня обсудила возникшую проблему с

ящерицами и, сняв куртку, закрепила ее на рюкзаке. Теперь брат с сестрой смогут смотреть только назад, девочке за спину, но они не возражали. Разговаривать стало невозможно, и девочка шла молча, наслаждаясь окружающей красотой. Лилии местами росли так густо, что нельзя было пройти, не изломав их стебли; к тому же от горьковато-пряного их запаха начинала кружиться голова, и Сеня решила обходить такие заросли стороной. Походя она срывала какую-нибудь былинку или цветочек и рассматривала. Стебли и листья здешних трав были густо опушены – тончайший войлок волосков служил им защитой от палящих лучей солнца. Он-то и придавал местной растительности серебристый цвет. Даже лепестки некоторых цветов оказались затянуты пушком, и из-за этого краски их были чуть приглушены, но бледность эта только подчеркивала яркую пестроту множества бабочек, расцветивавших серебряный ковер трав ярким шелком своих крыльев. Какие-то пестрые маленькие птички охотились за ними, выпархивая неожиданно из зарослей и хватая беспечных красавиц поперек мохнатеньких туловищ. Мгновение, и вот уже ненужные крылышки, кружась, медленно опускаются в траву, а охотница улетает за новой жертвой.

Вообще зверей и насекомых здесь было гораздо больше, чем дома. Воздух звенел от птичьих голосов; жуки и крупные стрекозы с жужжанием проносились мимо, только что не врезаясь в девочку, каким-то чудом умудряясь разминуться в последний момент. В траве шныряли маленькие рыжие зверьки; увидев девочку, они поднимались на задние лапки и сидя рассматривали ее, ныряя в заросли лишь тогда, когда до них оставался шаг или два. А вдалеке у гор Сеня заметила пасущихся антилоп. Пока что не было видно только людей! Может, поэтому здесь было так хорошо зверям?

Солнце тем временем повернуло к горам. Сеня решила отдохнуть. Она отшагала уже несколько часов под жаркими лучами неистового светила и мечтала сейчас о тенистом местечке где-нибудь на берегу ручья. Чего-чего, а тени здесь не было и в помине. Она отвязала флягу от пояса и отпила несколько глотков воды. Вода нагрелась, да и оставалось ее теперь меньше половины – девочка уже несколько раз прикладывалась к фляжке по пути. Скинув рюкзак на землю, Сеня помогла ящерицам выбраться на волю – им тоже надо было попить, да и размяться после долгого сидения не мешало. Налив для крошек воды в крышечку от фляги и позавидовав им: счастливицы, могли даже умыться, – девочка выбрала заросли погуще и легла в траву. Здесь было все же попрохладней! Она закрыла глаза... И задремала, сама не заметив как. – Страница 9 – Проснулась резко, как это иногда бывает – будто кто в бок толкнул. Открыла глаза и со сна просто оторопела, увидев неожиданно прямо над собой низко летящую птицу. Это была чайка. Белая, очень крупная – не такая, как речная, а гораздо крупней, с красными, как показалось, какими-то злыми глазами. Птица сделала несколько кругов над девочкой, по-прежнему держась очень низко, а затем, набрав высоту, полетела в сторону гор.

Сене стало не по себе. Пристальный, не птичий какой-то взгляд чайки встревожил ее.

– Где-то недалеко должна быть вода... – подумала она вслух, чтобы отогнать неприятное чувство. – Чайки не улетают далеко от воды.

– Ты права. Мы приближаемся к владению Болотника, – раздался в ответ голосок Пины. Она выбралась на траву из рукава куртки, где они с братом, оказывается, скрывались от птицы.

– Как хорошо, что вы догадались туда спрятаться! – воскликнула Сеня.

Девочка вдруг осознала, какую огромную опасность они сейчас пережили. Это ей – громадине – чайка ничем не могла повредить, а малютки-ящерицы вполне могли уместиться в ее желудке! Принц молчал, и, как показалось Сене, вид у него был озабоченный.

Пока она, поднявшись, отряхивалась, брат с сестрой забрались по местам, и Сеня, закинув рюкзак на спину, тронулась дальше. Горы теперь сильно приблизились. Среди серебристой пены листвы проглядывали уже более темные прогалы каменистых обрывов. Однажды девочке даже показалось, что она видит на скале фигуру человека, но было все же еще слишком далеко, чтобы знать наверняка: глаза могли обманывать. А потом она углядела в степи хутор и, посоветовавшись с друзьями, направилась в его сторону. Солнце сейчас стояло над горами; еще час – и опустятся

сумерки. Девочка с непривычки очень устала; хотелось хотя бы эту первую ночь провести под крышей. К тому же и вода почти кончилась.

Вблизи домик оказался небольшим, построенным из древесины розоватого цвета, с крышей, покрытой серебристой соломой. Двор, засаженный цветами, окружен невысокой, сплетенной из веток изгородью. Сеня оглядела дворик – никого. Тогда она открыла калитку и пошла к домику по дорожке. Но тут она будто спиной почувствовала чей-то взгляд и обернулась. У плетня рядом с калиткой стоял и пристально глядел ей вслед какой-то пожилой человек – видно, хозяин. Неясно было только, откуда он мог там появиться: ведь Сеня только что прошла мимо того места, где он сейчас стоял – разве только густая трава заглушила его шаги. Человек был очень загорелый и все-таки, как решила девочка, еще не старый. Правда, лицо его изборождали глубокие морщины, но глаза, смотревшие из-под густых бровей, пожалуй, не были глазами старика. Впрочем, в таком жарком климате лицо могло стареть раньше самого человека. Сеня робко улыбнулась хозяину. Старик ответил ей какой-то деревянной улыбкой – просто, по сути, растянул губы в стороны и довольно неприветливо спросил:

– Куда путь держишь?

Девочка замаялась, не зная, что ответить. Заранее она почему-то не придумала какого-либо правдоподобного объяснения своему появлению здесь, в степи. Теперь она запинаясь стала говорить, что-де заблудилась в горах, отбившись от охотников, и спустилась сюда на равнину, зная, что спутники ее собирались заняться отловом диких лошадей.

Человек кивнул, оглядел ее одежду – джинсы, майку, полосатый рюкзачок и усмехнулся, ничего не сказав на ее слова. Сене снова, сегодня уже во второй раз, стало не по себе. Ей совершенно расхотелось ночевать под крышей, и она буквально мечтала теперь поскорее убраться отсюда под добру-поздорову. Только бы набрать воды!

– Колодец за домом, – ответил на вопрос хозяин; Сеня повернулась и пошла по дорожке, по-прежнему ощущая затылком тяжелый, пристальный взгляд. Только скрывшись за углом дома, она вздохнула посвободней. Хозяина трудно было назвать приятным человеком. Колодец оказался неглубоким, с холодной чистой водой. Сеня с удовольствием умылась из ведра, напилась и уже наполняла флягу, когда услышала шаги. Девочка подняла голову, ожидая встретить взгляд угрюмого хозяина, но вместо того увидела улыбающуюся женщину, идущую по тропинке меж огородных грядок.

– У меня гости? – певуче проговорила она. – Я так рада! А где же твои родители? Неужели одна? И я одна! Так соскучилась по живой душе! Мой старик уж вторую неделю на озере. Рыбачит. Да... А я тут целые дни одна-одинешенька. Ну, пойдем-ка в дом – отдохнешь, поужинаем.

Сеня послушно пошла за маленькой женщиной, недоумевая, кто же был тогда тот человек во дворе, если муж хозяйки рыбачит... Она решила спросить об этом, но когда, обогнув дом, они вышли на передний двор, там никого не оказалось. Никого, кроме большой белой птицы, сидевшей на изгороди... Хозяйка махнула на нее рукой, чайка снялась с плетня и, тяжело взмахивая крыльями, полетела к горам.

Сеня вошла за хозяйкой в дверь. Дом оказался под стать женщине: она была аккуратная, кругленькая, одетая в цветастое платье – и дом ее был чистым, уютным, нарядным. Посередине свежесмытой, со скобленными дощатыми полами столовой – большой стол, окруженный плетеными стульями. По стенам на длинных полках расставлена яркая глиняная посуда. Высокий, розового дерева шкаф и два сундука украшены цветной росписью: причудливыми цветами да хохластыми птицами. Вся эта радостная обстановка явно не походила на жилище того мрачного старика.

Сеня сняла с себя рюкзак и с облегчением опустила его на скамью у стены – так, чтобы ящерицы могли видеть все происходящее. Хозяйка, открыв один из сундуков, достала из него крахмальную белую скатерть и, встряхнув, накинула на стол. Усадила подле него свою гостью. Сняла с полок несколько тарелок и забегала из комнаты в кухню. Вскоре на столе появился хлеб, нарезанное крупными кусками копченое мясо, деревенский овечий сыр, сметана и молоко в рыжих глиняных

крынках. На большом блюде, поблескивая каплями воды, лежала целая груда овощей и пряной зелени.

Девочка, позабыв про воспитание, буквально накинулась на еду. Хозяйка с довольной улыбкой наблюдала за тем, как она ест.

– Вкусно? Ешь больше! – время от времени приговаривала маленькая женщина, подбадривая гостью. Она всем своим видом излучала доброжелательность; Сеня про себя решила, что с ней можно поговорить о спящей Хотт. Все одно когда-то придется начинать расспросы, а людей в этой местности совсем негусто. Хозяйка явно была не прочь поболтать, и девочка принялась расспрашивать ее об окрестностях, исподволь направляя разговор в нужную сторону.

Да, женщина знала и о рыжей волшебнице, спящей у себя в замке, и о несчастном народе, который сгинул вместе с прекрасным городом, и о Насуриме-Болотнике. Улыбка сошла с ее добродушного лица, когда она заговорила о злом волшебнике.

– Проклятый колдун! – сказала она мрачно. – Раньше, лет пятьдесят назад, хуторяне ходили в долину Саттар на базар в Белый Город, и рыбачить можно было там же, в долине, на реке... А теперь туда не пробраться! Сплошное болото – не подойти. Отродясь в этих местах болот не было – здесь же горы и степь... Солнце вон как жарит! Но я не удивлюсь, если и наш хутор скоро окажется среди болотных кочек... К тому все и идет...

Хозяйка горестно замолчала, а Сеня припомнила громадную лужу, окружавшую Круглый Камень – дверь в ее Мир. Видно, Болотник вздумал и Переход утянуть в трясины! Девочка призадумалась: «Да... Действовать нужно решительно – как бы не остаться здесь навсегда!»

– А вы случаем не знаете, откуда рыжая волшебница родом? – спросила Сеня, не особо, впрочем, рассчитывая на ответ. – Она ведь не всегда жила в Саттаре?

Хозяйка кивнула.

– Говорят, что не всегда. Фея пришла сюда очень давно из-за гор. А за нею притащился этот проклятый колдун! Будто бы она из-за него и покинула те края... А тому, видно, скучно стало одному-то. Некому вредить! Он вслед за ней и переселился.

Маленькая женщина негодуя потрясла головой. Ясно было, что она сердита на волшебницу – ведь та дала себя провести, из-за чего хутор – и дом, и земля – оказались в опасности. Но Сеня уже с трудом понимала, о чем речь. Глаза ее слипались сами собой – целый день ходьбы по жаре давал себя знать. Да в придачу еще плотный ужин...

Хозяйка поднялась из-за стола.

– Я тебе сейчас постелю, – сказала она и вышла в соседнюю комнату.

Сеня тем временем отщипнула по кусочку хлеба, мяса и сыра. Она сунула провизию в карманы, где сидели ящерицы, и, прихватив с собой куртку, пошла на зов хозяйки в спальню. Кровать для гостьи уже была разобрана – оставалось только лечь в нее. Девочка горячо поблагодарила добрую женщину и принялась раздеваться. Испытывая неизъяснимое блаженство, она нырнула под свежие простыни и было собралась обсудить прошедший день с друзьями, даже начала говорить, но на полуслове заснула.

* * *

Черный Замок на болоте всегда был окружен туманом. Даже днем за его высокими зубчатыми стенами царил полумрак. Гранитные стены и плиты, покрывавшие двор, густо поросли серым мхом. Узкие, на высоте птичьего полета, окна забраны тяжелыми решетками – от воров, от врагов... Да только трудно представить себе человека, по доброй воле пожелавшего оказаться внутри этих

мрачных стен...

Не будь такого густого тумана, большая белая птица, подлетающая к замку, резко выделялась бы на темном, почти черном фоне стен. Но туман был, да еще какой, и силуэт ее терялся в клубах влажных испарений; так что случись какой-то наблюдатель, ему ни за что было бы не заметить, как, подлетев к замку, чайка перемахнула через стену и опустилась во двор.

Едва красные лапы птицы коснулись замшелых плит, она трижды обернулась на месте и стала человеком. Человек этот был сутулым, длинным как жердь; кожа его была какой-то белесой, волосы, брови и ресницы бесцветные, а глаза красные, какие бывают у кроликов. Он отряхнул свой серый плащ, выпутал из волос несколько белых перышек и медленно, в задумчивости, двинулся к входу в громадный мрачный дом с башенками наверху. Тяжелая дверь оказалась заперта. Альбинос застучал по ней кулаком.

Потемневшее дерево было скользким от влаги, медная ручка позеленела от непогоды. Некоторое время было тихо, потом старые петли заскрипели, и дверь начала отворяться. Не дожидаясь, пока она распахнется полностью, Альбинос протиснулся в проем и сразу оказался в большом полутемном зале. Зал этот был так обширен, а сводчатый потолок так высок, что огонь в камине да несколько масляных светильников, стоявших по стенам, едва разгоняли тьму. В высоком резном кресле, походившем больше на трон, сидел сухопарый старик. Его маленькие глазки пристально глядели на вошедшего.

- От кого это вы запираетесь? - раздраженно буркнул Альбинос.

- А что за спешка такая? Откуда вдруг подобное нетерпение? - спокойно отозвался Болотник, не сводя пронзительных глаз со своего ученика.

- Да нет, ничего... - присмирел как-то сразу Альбинос. - Хотел просто вам сообщить одну новостикку... Странная какая-то девчонка в мужской, не здешней одежде идет от Круглого Камня. Думаю, что в Саттар. Куда ж тут еще? - он прошел к камину и кочергой пошевелил горящие поленья. - Я с ней разговаривал, и она соврала мне - сказала, что отбилась от охотников за лошадьми и еще какую-то чушь.

- Неужели ящерицы нашли посланника? - усмехнулся Насурим. - И что же она собирается здесь делать, хотел бы я знать? Освободить спящую Хотт из-под власти Сапфира не может никто! Я в том числе! Но, как известно, нет предела человеческой глупости... Впрочем, я не прочь и последить за их мышью возней! Это может хоть немного развеять мою томительную скуку! - старик явно оживился.

- Для начала, может, стоит поближе познакомиться?

Выяснить что да как... - предложил ученик.

- Неплохая мысль! - отозвался колдун. - Утром притащи ее сюда. Жаль только, что ящерицы не нашли взрослого. С ребенком справиться - не много чести... Ну да ладно. На безрыбье и рак рыба! - старик поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. - А сейчас приготовь-ка в камине мясо на ужин да

сходи в погреб, нацеди вина. Моего любимого – третья бочка слева, ну ты знаешь...

– Как не знать, конечно, знаю! – откликнулся повеселевший в предвкушении скорого ужина Альбинос. Целый день он пролетал над степью, следя за чужестранкой, и у него даже не было времени, чтобы слетать наглотаться сырой рыбы на реку. Выбрав из поленницы, сложенной на чугунной подставке подле камина, несколько хороших полешек, Альбинос подбросил их в огонь и, прихватив со стола пустой кувшин, насвистывая,

отправился в винный погреб. - Страница 10 -

Сеня проснулась от того, что кто-то звал ее, Она открыла глаза. Утреннее солнце наполняло комнату, Чей-то тоненький голосок звенел где-то совсем рядом с ухом, Девочка повернула голову и увидела сидящую на подушке принцессу.

– Прости, что я разбудила тебя, но теперь – позднее

утро, а ты совершенно не собиралась просыпаться, – пропищала Пина.

Сеня улыбнулась ей и, сев на постели, принялась натягивать штаны и рубашку. Усадив принцессу обратно в карман, девочка заглянула в соседнюю комнату. На столе под салфеткой был оставлен для нее завтрак. Хозяйка, видно, уже возилась в огороде. Сеня решила пойти к колодцу умыться.

Солнце еще не вошло в свою полную силу, но и теперь чувствовалось, что день будет жаркий. В голубом утреннем небе не было ни одного, самого крохотного облачка. Сруб колодца замшелой деревянной рамой оправлял зеркало воды – оно было таким же пронзительно синим, как и небеса. Сеня, разбив зеркальную гладь, достала ведро воды, умылась и, наполнив флягу свежей водой, вернулась в дом, села за стол и быстро позавтракала, Она как раз прибирала на столе, когда вернулась с огорода хозяйка. Та поняла, что девочка собирается уходить, и вынесла с кухни объемистый сверток.

– Это тебе с собой. Хлеб, сыр, вяленое мясо – как я мужу собираю на дорогу, – сказала маленькая женщина и вздохнула. – Не знаю, куда и зачем ты одна собралась, но будь осторожна – края наши беспокойные...

Девочка с благодарностью приняла из рук хозяйки сверток и уложила его в рюкзак. У нее было еще снеди из дому, но Сеня почувствовала, что отказом только обидит добрую женщину.

В последний раз помахав рукой на прощание, девочка вышла на полузаросшую тропинку, по которой когда-то хуторяне ходили в долину Саттар. Идти здесь было гораздо легче, чем по высокой траве, доходившей порой до пояса, и Сеня решила пойти пока по тропе, а когда она повернет к долине и владению Болотника, сойти с нее, кругом пробраться до соседней долины, а уж по ней подняться в горы.

Чтобы не скучать, она снова принялась разглядывать травы, росшие по сторонам. На удивление, многие показались ей знакомыми. Вот похожая на ястребинку – она и дома густо покрыта волосками, и цветочек тоже желтенький. Сорвала травку – двойник зверобоя, только серебряный. Дальше что-то похожее на мелиссу, потом на богородскую траву... Растерла тонкий листик – и пахнет так же. Решила поспрашивать ящериц. Шла она уже больше часа – вполне можно устроить короткий привал. Сняв рюкзак, девочка выпустила на волю принца с принцессой и стала показывать свои находки.

– Да, ты верно подметила, – ответила на ее расспросы Пина. – Очень много здесь двойников. Наверное, семена заносило через Переход, и за долгие века растения успели приспособиться к новым условиям. Если бы у вас не росли те же травы, что и у нас, как бы мы могли делать

волшебные порошки? Травки для них в основном собирались в ваших лесах. Правда, некоторые горные цветы, редкие и здесь, королева успела прихватить с собой, когда мы покидали Забытый Город... Но, конечно, и тут и там гораздо больше растет своих трав, местных.

Принцесса замолчала, а девочке показалось, что вид у нее какой-то удрученный. Да и Филипп, который обычно с удовольствием давал объяснения, молчал. Сеня вспомнила, что не слышала его голоса со вчерашнего дня.

- Что случилось? Почему вы оба такие мрачные? - спросила девочка.

Принц ответил не сразу. Он молчал, что-то обдумывая. Наконец, вздохнув, медленно начал говорить.

- Может, это все и ерунда... Я хотел бы ошибаться... Но мне очень не понравились и чайка, и тот старик с красными глазами... Ты заметила, что глаза у него были красные? - спросил он Сеню.

Девочка задумалась. Да, ей в самом деле глаза старика показались необычными. Может, потому, что они, действительно, были не синие, серые или карие, а красные...

Человек стоял довольно далеко, и с того расстояния цвет глаз не слишком-то был заметен.

- И у чайки глаза красные, - продолжал Филипп. - И у Альбиноса тоже...

После этих его слов Сене стало как-то не по себе, а внизу живота противно засосало. Она явственно припомнила тяжелый, неприязненный взгляд старика и то, что хозяйка о нем ничего не знала...

Вскочив на ноги, девочка закинула рюкзак на спину. Ящерицы торопливо шмыгнули в карманы. Сеня схватила куртку и, войдя в высокую траву, пошла в сторону от тропинки. Скорее! Прочь от долины! Ноги ее запутывались в высокой траве, она спотыкалась, часто поглядывая в небо, отыскивая в его чистой голубизне маленькое белое пятнышко. До чего она боялась его увидеть! Но как скрыться от птицы в степи? Конечно, трава высокая, можно залечь, притаиться... Но и это имеет смысл только в том случае, если тебя не приметили с высоты раньше, чем ты заметил наблюдателя... Почему-то заросли вокруг были много выше, нежели в той части степи, по которой девочка шла вчера. Видно, где-то поблизости вода. Но солнце печет немилосердно! Длинные стебли, казалось, все сильнее опутывают ноги, Хотелось пить... Сил не осталось!

Сеня села на землю, сняла с пояса флягу и, смочив горячее лицо, напилась. Нагретые солнцем травы пахли душно и пряно. Завел свою песню невидимый жаворонок. Кузнечики взмывали ввысь и, подобно летучим рыбам, снова исчезали в серебряном море. Бабочки неспешно перепархивали с цветка на цветок. Так вокруг было мирно и спокойно, что Сеня тоже понемногу успокоилась и даже стала думать, что, наверное, и не стоило так пугаться, Опасности пока никакой нет, и нечего портить себе нервы на ровном месте! Девочка отпила еще глоток воды, завинтила крышку и стала пристегивать флягу к поясу. Она завозилась - ремешок никак не затягивался... Наконец справилась, На всякий случай оглядела небо... И тут-то посреди знойного дня почувствовала, что холодеет!

В небе, совсем недалеко от того места, где она сейчас сидела, летела чайка!...

Сеня, затаив дыхание, следила за ее плавным полетом. Время мчалось, как скаковой конь, и белая птица приближалась совершенно неотвратимо. Она явно знала, да лететь! Долго раздумывать было некогда! Сказав только одно слово: «Чайка», - Сеня незаметно сунула куртку поглубже в траву и, подхватив рюкзак, шла в сторону. Про себя она решила - если все это ложная тревога, всегда можно вернуться. В противном же случае ящерицам совершенно не нужно попадаться вместе с нею. В плену компания ей не нужна!

Девочка слышала, как ящерицы заверещали что-то вослед, и побежала. Она побоялась, что чайка тоже может услышать. Бежала до тех пор, пока птица не обогнала ее. Тогда, задыхаясь, остановилась, Чайка трижды обернулась в воздухе, и вдруг Сеня, совершенно оторопев, вместо птицы увидела человека, который, слегка покачнувшись, прочно стал ногами на землю.

Это и был Альбинос! Он был молод с виду и, если б не полное отсутствие цвета у волос и кожи, был бы недурен собой. Но, конечно, мертвенная эта белизна, бескровные тонкие губы и красные глаза заставляли полностью забыть о правильных чертах лица. К тому же уголок рта его неприятно

подергивался.

Альбинос дал себя рассмотреть. Потом, издевательски усмехнувшись, отчего углы рта его опустились еще больше, торжественно произнес:

– Мой Учитель и Господин, могущественный Повелитель Вод, Болотник – как его тут все называют, изволит звать тебя в гости. К себе в замок! – он неуклюже поклонился, изображая учтивость.

Сеня попыталась выкрутиться.

– Большое спасибо, но я тороплюсь. Передайте ему... – она не успела договорить; Альбинос перебил девочку.

– От приглашений Повелителя не отказываются! Иди за мной! – он повернулся и раздраженно буркнул: – Придется теперь всю дорогу тащиться пешком...

Сеня, понимая бесполезность сопротивления, понуро побрела вслед за Альбиносом. Он шел, продираясь сквозь траву, и девочка со злорадством следила, как к его светлому плащу во множестве прилипают репы и колючки, к ее джинсам ничего не приставало!

Под ногами скоро захлюпало. Оказывается, до болота было рукой подать! Оно сильно разрослось и начиналось всего в полутора часах ходьбы от хутора. А отсюда уже был виден неясный туманный силуэт Черного Замка. Очертания его скрывал туман, и издали замок совершенно терялся на фоне серебристых гор. Еще сотня шагов – и взгляду открылось маслянистое зеркало огромного болота. Оно было таким обширным, что походило бы больше на озеро, если бы не заросшие травой кочки, кое-где торчащие из воды.

Альбинос пошел вдоль берега. Пласт дерна, оплетенный множеством корней, с хлюпаньем прогибался под тяжестью его шагов. Довольно быстро они вышли к лодке-плоскодонке, привязанной к вбитому в землю колышку; размокшая почва уже не держала, и ветер, дергавший плоскодонку, почти напроць выворотил его. Еще немного – и лодка была бы такова. Альбинос придержал цепь, Сеня перелезла через борт и села на носу. Ее спутник, оттолкнувшись ногами от берега, запрыгнул вслед за ней и сел на весла. Греб он молча. Вода была совсем неглубокая, и даже эта плоскодонная посуда то и дело садилась на мель. Тогда Альбинос, недовольно кривя губы, вставал, брал шест и отпихивался им от ближайшей кочки. Очень медленно, но Черный Замок все же приближался. Туман густел, вокруг становилось все темнее – солнце затягивала мутная пелена, а от острова, казалось, веяло холодом. Рваные клочья болотных испарений медленно ползли по серым гранитным стенам и башням мрачного жилища колдуна. Зловещий его вид рождал в душе пронзительное чувство тоски... Сеня съежилась в комок на влажной скамье. В голову приходили самые невеселые мысли...

Теперь уже остров приближался с каждым гребком. Когда лодка, наконец, ткнулась носом в берег, Альбинос выскочил на сушу и втащил ее до половины на песок.

– Приятное здесь местечко! – хихикнул он, заметив, что девочка со страхом смотрит на мрачные стены. – И климат тут очень здоровый! У Хозяина нашего от солнца кости ломит и гнойный насморк приключается!

Он повернулся на каблуках своих высоких кожаных сапог и быстро зашагал по берегу. На влажном песке оставались четкие следы его подошв. Каждый каблук отпечатывал четырехугольную звезду, и Сеня пошла по его следу, считая звезды, чтобы хоть немного отвлечься и перестать дрожать. Они подошли к небольшой двери в стене замка – в сравнении с его размерами дверь эта казалась крохотной, но, по всей видимости, ворота Болотнику просто не требовались. Не было у него ни лошадей, ни повозок, гости к нему не ездили... Но даже и при всем при этом проход был низковат – Альбиносу, чтобы не стукнуться лбом, пришлось даже нагнуть голову. Изнутри дверь запиралась

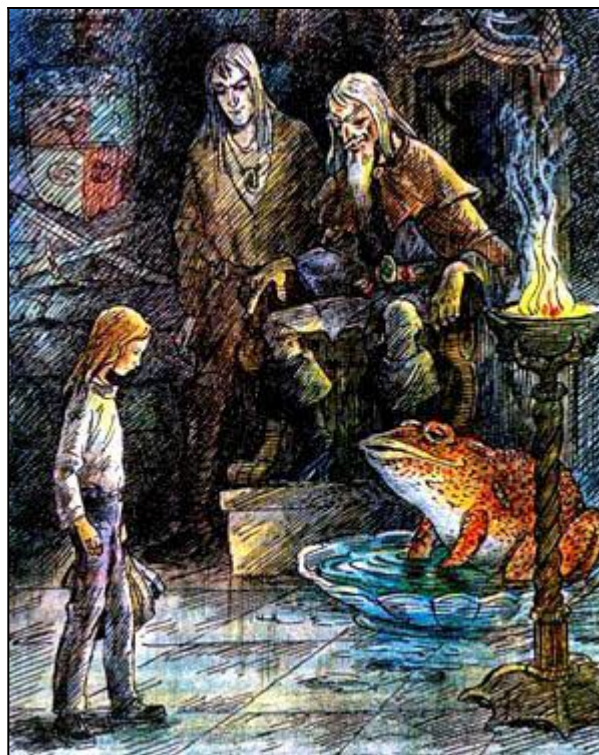
огромным кованым засовом, и сверх того на ключ. Шаги гулко раздавались в высоком колодце двора. Гранитные стены были увиты плющом с овальными темно-серыми листьями. Альбинос походя сорвал листик и помахал им в воздухе.

– Ядовитый, собака! Если хочешь укокошить соседа – лучшее средство! Мы его в суп кладем... Для запаха!

Он заколотил в дверь. Их как будто ждали – дверь открылась сразу. Подталкивая девочку в спину, Альбинос вошел вслед за ней.

– Вот, привел ее, как приказывали, – объявил он.

Сеня оглядела сумрачный зал. Наверху под его сводами было еще темнее, чем внизу, и потолок, расписанный синей и золотой краской, казался куполом ночного небосвода, накрывавшим эту серую пещеру. Пол был выложен плитами черного мрамора, отполированными до блеска, подобно граням зловещей Пирамиды у Забытого Города. По стенам висели картины, между ними было

развешано старинное оружие: мечи, кинжалы, щиты, копья... Голубая сталь клинков тускло отсвечивала в колеблющемся свете, золотые рукояти, щедро изукрашенные драгоценными камнями, созвездиями вспыхивали на серой шероховатости гранита. Огня на такой громадный зал явно было маловато – четыре светильника да камин. Светильники стояли у стен; это были объемистые медные чаши, наполненные маслом, поставленные на высокие треножки. Фитили чадили – какой от них прок? Другое дело – камин, где дрова горели жарко и ярко. Подле камина в высоком кресле сидел старик. По левую руку от него на полу стояло большое хрустальное блюдо, где расположилась жаба гигантских размеров – голова ее доставала сидевшему до колена. На дно блюда была налита вода, и светлое брюхо великанши скользко поблескивало...- Страница 11 - Все то время, пока девочка рассматривала зал, старик внимательно глядел на нее. Наконец, составив о ней мнение, он затряс седой головой.

– Не понимаю! Неужели они всерьез думают, что ты сможешь им чем-нибудь помочь? – воскликнул он. Сеня молчала.

– Глупые ящерицы! У них, верно, все мозги от горя поотшибло... И что же ты собираешься делать? Бороться со мной? Удивительно! – Болотник расхохотался. – Ну что ж... Начинай! Борись!... Смешно, право... – он перестал смеяться. – Впрочем, мне все это у«же не интересно, – он перевел взгляд на своего ученика. – Пойди запири ее в башне. Пусть посидит под замком месяца два в наказание за самонадеянность, пока я Круглый Камень совсем не затоплю. А потом отпущу ее на свободу. Пусть бегаёт! Я не зверь какой-нибудь...

Насурим поднялся с кресла; полы его длинного, до пят, плаща цвета ржавчины распахнулись, открыв блестящий цветными камнями драгоценный пояс. Перехватив взгляд девочки, старик довольно прищурился.

– Красивый! Правда? Взял на память о вашей рыжей Хотт! У нее о-о-очень хорошие были украшения... Особенно Голубой Сапфир! Ха-ха-ха! Я оставил его – пусть любитесь! – Болотнику явно доставляло удовольствие говорить на эту тему. Рукой он указал на дальнюю стену, где висел большой женский портрет в тяжелой золотой раме.

– Моя мать, красавица Асурдис! Могущественнейшая из Великих!

Сеня всмотрелась. Потемневшие от старости краски, неверный свет масляных светильников мешали разглядеть портрет. Она подошла поближе. Лицо, еще молодое, в самом деле очень красиво. Но тонкие губы и колючие злые глаза сильно портили женщину. В общем, это было лицо

типичной ведьмы! Сеня взглянула на соседнее полотно – портрет сына; в молодости он очень походил на мать. Совсем юный еще Болотник, изображенный на живописном фоне гор, с легкостью удерживает рвущегося ввысь орла. Его лицо – это лицо человека, чувствующего себя Повелителем. А одет он почему-то в тот же самый плащ, что и сейчас...

Колдун остался доволен произведенным на девочку впечатлением. Он вернулся к креслу и, достав из его парчовых глубин небольшую книгу в зеленом сафьяновом переплете, уселся поудобней. Расстегнув золотую застежку, принялся листать страницы.

– Ну чего же ты стоишь? – обратился он к своему ученику. – Отведи ее наверх и займись, наконец, творением холода и наведением тумана. Того и гляди, солнце проглянет...

Старик отыскал нужную страницу и углубился в чтение, не обращая больше на них внимания.

Альбинос направился к нише в стене, которую девочка раньше как-то не заметила. Это оказался проход к лестнице. Она была тускло освещена такими же светильниками и уходила в погреба и в верхние этажи. На втором этаже они миновали галерею, ведущую, по всей видимости, в жилую часть замка, и дальше ступени утыкались в дверь. Погремев ключами, Альбинос отпер ее, и они стали подниматься по лестнице вдвое уже и круче предыдущей; она проходила внутри башни и имела естественное освещение – свет пробивался сквозь узкие зарешеченные окна. Стекол в них не было, и потому холодный ветер гулял здесь, как ему хотелось. Сеня зябко поежилась – куртка осталась в траве, а тонкая рубашка для такого климата явно не подходила. Наконец они добрались до верхней площадки. Альбинос отпер еще одну дверь и втокнул девочку в каменную комнатушку с таким же как на лестнице, окном, забранном толстой решеткой. Дверь хлопнула, лягнул ключ в замке, и Сеня осталась одна в своей темнице. Печальный вздох вырвался у нее из груди. Вот так ее путешествие, едва успев начаться, и закончилось... Принц с принцессой – две беззащитные ящерицы остались одни посреди бескрайней степи. Она сама оказалась за толстой решеткой на самом верху мрачной башни...

Девочка подошла к окну; оно смотрело на горы, на долину. У Сени сжалось сердце: сквозь ключья тумана, вдали, она увидела торчащий белый клык – то была неприступная скала с белокаменным замком Покровительницы. Вот откуда было суждено его увидеть... У девочки навернулись слезы на глаза и она поскорей отвела взгляд. Внизу хлопнула дверь, и во дворе появился Альбинос. Он с грохотом волочил по каменным плитам большой чугунный котел, а позади него тяжело шлепала жаба – любимица Насурима, Ученик, видно, исполняя приказ Хозяина, отправился колдовать. Вот странная парочка скрылась из виду, и Сеня отошла от окна. Она присела на широкую деревянную скамью, на которой ей придется отныне спать, и оглядела свою тюрьму. В клетушке был еще трехногий стол, придвинутый к стене, да в углу валялся сломанный стул.

Целый час, наверное, просидела девочка без движения, уставясь невидящим взглядом в серую стену. За окном становилось все темнее, и все темнее становилось в ее каменной тюрьме... Потянуло промозглой сыростью. Туман клубами подкатывал к окну, его молочно-белые волны иногда уже переваливали внутрь; помедлив, они все же откатывались обратно. Но только пока! Ночь – впереди! Сеня усилием воли сбросила с себя оцепенение. К счастью, у нее не отобрали рюкзак – забыли или не обратили внимания. А в рюкзаке толстый свитер. И куча еды! Девочка с удовольствием натянула на себя теплую шерсть. Рюкзак сильно нагрелся, пока она шагала по степи, и свитер еще хранил в себе горячие лучи солнца. Но этого явно было недостаточно. Еще раньше Сеня заметила в углу скамьи какую-то скомканную тряпку. Сейчас она расправила ее. – Это оказался старый плащ. Наверное, он принадлежал несчастному, заточенному сюда когда-то в былые времена. Плащ пах пылью. Он был выгоревший и линялый, но толстая шерстяная ткань оставалась прочной. Девочка встряхнула его и завернулась в плащ целиком. Потом она положила свой рюкзачок в изголовье, свернулась калачиком на жестких досках скамьи и, как это ни странно, уснула.

* * *

Филипп и Пина, опрометью выскочив из карманов, помчались по примятой траве вслед за девочкой. Для таких крохотных существ они двигались очень прытко, но догнать Сеню им не удалось. Зато они хорошо слышали слова Альбиноса, а затем и звуки удаляющихся шагов двух человек.

Ящерицы впали в отчаяние! Пина разрыдалась, и Филипп даже не пытался ее успокоить. В мыслях у обоих было одно и то же: ради них девочка отправилась в опасный поход; из-за них она теперь будет страдать, и еще не известно, что за участь ей уготовил коварный Насурим. Филипп вдобавок думал, что просто обязан выпутать Сеню из беды, хотя бы ценой собственной жизни.

Спустя час Пина по-прежнему плакала, принц же совершенно пришел в себя – в мыслях он уже действовал, перебирая возможные пути спасения. Наконец Филипп утешающе похлопал сестру по чешуйчатой лапке и сказал:

– Успокойся... Хватит! Слезы ничего не решают, а я, кажется, теперь знаю, как перебраться через болото на остров.

Пина подняла на брата заплаканные глаза.

– Ну а дальше? Что мы можем, такие маленькие? – спросила она всхлипывая. – Тебе даже ключ не утащить! Нам вдвоем его не поднять!

Принц нетерпеливо отмахнулся.

– Говорю тебе, придумал! Придумал главное: как это можно сделать! Конечно, на месте придется приноравливаться... Но это уже мелочи!... Ты случаем не помнишь, как выглядит трава сонного корня?

Пина, горестно шмыгнув носом, кивнула.

– Надо найти его, – объявил Филипп. Пина немного успокоилась. Ей вдруг передалась уверенность брата, – и она утерла последние слезы уголком своего красного плащика. Договорившись далеко не отходить от прогалины с примятой травой, ящерицы засновали между травинками, Они часто перекликались, чтобы не отбиться друг от друга и не заблудиться в бесконечном этом лесу.

Принц быстро нашел, что искал. Вытащив из ножен меч, он срубил большой лопуховидный лист и, ухватившись за черешок двумя лапами, с трудом вытащил его на открытое место. Здесь он окликнул Пину, и та скоро вышла на зов из зарослей. Ее поиски были пока безуспешны, и Филипп предложил повернуть в сторону болота. Там он займется строительством лодки, а принцесса сможет пойти вдоль берега, не опасаясь заблудиться.

Долго добирались они до воды, и принц совершенно выбился из сил. Пина помогала ему как могла, подталкивая, отодвигая мешающие травинки, но ее тонкие лапки были слишком слабыми, чтобы серьезно помочь брату в этой тяжелой работе. Но вот впереди блеснула вода. Принц отпустил лист, заполз на его мягкую поверхность и в изнеможении закрыл глаза. Ему необходимо было отдохнуть. Пина посидела немного рядом, а потом потихоньку пошла вдоль кромки воды, внимательно разглядывая высокий травостой. Она отходила и в глубь зарослей, надеясь в серебряной уйме растений заметить тот единственный листик, который был сейчас так необходим, Но безуспешно! Она уже подумывала возвращаться – далеко забралась, как вдруг увидела... Или показалось? Но нет, в самом деле, это был желанный трехпальчатый лист сонной травы! Только подумать, она могла вернуться ни с чем, не дойдя до сокровища нескольких шагов! Счастливая принцесса достала из кармана плаща белый платочек и привязала его к стеблю. Затем она торопливо стала пробираться в обратную сторону – ей не терпелось обрадовать брата.

Филипп, слышав легкие шаги сестры, приостановил работу – он уже вовсю трудился над лодкой. Когда Пина вынырнула из зарослей, принц сразу понял по ее довольному виду что дело сделано. Лодка скоро будет готова! Корень найден! Все-таки удача не совсем отвернулась от них!

Порешили, что Филипп сначала завершит начатую работу, спустит зеленый корабль на воду, чтобы лист не высох, а потом уж они отправятся за сонной травой. Агриппина уселась на камень и наблюдала, как трудится брат. Мечом он сначала обрезал лист по какой-то сложной, понятной только ему самому схеме и теперь аккуратно дырявил края, Покончив с этим, Филипп направился в чащу, где стал срубать травинки, выбирая самые длинные. Сложив в охапку штук десять, подтащил их к раскрытому листу. Теперь, накладывая друг на друга обрезанные края таким

образом» чтобы отверстия совпали, он принялся сшивать их длинной травинкой! Принц протаскивал стебель из дыры в дыру, и края листа поднимались – это оказался загнутый кверху нос будущей лодки, ниже шел сплошной неразрезанный лист – дно. Ну а дальше – задняя часть, которую принц сшил таким же манером, что и нос.

Не прошло и часа, а да берегу уже стояло легкое ладное каное. Но Филипп, на этом не остановился. Для крепости он прошел все швы еще раз, вставляя новые травинки в те же отверстия швы уплотнились, повышая надежность лодки. И снова принц скрылся в чаще. На этот раз он вернулся, держа в лапах какое-то мясистое растение. Из среза на землю обильно капал сок. Это было клейкое молоко степного молочая, которым Филипп и принялся заливать швы. Белая густая жидкость обволакивала травинки, склеивая их между собой, затягивая дыры. Застывая на солнце, млечный сок образовывал гибкую полупрозрачную пленку, которая и должна была сделать каное непроницаемым для воды. Наконец принц отошел от лодки в сторону, и гордая улыбка заиграла на его серебристых губах. Он обернулся к сестре и сказал:

– Остался только парус. Но его в последнюю очередь, не то высохнет.

Теперь, упираясь хвостом в землю, принц принялся подталкивать готовую лодку к воде. Скоро легкое каное заплесало на волнах; Филипп забрался в него и остался доволен. Каное на борт не ложилось, воду не пропускало. Выбравшись на берег, принц покрепче привязал зеленое суденышко к толстому стволу какого-то растения, росшего на мелководье, и присел, наконец, передохнуть. Прошло уже часа четыре со времени Сениного пленения. До сумерек оставалось часа два-три, и принц решил все же пока не тратить время на отдых, чтобы еще сегодня успеть добыть сонной травы.

Пина издали заметила белый платочек и с гордостью указала брату на свою находку. Филипп прошелся в глубь чащи и неподалеку обнаружил еще несколько растений, но первое было все же самым крупным.

Для начала принц обкосил мечом траву вокруг. Затем, ухватив рукоять двумя лапами, принялся рыхлить землю; Пина усердно помогала, отгребая в сторону комья глины. Земля здесь была влажная и поддавалась легко. Когда обнажилась верхняя, самая толстая часть корня, Филипп срубил верхушку с листьями и, ухватив ствол, стал раскачивать его из стороны в сторону. Почва

была уже почти готова отпустить корень. Тогда принц обрубил длинные тонкие ответвления, прочно державшиеся в земле и, поднатужившись, вытащил корневище из ямы. Вдвоем с сестрой они перенесли корень к воде и отмыли от грязи. Затем Филипп нарубил его тонкими кусками и разложил на солнце подсыхать, а сам с удовольствием залез в воду – можно было теперь выкупаться и самому. Через час принц сложил подвялившиеся и потому полегчавшие куски корня на свой синий плащ, связал между собой четыре угла и взвалил объемистый узел на спину. До захода брат с сестрой

устели вернуться в лодке. Страница 2
 Ранним утром, солнце еще не успело выкатиться на небосвод, Филипп уже был на ногах. Он порадовался тому, что они с Пиной устроились на ночлег подальше от воды – за ночь болото успело

разрастись. Каноэ покачивалось теперь вдали от берега, но вода была мелкая, и принц смог добраться до суденышка вброд. Притянуть лодку ближе к земле мешала трава, не полегшая еще на дно, и Филипп вернулся на сушу. Здесь он занялся изготовлением паруса. Разыскал упругий, но легкий лист, прошил его края стебельками и прикрепил к середине прочный жесткий прут. С трудом дотащив его до каноэ, забросил внутрь и залез за ним сам. Крепко-накрепко привязал парус к носу, просунув прут в специально подготовленные для этого навесные петли. Принц волновался, что после того, как он потревожил шов, может образоваться течь. Но нет! Растительный клей держал прочно!

Снова Филипп вернулся на берег и, взвалив тук с корнем на плечи, побрел к каноэ, стараясь не замочить поклажу. Перевалил тук через борт и отправился будить сестру.

Холодная вода мгновенно прогнала остатки сна, и принцесса, закинув плащ на голову, постаралась поскорее добраться до лодки. Принц перерубил мечом зеленый канат, удерживавший каноэ, и, взяв в руки длинный шест, принялся отталкиваться им, направляясь в открытую воду, Принцесса помогала, и вдвоем они быстро отвели каноэ от берега. Когда шесты перестали доставать до дна, принц сложил их поперек лодки; теперь нужно было дожидаться ветра. Солнце поднималось все выше, и, наконец, утренний бриз погнал рябь по воде. Филипп, ловя ветер, повернул парус, и мгновение спустя каноэ, чуть покачиваясь, легко заскользило по волнам. Пина смотрела во все глаза: родной Саттар – вот он! Но громадное болото затянуло все подступы к долине, и грозным стражем ее высится зловещая громада Черного Замка. Филипп, занятый парусом, казалось, даже не замечал близости родных мест, зато он часто поглядывал в сторону жилища колдуна.

– Только бы не встретить чайку! – бормотал он себе под нос.

Но им повезло. Альбинос в это утро, видно, был занят другими делами. Легкое суденышко несло по воде, чуть не обгоняя ветер, – Филипп едва успевал лавировать между островками-кочками. Бриз, на счастье, не утих, и мореплаватели добрались до острова даже скорее, чем Альбинос своим ходом вчера. Напоследок сильный порыв ветра заставил легонькую лодку буквально пролететь последние несколько метров; принц не успел убрать парус, и каноэ само выскочило на песок. Брат с сестрой торопливо выбрались на берег.

– Беги к стене! – приказал Филипп, и Пина побежала.

Принц затащил так славно послужившую лодку в густые заросли травы, вскинул на плечи узел и побежал вслед за ней. Беднягам так и чудилось, что глазастая чайка наблюдает за ними, беззащитными, откуда-нибудь сверху, со стены. Но нет, ничего! Никто на этот раз не заметил двух маленьких отважных ящериц в крохотных золотых коронах!

* * *

Принц и принцесса затаились наверху зубчатой стены. Филипп сегодня впервые в жизни порадовался тому, что он ящерица: преград для него просто не существовало! Они с сестрой могли пробраться куда угодно! К тому же, будь они нормальных человеческих размеров, их давно заметили бы, и они тоже уже сидели б под замком.

Филипп предполагал, что Сеню заперли в башне, и попросил Агриппину следить за ее окнами. Сам он намеревался спуститься во двор и попытаться проникнуть внутрь дома. Ему необходимо было

узнать, когда колдун с учеником обедают, когда Альбинос носит пленнице еду, а главное – что и когда они пьют.

Узел с корнем ящерицы спрятали в большую щель между камней; туда же засунули красный плащик Пины. Сейчас двор был пуст. Попрощавшись с сестрой, – очень ему не хотелось оставлять принцессу одну, но что поделаешь, Филипп начал спускаться вниз. Пина следила за ним с бьющимся сердцем. Вот он показался у подножия стены и маленькой серебристой змейкой заскользил по плитам двора. У входа он чуть помедлил, оглянулся на сестру и юркнул в щель под дверь. Агриппина, вздохнув, перевела взгляд на башню.

Время тянулось медленно. А может, просто его прошло слишком много, а брат все не возвращался... Солнце сюда не пробивалось, и непонятно было – то ли день, то ли уже вечер...

И вдруг в самом верхнем окне между толстых прутьев Пина увидела лицо своей подруги! Крик радости вырвался из ее крохотной груди. Она замахала Сене лапкой, но тщетно! С такой высоты девочка, конечно, не могла заметить маленькую серебристую ящерицу, почти сливавшуюся с серым камнем. Тем более услышать ее писк! А принцессе совершенно не терпелось увидеться с нею. Решив не дожидаться брата, ящерица бросилась по стене вниз. Даже не оглядевшись, помчалась она дальше по плитам – скорей пересечь двор!

И это чуть не стоило неразумной принцессе жизни!

Когда до башни оставалось всего чуть-чуть, грохнул раскат грома. Но нет, это был не гром! Это было кваканье!

Жаба невероятных, колоссальных размеров сидела у стены, уставясь на принцессу пустыми желтыми глазами, и маленькая ящерица, скованная внезапным ужасом, застыла на месте не в силах пошевелиться. Она прекрасно понимала, что сейчас, через мгновение из громадного рта вылетит длинный липкий язык и отправит ее в желудок этой скользкой горы...

Время будто растянулось, и принцесса в странном оцепенении следила, как напрягаются мускулы челюстей хищницы – вот-вот чудовищная пещера рта начнет отверзаться...

Не видя ничего больше, ящерица опрометью метнулась в сторону! И вовремя! Из пасти жабы вырвался толстый язык, но схватил лишь пустоту там, где мгновение назад сидел ужин. Зигзагами принцесса домчалась до стены и взметнулась вверх. Только на высоте второго этажа она остановилась передохнуть. Тяжело дыша, смотрела Пина вниз на жабу, которая теперь недовольно шлепала вдоль стены. Принцесса понемногу успокоилась – хорошо, брат не видел! – и поползла дальше...

Сеня тоже наблюдала сверху за жабой, не заметив, правда, драматических событий, развернувшихся прямо у нее на глазах. Но вот жаба уплюхала куда-то, двор снова опустел, и девочка со вздохом отошла от окна. Делать было ну совершенно нечего! Сеня уселась на скамью – хотя бы книгу дали какую-нибудь! Внезапно ей показалось, будто кто-то окликает ее по имени. Девочка потрясла головой – от одиночества еще не то скоро начнет казаться! Но в следующий момент она не поверила уже и своим глазам! Перед ней на полу сидела Пина-Агриппина!

Какой-то теплый комок вдруг поднялся к горлу, сердце заколотилось... Сеня взяла принцессу на ладонь и поднесла к лицу, Она смотрела на милую родную мордочку ящерицы, а та гладила девочку крохотной лапкой по щеке...

– Но как же вы смогли найти меня? – спросила в недоумении Сеня, когда к ней вернулась способность говорить. – Как же вам удалось перебраться через это гигантское болото?

– Только благодаря Филиппу. Он все придумал, сделал парусник и переправил нас на остров, –

ответила принцесса, явно гордясь братом.

И она рассказала девочке обо всем, что произошло с ними со вчерашнего дня. Покончив с этой нехитрой историей, ящерица заторопилась обратно на стену. Она опасалась, что, не найдя ее на месте, брат переполошится и кинется на поиски. Но Сене так не хотелось расставаться!

И подружки решили подать какой-нибудь сигнал из окна. Девочка привязала в углу решетки платок – знак не должен слишком бросаться в глаза, но от внимательного взгляда он ни за что не ускользнет.

В это время за дверь послышались шаги. Сеня испуганно кинулась прочь от окна и опустила Пину на пол. Та ртутной каплей метнулась в спасительную темноту под скамьей; для верности она заползла в самый дальний угол и там притаилась. В замок вставили ключ, лязгнуло железо, и дверь открылась. Вошел Альбинос. Сеня к этому времени уже лежала на лавке, прикрыв на всякий случай свой полосатенький рюкзачок старым плащом. Ученик колдуна окинул девочку взглядом и покивал головой:

– Отдыхаем? – углы его рта в ухмылке поползли вниз. – Прекрасный вид из окна на горы, удобная мебель, вкусная еда... – он поставил на пол кувшинчик с водой, положив на него сверху круглую лепешку. – Все совершенно бесплатно!

Громко хохотнув над собственной остротой, он повернулся на каблуках и вышел, не забыв запереть за собой дверь. Сеня прислушивалась к его шагам, пока они не стихли. Наконец, она с облегчением вздохнула: платка Альбинос не заметил, о ящерицах явно ничего не знал, в противном случае он не отказал бы себе в удовольствии пошутить и на эту тему. Пина выползла из своего убежища, девочка посадила ее себе на плечо, подошла к окну, и вместе они стали ждать появления принца.

Но он пришел с другой стороны. Выяснив все, что его интересовало внизу, Филипп последовал за Альбиносом и проследил, куда тот отнес воду и хлеб. Притаившись на темной лестнице, подождал, пока ученик колдуна спустится и запрет за собой нижнюю дверь, отделявшую башню от жилой части. Потом принц быстро пополз вверх. Такая мелочь, как закрытые двери, мало его волновала. Ключи в Черном Замке были такие большие, что он мог протиснуться в любую замочную скважину; это в случае, если не будет достаточно широкой щели под дверью!

Филипп выбрался на площадку перед тюремной клетушкой и, сев на хвост, огляделся. Лестница уходила куда-то еще выше, и оттуда шел поток холодного воздуха. По всей видимости, ступени вели на смотровую площадку. Принц решил исследовать ее и снова заскользил вверх по стене. Там все оказалось именно так, как он и предполагал: круглая площадка, окруженная невысокой зубчатой стеной, со всех сторон открыта ветру, который тоскливо и заунывно подвывает, цепляясь за каменные зубцы... На гранитном полу стоят большие невысыхающие лужи. Спрятаться тут негде, Если только не встать, прижавшись к камню меж зубцов, ближе к входу... Тогда, может быть, человек, вбежав сюда и окинув взглядом ветреную эту пустоту, повернется и побежит искать где-нибудь в другом месте – под скамьей, например. Филипп в задумчивости повернул обратно. За дверь кто-то разговаривал, и принц не удивился, когда увидел свою сестру на плече у девочки. Обе они – девочка и ящерица – смотрели в окно, что не мешало им, конечно, болтать. Филипп облегченно вздохнул: он был так рад, что видит их живыми и невредимыми! Пусть даже в плену у колдуна... Молодец все-таки Сеня, что не побоялась уйти одна, иначе как было бы трудно отсюда выбираться без подготовки. Девочка подставила себя под удар для того, чтобы спасти друзей, и ее

преданность уже сыграла им на руку. А теперь преданность ящериц начнет обыгрывать хитрого старика!

* * *

Когда восторги по поводу счастливого воссоединения поутихли, Сеня решила, что пора бы и пообедать. Круглую лепешку, что принес Альбинос, она положила на скамью и принялась накрывать для друзей этот съедобный обеденный стол. Она развязала сверток – тот, который дала ей хозяйка хутора, – и отщипнула по кусочку сыра, хлеба и мяса. Нарезала тоненькими ломтиками огурцы и помидоры, добавила по листику салата, а на десерт положила по крупной сладкой черешне. Ящерицы умяли все это за милую душу! Они ведь так и не ели со вчерашнего утра! После сытного обеда принц, наконец, открыл обществу свой план; а ближе к вечеру уполз в окно – за сонным корнем.

Через некоторое время Сеня спустила вниз веревку. Сумерки быстро сгущались, и ночной туман, клубясь, подбирался все ближе к окну. Но вот веревку подергали снизу, и девочка начала осторожно вытягивать ее обратно. Очень скоро в руках у нее оказался синий узелок с сонным корнем, а затем ей на ладонь прыгнул принц; теперь он был в красном плащике Пины и с мечом за спиной. Время вплоть до полной темноты Сеня провела, измельчая ломтики корня, растирая их как можно мельче. Потом она пересыпала полученный порошок на расстеленный плащ, а принц тщательно увязал его – неловкие пальцы девочки не могли накрутить столько узлов на крошечной синей тряпочке, сколько требовалось для того, чтобы содержимое его ни в коем случае не просыпалось. Но для нее еще было дело; по просьбе принца Сеня отколола ножом от ножки стула несколько щепочек, и только после всех этих дел друзья устроились на ночлег. - Страница 13 -

Свет в окне едва только брезжил, а Филипп уже подхватил объемистый синий узел и, подсунув его под дверь, выполз вслед за ним на лестницу. Здесь было совсем непроглядно. Но темень ящерице не помеха! Принц подошел к верхней ступеньке и столкнул узел вниз. На слух приметив, куда тот

упал, быстро спустился за ним по стене, и снова тук покотился по лестнице. Так не спеша Филипп добрался до нижней двери. Здесь ему пришлось потрудиться. Эта дверь была хорошо пригнана к косяку, и щель внизу оказалась слишком узкой. Не страшно! Принц закинул узел на спину, завязав свободные углы плаща на шее; увесистый тук повис за плечами. Ползти по гладкому дереву, да еще с узлом на шее оказалось не так-то легко. Дважды он чуть было не сорвался вниз, чудом удержавшись, – тук тяжелой гирей тянул назад, сдавливая горло и мешая дышать.

Но вот, наконец, замочная скважина. Филипп втиснулся в темную дыру, кисло пахнущую старой медью, и, закрепившись задними лапами и хвостом, стянул тяжелый узел с шеи. Просунул его подальше в глубь скважины и стал боком протискиваться вперед, толкая тук впереди себя. Узел вдруг вырвался из лап, и было слышно, как он шлепнулся на пол. Принц облегченно перевел дух. Полдела сделано! Внизу он посидел немного, прислушиваясь, – в доме стояла глухая тишина. Никто еще не вставал. Оставшиеся два пролета лестницы были преодолены безо всяких приключений.

Взвалив тук на плечи, Филипп, крадучись, вошел в громадный зал; он был пуст, если не считать жабы, но и она спала в хрустальном своем блюде, прикрыв глаза полупрозрачными веками. Принц

бесшумно заскользил по черному мрамору пола. Дрова в камине давно прогорели, масляные светильники с трудом разгоняли тьму только у стены, так что если б сейчас кто-то и вошел сюда, ему очень трудно было бы заметить маленькую ящерицу, тенью промелькнувшую по полу к ножке массивного стола. Считанные мгновения – и Филипп уже наверху, а впереди цель этого длительного путешествия; кувшин для вина...

И вот принц уже оседлал его глиняную ручку и торопливо развязывает плотно затянутые узлы. Наконец измельченный корень посыпался на дно – в темноту глубокого сосуда. Филипп мгновение еще вглядывался вниз, затем, встряхнув, накинул на себя измятый синий плащ, и скоро зал снова был пуст, если не считать спящей жабы.

* * *

Болотник и Альбинос обедали в молчании. Перед ними на серебряном блюде лежал большой кусок запеченного мяса; Альбинос разрезал его на несколько крупных ломтей и самый лучший, с золотистой румяной корочкой, положил на тарелку старика. Болотник ел неохотно, отрезая время от времени небольшие кусочки и бросая их под стол. Жаба, сидевшая у ног хозяина, на лету подхватывала подачку длинным языком и ловко отправляла ее в свой широкий рот. Старый волшебник с самого утра чувствовал какое-то смутное беспокойство. Что-то его тревожило, но он никак не мог понять что. Аппетита не было, и даже вино казалось не таким, как обычно, с привкусом. Но он все же допил его, поставил золотой кубок на стол и отодвинул тарелку. Недовольно взглянул на ученика.

– Ты хорошо запер дверь в башню? – спросил колдун. Он решил, что девчонка все же должна иметь какое-то отношение к непонятной тревоге. – Да пойдика отнеси ей хлеб, – старик пальцем ткнул хлебную лепешку, и она скользнула к тарелке ученика.

Тот, дожевывая, торопливо допил свое вино и поднялся из-за стола. Собрав грязную посуду и прихватив с собой лепешку, спустился в кухню за кувшином с водой. Потом медленно поплелся вверх по крутой лестнице – после сытного обеда его что-то стало клонить ко сну... Взбираясь по ступеням, Альбинос недоумевал – и чего это старый колдун волнуется? Как может маленькая пленница убежать? Даже подумать смешно! Ключи всегда при нем. И он никогда не оставляет их в замке, потому что все ключи в одной связке у пояса. И всегда сразу же запирает за собой дверь!

Размышляя таким образом о старческой придирчивости учителя, Альбинос, повозившись с замком, вошел в клетушку. Девчонка неподвижно лежала на полу посреди комнаты. Ученик колдуна досадливо прищелкнул языком. Только этого еще и не хватало! Он склонился над пленницей, похлопал по щеке – лицо бледное, руки ледяные... Обморок. Надо же, старик не зря волновался! Что-то почуял старая бестия! Но нужно пойти спросить, что же с нею делать...

Альбинос повернулся к двери. Принц Филипп только-только успел спрятаться под скамьей! Ученик колдуна вышел на лестницу, захлопнул за собой дверь и сунул ключ в замочную скважину. Ключ не поворачивался – этому мешала щепочка, которую бесстрашный принц умудрился затолкнуть внутрь замка, пока вошедший стоял спиной к двери. Альбинос чертыхнулся – ну просто все сегодня не клеится! И стал спускаться по лестнице. В конце концов, убежать девчонка все равно не сможет, даже если и очнется; внизу есть еще одна дверь. Ее-то уж он запер на полных два оборота!

Болотник сладко посапывал в кресле. Альбинос раздраженно хмыкнул и, подойдя поближе, гаркнул в самое ухо старика:

– Ваша пленница изволит лежать на полу в глубоком обмороке. Как прикажете поступить? – его злило, что придется теперь таскаться взад-вперед, когда так хочется отдохнуть.

Болотник от неожиданности вздрогнул всем телом и, открыв глаза, осуждающе уставился на своего ученика.

– А почему, позвольте узнать, нужно так орать? У нас пожар? Или, может быть, солнце выглянуло? – сварливо осведомился он. – Ты запер башню?

Альбинос кивнул:

– Да. Башню я запер, а наверху замок сломался... Старик в ярости даже затопал ногами.

– Я так и знал! Я так и чувствовал! Замок сломался... Сколько лет учу тебя, а ума не прибыло! Беги, лови ее!

Альбинос поплелся обратно. Он никак не мог взять в толк, почему хозяин так бесится... Незадачливый тюремщик взбирался по лестнице и неудержимо зевал. Но, увидев дверь клетушки настежь распахнутой, не на шутку всполошился. Так и есть! Тюрьма пуста! Ученик колдуна в три прыжка преодолел лестницу, ведущую на смотровую площадку. Никого! Ветрено и пусто! Только ключья тумана несутся сквозь зубцы... Он не знал, что и подумать! Дверь внизу заперта, на лестнице никого, в клетушке никого, наверху пусто... Спрятаться совершенно негде! Разве что под скамьей? Он вернулся в каморку и тяжело опустился перед лавкой на колени. И тут никого... Мысли путались, в воздухе кружились разноцветные пятна. С трудом поднявшись, Альбинос плюхнулся на скамью, привалился спиной к стене и закрыл глаза. Он уже не видел, как из-за стоявшего в углу кувшина выползла маленькая серебристая ящерица и бесшумно скользнула за дверь.

* * *

Сеня боялась пошевелиться. Всем телом вжалась она в камень башенного зубца. Ветер рвал с нее одежду, теребил волосы, упруго толкая девочку вниз, на плиты далекого двора. Но смотреть туда нельзя! Надо глядеть вверх, в горы – где же это белая скала-клык замка Покровительницы? Туман сегодня скрывает долину целиком. И ящериц что-то долго нет... Неужели Альбинос не заснул? Тогда сейчас он вернется, догадавшись, где она... Но нет! Сеня уже слышит тоненькие голоса!

Девочка спрыгнула на каменный пол и подняла своих спасителей на руки.

– Что теперь? – спросила она.

– Возьмешь сейчас у Альбиноса ключи, и больше нас здесь ничего не удерживает! – ответил принц.

Альбинос сидел в той же позе, в которой оставил его Филипп. Сеня, волнуясь, потихоньку отвязала связку ключей от пояса спящего – тот даже не шевельнулся. Не сводя с него настороженных глаз, девочка подхватила свой рюкзачок; принц, сидевший у нее на плече, лапкой указал на старый плащ, служивший пленнице одеялом.

– Советую прихватить эту накидку с собой. В горах ночью бывает довольно прохладно.

Сеня послушно уложила плащ в рюкзак. Потом она окинула взглядом свою бывшую темницу, где на лавке теперь мирно почивал ее тюремщик, и вышла на лестницу.

Старик тоже спал, откинувшись на спинку кресла. Рот его приоткрылся, и он громко всхрапывал при каждом вдохе. Ящерицы при виде поверженного врага довольно что-то заверещали Сене в уши, но она не поняла, что именно – говорили они одновременно и с разных сторон. Девочка взглянула на Пину, сидевшую на ее левом плече.

– Сколько еще они не проснутся? – спросила она.

– О, долго! – махнула лапкой принцесса. – Дня два или три – не меньше. Сонный корень – очень сильное средство... В больших дозах его используют как яд, – добавила она невозмутимо.

Сеня решила тогда, что время есть, и пошла вдоль стены, разглядывая драгоценную коллекцию колдуна.

Здесь было собрано оружие всех времен и народов: мечи, сабли, шпаги, дротики, кинжалы застыли на крюках в неутоленном желании разить да колоть; шлемы и щиты бронзовыми жуками расплзлись между ними, а стальные кольчуги распластались по серым камням, подобно старым привидениям. Но почему-то из всего этого грозного великолепия девочке приглянулась лишь маленькая золотая стрела – всего-то в две ладони длиной, щедро изукрашенная бриллиантами. Девочка сняла стрелу со стены и повертела в руках; камни вспыхивали в полутьме зала, а Сене казалось, что она держит в пальцах огненную молнию, забрызганную каплями воды.

– Возьми ее себе, – предложил принц. – В обмен на драгоценный пояс, который Болотник украл у Покровительницы.

Девочка колебалась.

– Возьми! Возьми! – настаивал принц. – Пояс делали наши мастера. Это будет только справедливо! Сения вопросительно взглянула на Пину; та, соглашаясь с братом, покивала головкой. Девочка зажала тогда стрелу в кулаке и, решив дольше здесь не задерживаться, пошла к выходу. На пороге она обернулась и помахала рукой осиротевшей на время жабе.

Перебежав через двор, Сения прошла к двери, в которую ее ввел Альбинос два дня назад. Связка ключей все еще висела у нее на руке, и девочка быстро подобрала подходящий. Очутившись, наконец, на воле, Сения было поспешила прочь, но вернулась. Она забыла запереть дверь с этой стороны! Ключи, булькнув, ушли на дно, а девочка довольно улыбнулась – в жизни не чувствовала такого злорадства!

Лодка оказалась на том же месте, где оставил ее ученик колдуна. Сения с большим трудом, пыхтя и отирая пот со лба, столкнула ее в воду. Она бросила на дно рюкзак, посадила на него ящериц и, переваливаясь через борт, села на весла. Ловкости тигра она пока что-то не чувствовала!

А пора бы уже! Девочка с тоской оглядела огромное зеркало воды. Раньше ей никогда не приходилось грести – Сения только видела, как это делают другие, и по сей причине лодка довольно долго крутилась на месте, пока она неумело шлепала веслами по воде. Но потихоньку дела пошли на лад, и берег стал удаляться. Принц ужасно переживал из-за того, что ничем не может помочь слабой девочке, и буквально мечтал теперь об увеличительном порошке. Проснувшись, Болотник, конечно же, сообразит, кто помог бежать его пленнице, так что скрываться за маленькими размерами смысла больше не имело. Филипп поговорил с сестрой, и она обещала начать собирать травы, как только они ступят на твердую землю. Но дело это было непростое и нескорое – некоторые травки растут только высоко в горах, а туда еще добраться надо.

Беглецы намеревались доплыть до устья реки, вытекающей из долины, и там оставить лодку. Болотник наверняка ведь решил, что девочка идет с какой-то целью к замку Покровительницы, и брошенная лодка подтвердит его догадку. Сения же пойдет не вверх по реке, а вернется по краю болота назад и начнет пробираться к соседней, дальней долине. Это должно отбросить погоню на день-другой.

Расстояние от Черного Замка до реки было гораздо меньше, чем то которое одолел Альбинос, доставляя пленницу на остров, но прошло, наверное, не меньше двух часов, прежде чем Сения бросила весла и прыгнула в мелкую воду у берега. Дрожащими от перенапряжения руками она ухватила рюкзак и выбралась на твердый каменистый берег. Затем большим камнем придавила цепь; сильное течение потянуло лодку от берега – цепь сразу натянулась, но валун держал прочно. Покончив с этим, девочка пробежала по гальке подальше от болота и опустила свои сбитые в кровь, горящие руки в чистую речную воду. Холодные струи горной речки понемногу успокаивали боль. Но вот девочка усадила ящериц на плечи – пора в путь. Отдыхать некогда – до вечера нужно постараться уйти как можно дальше. Погоня еще не началась, но время, отпущенное на отрыв от преследования, уже шло...

Сения шагала по скальному подножию горы. Серебряный склон громады, густо поросший лиственным лесом, полого уходил вверх. Болото осталось далеко позади, а внизу расстилалась бескрайняя степь, уходившая за горизонт. Земля меж валунов была покрыта травами и цветами, свежий воздух наполнял пение птиц. Как это было не похоже на зловещую тишину Черного Замка,

с его серым мхом, черным ядовитым плющом и жабой – единственной представительницей животного царства. Сеня отогнала от себя неприятные воспоминания. Она шла быстро, время от времени перепрыгивая через небольшие трещины, останавливаясь только для того, чтобы сорвать какие-то травы, на которые указывала Агриппина.

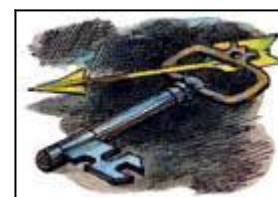
– Зачем тебе столько трав? – наконец заинтересовалась девочка, когда в руках у нее собрался порядочный пук самой разнообразной растительности.

Ящерица посмотрела на нее извиняющимся взглядом.

– Мне так жаль, что тебе приходится тащить еще и травы, но для увеличительного порошка их нужно больше сотни. Но зато потом все будет носить Филипп!

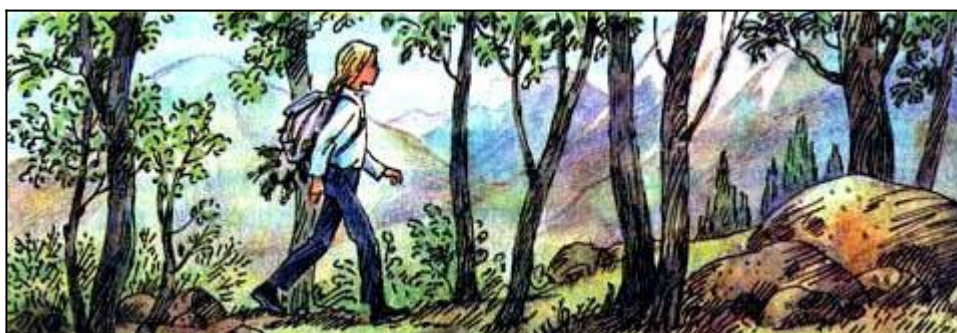
Принц с готовностью поддакнул ей с другого плеча. Сеня не верила своим ушам! Такая возможность даже не приходила ей в голову! Как это будет чудесно, если они пойдут рядом с ней, как бывало раньше в путешествиях по подземелью. Тогда ей не было страшно, она не чувствовала свою слабость и беззащитность. И что притворяться – было так приятно, когда они опекали ее, будто младшую сестренку... Девочка не пропускала теперь ни одной ложбинки, в которых особенно буйно разрослись травы.

По ним, по этим ложбинкам, в дождь стекала вода с гор, принося с собой плодородную лесную почву и семена множества растений. Пина была довольна – для одного дня улов был весьма хорош! Солнце тем временем легло на вершину горы. Пора было подумать о ночлеге, и когда впереди показался маленький водопад, стекающий с каменного уступа, – попросту горный ручей, друзья, конечно же, решили остановиться подле него. Выбрав сухую площадку рядом с большим валуном, Сеня уселась на землю. О, блаженство!... Шершавая поверхность камня была почти горячей; весь день валун грелся в лучах жаркого солнца, и ночью он долго еще будет хранить накопленное тепло. Девочке не хотелось и думать о том, чтобы что-то сейчас делать, но Агриппина все же упросила ее развести костер. Неподалеку лежала большая куча перепутанных травой сучьев, снесенных сюда когда-то потоком с горы. Солнце высушило дерево до белизны кости, трава была подобна тонкой папиросной бумаге, и от одной спички куча запылала, будто посыпанная порохом. Сеня пристроила на палке котелок с водой, побросала туда каких-то трав, отобранных принцессой, и уселась к костру. Пока они ужинали, вода в котелке закипела, и девочку заставили выпить несколько кружек горячего, пахучего чая.

– От кашля, от утомления, от слабеющих ног... – приговаривала маленькая ящерица, уговаривая девочку выпить уже третью кружку.

Разморенная чаем Сеня едва доползла до своего камня; она закуталась в плащ, прижалась к теплому бочку валуна и провалилась в небытие. – Страница 14 –

Проснулась девочка оттого, что стало жарко. Солнце только-только поднялось над горизонтом, но пригревало уже хорошенько. Сеня выпуталась из нагретого плаща и теперь лежала, слушая утренние трели птиц и негромкое дремотное бормотание водопада.

Прикрывшись ладонью от солнца, она глядела на бескрайнее серебро трав, переходящее вдали в нежную голубизну неба. Было очень рано, но девочка чувствовала себя вполне отдохнувшей; чай принцессы и в самом деле был целебным. Но довольно нежиться! Надо полностью использовать прохладные утренние часы, пока легко идти. Ящериц не было видно – спят где-то, забравшись в укромное местечко. Сеня пошла к водопадику умыться, и потом собрала на скорую руку легкий завтрак. Громко позвала:

- Агриппина! Филипп!

Принц появился сразу же, а Пина, оказывается, бегала куда-то к ручью постирать синий плащик брата и чуть запоздала. Сеня по просьбе ящерицы положила, расправив, маленький кусочек материи на верхушку валуна, а когда после завтрака сняла его, плащ совершенно уже успел высохнуть; солнце, поднимаясь, припекало все сильнее. Сеня разровняла золу от вчерашнего костра, забросала ее песком и сухой травой – нельзя оставлять следов! – и отправилась в путь.

За пару часов ходьбы девочка одолела вполне приличное расстояние; гора Толстая успела повернуться другой стороной. Вчера далекая вершина маячила впереди, сегодня, чтобы ее увидеть, нужно было уже оглянуться.

Все больше попадалось по пути деревьев; здесь они спускались с горы и некоторые, самые отважные, осмелились вырасти вдали от Толстой, в самой что ни на есть степи. Травы здесь стали гуще, и Сеня старательно обходила заросли, опасаясь оставить за собой примятый след. Если не пройдет дождь, стебли могут не подняться даже и за два дня.

Но вот повеяло прохладой, девочка убыстрила шаги – впереди между деревьев показалась речушка; не такая, как в долине Саттар, поменьше, но настоящая горная – мелкая, быстрая и шумливая. Правда, скоро, выбежав в степь, речка само собой остепенится и понесет свои воды медленно и с достоинством, как и полагается нормальной равнинной реке. Пока же она еще резвилась во всю мочь.

Сеня выбралась на открытое место и огляделась, Она была сейчас в самом низу долины. Слева от нее лежала гора Толстая, ее округлые пологие бока, казалось, в самом деле были мягкими в отличие от крутых скалистых уступов неприветливого кряжа по правую руку. Его плоский гребень утыкался вдали в громадную неприступную гору. Вершину громадины, покрытую вечными снегами, в хорошую погоду видно было из долины Саттар, и жители окрестили гору Одинокой за холодную ее недоступность.

Идти по мелкой гальке, устилавшей берега речки, оказалось удобно, но подъем был значительный – не зря вода стремилась вниз с такой быстротой. Как и вчера, девочка собирала по пути травы, которые с ее плеча высматривала ящерица. Порой она даже поднималась на склоны Толстой и, осмотрев тамошнюю растительность, снова спускалась к реке. Сегодня Сеня почти вовсе не ощущала усталости и, проникшись уважением к знахарским познаниям подруги, попросила ту поделиться с ней хоть малой толикой лечебных секретов. Для начала Агриппина показала травы, отвар которых девочка пила вчера вечером; потом меж камней у самой воды – пучки островерхой лихорадной травы – от простуды; в лесу в сырой ложбинке отыскала белый мох, вытягивающий яд из змеиного укуса, и, наконец, поведя лапкой, указала на росшие повсюду розетки толстых войлочных листьев убериболя – его прикладывают на лоб от мигрени, к больным суставам и под

повязку при тяжелых ранах.

Между тем солнце уже было в самом зените. Сеня поднялась от реки повыше в тенистый лес; здесь друзья решили провести самое жаркое время. Отыскав местечко попрохладней, девочка расстелила на земле свой плащ и, усевшись, занялась травами. Она развязывала пучки, а Пина осматривала и пересчитывала собранные растения, Чего тут только не было: ветки кустарников, не раскрывшиеся еще бутоны каких-то цветов, колосья злаков, орехи и даже лишайники. Сеня отрывала от каждого по небольшому кусочку и складывала отдельно. Потом она навязала множество крошечных пучочков и, нанизав их на веревку, привесила к рюкзаку, чтобы те сохли на ходу. Оказалось, что собрана уже значительная часть трав, а остальные ящерица рассчитывала отыскать выше в горах за день-два.

Пучки трав колыхались в такт легким шагам девочки. Минула уже середина дня, а склоны Одинокой, кажется, ничуть не приблизились; но в то же время стоило лишь оглянуться, как становилось ясно, сколько уже пройдено. Равнина скрылась; долина плавной дугой огибала Толстую, и теперь куда ни глянь повсюду высились горы. А Одинокая и к вечеру не стала ближе. Ну и Бог с ней! Решили остановиться пораньше – девочка одолела сегодня расстояние, значительное даже и для взрослого мужчины. На этот раз Сеню не нужно было уговаривать разжечь костер. Они остановились на краю леса чуть выше реки; скоро затрещал огонь, с жадностью поедая звонкий от солнца сушняк, а девочка побежала с котелком к воде. После ужина она сидела на камне, попивая из кружки ароматный настой трав, и смотрела на бурливую речку, заросли цветущего кустарника по тому берегу и птиц, собиравших над ним обильную предзакатную добычу. Солнце, медленно скатываясь за Одинокую, окрасило ее снежную вершину в нежно-розовый цвет, а внизу она уже куталась в длинные тени: там рождалась ночь... От костра донеслось негромкое пение – ящерицы тоненько в два голоса выводили затейливую мелодию. Это была песня без слов...

Сразу после восхода девочка снова тронулась в путь. Подъем стал круче, вода в реке зашумела еще громче и еще быстрее понеслась вниз. Теперь речушка совсем измельчала, в самом глубоком месте едва

доходя до колена. Перейти ее теперь можно было где угодно, не замочив ног, по торчащим из воды камням. После полудня снова отдыхали в тени, и Сеня, так же как и вчера, вязала пучки трав.

На этот раз, к радости принца и девочки, Пина объявила, что собраны уже все травы, кроме одного редкого цветка – огневика. Разыскать его довольно трудно: он растет высоко в горах и прячет свои нежные лепестки всего через час после восхода, причем склоняет крохотную головку к самой земле, скрываясь в густых зарослях. Но на рассвете он горит в серебре трав яркими алыми звездами, а зубчатые его лепестки и в самом деле походят на язычки пламени – отсюда и название. Агриппина рассчитывала найти огневик завтра, встав до свету; за день девочка успеет подняться

до тех мест, где встречается диковинный этот цветок.

Когда Сеня вышла к озерку, до захода оставалось, наверное, еще часа два. Озерцо это образовалось из-за большой скалы, оторвавшейся некогда от каменистого кряжа и свалившейся в речку, перегородив и подпрудив ее. Оно было маленьким, каким-то уютным, и его зеркальная поверхность манила свежей прохладой. Сеня, уставшая от жары, решила выкупаться. Повесив рюкзак со свисающими связками трав на сук раскидистого дерева, росшего у самого берега, девочка разделась и сложила одежду на его толстые, выступающие из земли корни. Ящерицы забрались на большой камень – поглядеть; золотые их короны ярко вспыхивали на солнце. Вода оказалась ледяная. Речка питалась в основном талой водой, стекавшей с ледника Одинокой. Сеня кинулась в озерцо – лучший способ войти в холодную воду. Сделав всего с десяток гребков, повернула к берегу: от обжигающего холода начинало сводить мышцы. Пробкой вылетев на берег, девочка заскакала, согреваясь, по гальке. Смеясь крикнула ящерицам:

– Искупаться не хотите? Вода – парное молоко!

Ответа не последовало. Сеня взглянула на камень, где только что сидели принц с принцессой, – он был пуст. Ничуть еще не беспокоясь, девочка пошла к дереву, осматриваясь на ходу. Никого!...

Неприятный холодок подкатил к сердцу, и оно вдруг быстро заколотилось, предчувствуя беду. Сеня окинула взглядом небо, отыскивая в безоблачной синеве белую птицу, – Пина наверняка ошибалась в расчетах, и преследователи уже настигли их! Но небеса оставались чистыми; не оказалось чайки и над лесом – сидит злодейка где-то, наблюдает...

Девочка торопливо натянула одежду на мокрое тело и, зачем-то пригибаясь, побежала прочь от озерка. Цепляясь за траву, полезла вверх по откосу, забралась в густые заросли кустов и притаилась. Отсюда хорошо просматривался весь берег, и, если чайка поблизости, она обязательно себя как-нибудь обнаружит. Сердце колотилось в груди тяжелым молотом, оно требовало немедленного действия, гнало свою маленькую хозяйку вперед – бежать и спасать! Но бежать – увы – некуда; можно только лежать и ждать... Время тянулось отчаянно медленно. Сеня провела в зарослях уже целую вечность, но берег по-прежнему оставался пуст... Только маленькие пичуги величиной с воробья проносились мимо в погоне за бабочкой или мошкой, да гомонили в зарослях другие какие-то невидимые птички; они пока не затянули вечерние, обстоятельные свои песни – до захода еще оставался, наверное, час-полтора. Но вот попробовала голос певунья покрупней, сидевшая, судя по звуку, на том самом дереве, под которым так и остался лежать Сенин рюкзачок. Но и она решила, видно, что еще рановато и, резко оборвав начатую трель, слетела с дерева, приземлившись на откосе чуть пониже кустов, в которых притаилась девочка. Едва только ноги птицы коснулись земли, она молниеносным движением головы выхватила из травы какое-то большое насекомое; оно отчаянно затрепыхалось, крепко зажатое массивным желтым клювом охотницы, но скоро бессильно замерло, и птица, поднявшись в воздух, унесла его с собой на

дерево.

Ужасная догадка родилась тогда в голове несчастной! Она так боялась погони Альбиноса, что более простая, гораздо более страшная мысль не пришла ей на ум. Сеня кубарем скатилась вниз по откосу и кинулась к дереву. Наверху, в середине толстого ствола, она увидела дупло, а рядом на ветке сидела и его хозяйка – крупная серая птица на длинных жилистых желтых ногах, с огромным клювом-топориком. Она косила на Сеню непуганым блестящим черным глазом, а в клюве у нее было зажатое мертвое насекомое. Не сводя с пришельцы любопытного взгляда, птица вдруг засунула мощный клюв в дупло и бросила туда добычу.

Девочка безвольно опустилась на землю. Совершенно уже уверившись в своей догадке, она теперь с бессильной ненавистью глядела вверх на серую охотницу. А та вдруг засуетилась, залетала куда-то, каждый раз принося в клюве кусочек глины и замазывая все больше вход в свое дупло. Дыра уменьшалась на глазах, и вот последний комок рыжей земли залепил ее совсем. Загладив своим клювом-топориком все неровности новой глиняной двери, птица пропела победную песню и улетела, чтобы больше не возвращаться.

Сеня не отрывала невидящего взгляда от рыжей заплатки на сером теле ствола, а перед глазами у нее были две серебристые ящерицы в золотых коронах, одна в красном, другая в синем плащике. Они лежали теперь замурованные внутри дерева в куче мертвых насекомых, чтобы скоро стать пищей птенца желтоклювой убийцы.

Но Сеня не могла их там оставить! Она должна в последний раз взглянуть на друзей и потом достойно похоронить их... Девочка ухватила за нижнюю ветвь; подтянувшись, залезла на нее и с ветки на ветку добралась до дупла. Глина, замешанная на слюне птицы, успела уже настолько затвердеть, что Сеня как ни старалась, не смогла пробить ее рукой. Тогда ударом ноги она обломил сухий сук и остервенело заколотила им по толстой гладкой стене. Дупло в ответ зазвучало, как барабан, и гулкие удары, многократно усиленные эхом, покатались по долине. Но вот по рыжей заплатке побежали трещины, и палка, ковырнув, вывалила наружу кусок спекшейся глины. Сеня сунула в дыру ладонь и, обдирая ее до крови об острые края, принялась крошить и выламывать стенку. Наконец, изловчившись, она просунула руку подалее в глубину; рука ушла по самое плечо – дупло оказалось глубоким. Пальцы девочки зарылись в холодные членистые тельца и мягкие крылья безжизненных насекомых – позже, вспоминая это ощущение, она будет содрогаться от гадливости; сейчас же она не чувствовала ничего, кроме страстного желания отыскать в этой куче дохлых кузнечиков своих несчастных друзей. Наконец пальцы скользнули по материи и, ухватив ее, вытащили на свет Божий маленькую ящерицу в красном плащике. Сеня осторожно положила безжизненное тельце на толстую ветку, торчавшую над дуплом, и снова ее рука зашарила в глубине дупла, нащупывая второй кусочек материи.

Две серебристые ящерицы неподвижно лежали у нее на ладони. Девочка дотронулась пальцем до крохотной лапки принцессы, и слезы, давно копившиеся, брызнули у нее из глаз. Соленые капельки, стекая по щекам, капали с подбородка на грудь, но Сеня этого даже не замечала. Какое там! У нее на ладони лежали бездыханными два самых близких и любимых друга, и ей хотелось кричать, не то что плакать... Солнце уже легло на вершину Одинокой, а девочка все сидела без сил у камня и лила, лила слезы... В который раз несчастная взглядывала на ящериц, надеясь, против всякой логики, заметить признаки жизни в неподвижных своих друзьях. Но тщетно... тщетно...

Девочка дотронулась пальцем до крохотной лапки принцессы, и слезы, давно копившиеся, брызнули у нее из глаз. Соленые капельки, стекая по щекам, капали с подбородка на грудь, но Сеня этого даже не замечала. Какое там! У нее на ладони лежали бездыханными два самых близких и любимых друга, и ей хотелось кричать, не то что плакать... Солнце уже легло на вершину Одинокой, а девочка все сидела без сил у камня и лила, лила слезы... В который раз несчастная взглядывала на ящериц, надеясь, против всякой логики, заметить признаки жизни в неподвижных своих друзьях. Но тщетно... тщетно...

И вот когда она в сто первый раз подняла на них заплаканные глаза, ей вдруг показалось, что у принца легонько дернулось веко. Не смея еще верить такому счастью, Сеня торопливо вытерла мешавшие слезы и поднесла ладонь поближе к лицу.

И – о радость! Ей это не привиделось! Веко снова едва заметно дрогнуло. Девочка приподняла маленькую лапку и мизинцем попыталась нащупать пульс...

Сердце билось!!!

Редкие его удары едва прослушивались, но Филипп был жив! Хорошенько осмотрев его, Сеня отыскала на шее под плащом почти незаметную ранку; точно такая же была и у Пины. Мысли в голове завертелись! Девочке вспомнилось, что некоторые насекомые парализуют свои жертвы, чтобы живыми сохранить их для потомства внутри замурованной норки. Может быть, в этой стране и птицы поступают подобным образом? Если это правда, то желтоклювая охотница проколола ящерицам кожу для того, чтобы впрыснуть яд, а тогда...

Надежда забилась в ее сердце, Сеня вскочила и побежала наверх сквозь кусты – в лес – искать белый мох. Исходив склон горы вдоль и поперек, она наконец нашла его, и вовремя! С каждой минутой в лесу становилось все темнее. Промыв ранки на шейках ящериц чистой речной водой, девочка смочила мох и приложила его к укусам. Теперь оставалось только набраться терпения и ждать...

Когда она покончила с перевязкой, было уже совсем непроглядно, но вместо того, чтобы устроиться на ночлег, Сеня подхватила свой рюкзачок, травы и пошла прочь от озера. Ей не хотелось оставаться на этом несчастливом месте. Девочка брела в темноте по берегу шумливого потока, решив идти, пока есть силы. Уснуть сейчас она все равно бы не смогла, а сидеть на месте, мучаясь тоской и тревогой за жизнь друзей, было бы и того хуже.

Откуда-то выбрался месяц, высыпали и разгорелись звезды – их здесь была уйма! Речная бурливая вода засеребрилась, рассыпая сверкающие капли, и даже снежная голова Одинокой, казалось, сейчас излучала свет; но чистая эта белизна только подчеркивала необъятную черноту великанши...

Сеня шла еще часа три, потом, укутавшись в плащ, уселась на сухом бревне, лежавшем на берегу, и стала ждать рассвета. - Страница 15 - Летние ночи коротки – девочку разбудила ранняя птаха,

напоминавшая светилу, что наступило утро. Но это в горах было темно; над степью солнце уже катило первые волны света, а скоро лучи пробилась и в долину, окончательно пробудив всех ее обитателей. Радостный

птичий гомон наполнил прозрачный воздух, но девочке было не до веселья. Сменив ящерицам подсохший за ночь мох на свежий, Сеня, не умывшись, не поев, снова побрела по хрустящей гальке.

Ночью незаметно для себя девочка одолела большой кусок пути; Одинокая, казалось, еще выросла, и ее крутые склоны вздымались теперь совсем рядом. Лес отступил дальше от реки, и открытая солнцу каменистая земля была сплошь покрыта ковром цветов. Сеня шла, равнодушная к этой красоте, не замечая по сторонам даже ярких алых цветочков, пламеневших огненными своими лепестками среди белых, голубых, сиреневых соседей. И вдруг!

– Что же ты не наберешь огневика? Он скоро уже спрячется! – раздался тоненький, такой знакомый голосок, и девочка, заслышав его, вздрогнула от радости.

Не смея еще верить своим ушам, она опустила на траву – ноги не держали! Дрожащими руками

развернула платок, в котором несла бездвижных своих друзей. На ладонь ее скользнула принцесса, и Сеня, проведя пальцем по серебристой спинке, проговорила с нежностью:

- Пина! Милая моя Пиночка, как я рада, что ты очнулась!

Филипп, сидя на платке, разминал онемевшие мускулы на лапках. Подняв серьезный взгляд на девочку, он сказал:

- Счастье, что ты не оставила нас в дупле... Больше всего я боялся, что ты не догадаешься, где мы. Решишь, что твои бедные друзья погибли, и, погоревав, уйдешь. У меня отлегло от сердца только тогда, когда я услышал удары по глиняной стенке. У-у-ух, чуть не оглох!

Сеня в удивлении смотрела на принца.

- Как это ты услышал? - непонимающе спросила она. Филипп улыбнулся.

- Ты же сама потом догадалась, что мы парализованы. Слышать-то мы все слышали, а пошевелиться не могли.

Я изо всех сил старался открыть глаза, и тебе, по-моему, удалось это заметить...

- Но если бы ты не додумалась приложить к укусам белый мох, не известно еще, чем бы все это закончилось, - добавила Пина.

Сенин нос наморщился от удовольствия - все-таки приятно, когда тебя хвалят! Она с улыбкой огляделась по сторонам. Какая вокруг красота! Какие повсюду чудесные цветы! Да!... А как же огневик? Надо поскорей набрать его...

Девочка сорвала дюжину цветочков - хорошо, что она так вовремя вспомнила! Там, где только что горели алые звезды, теперь остались лишь маленькие серые головки-бутоны, и они на глазах клонились к земле.

- Но какая все же странная птица, - пробормотала Сеня; страшные воспоминания еще не оставили ее.

- Обыкновенный каменный дятел, - объяснил Филипп. - Внутри клюва у него есть особый нарост, его называют ядовитым зубом. Птица прокалывает этим зубом пойманную жертву - и в дупло. Когда вылупится птенец, он съест все, что наготовили ему родители, мощным клювом-топориком разобьет глиняную дверь и уже взрослым выйдет из своего безопасного гнезда, - принц чуть помолчал и добавил: - Мне было так жаль тебя... Ты, бедняга, плакала без конца, и тебе никак было нельзя сообщить, что мы-то живы...

Брат с сестрой глядели на девочку своими круглыми черными глазками, и Сене подумалось, что они за ужасную ту ночь пострадали, верно, не меньше нее. Но теперь все позади!

Она набрала полную грудь воздуха и, с шумом выпустив его, замерла, наслаждаясь мгновением, стараясь запечатлеть в памяти все: и яркую мозаику цветов на серебристом ковре трав, и золотые струи воды, подсвеченные восходящим солнцем, и сверкающую голову Одинокой, водопадами льющую вниз свои ледяные слезы. Тонкий аромат цветов наполнял прохладный утренний воздух... Жизнь снова была восхитительной!

Сеня по-прежнему держала в руках букетик огневика; цветочки закрылись и безвольно повисли на тонких, подсыхающих уже стебельках. Девочка с надеждой взглянула на принцессу.

- А когда ты сможешь приготовить увеличительный порошок? - спросила она, Ей хотелось, чтобы счастье было полным.

- Вечером, - ответила принцесса. - Это все же волшебство... Оно не любит яркого света.

Сеня присоединила букетик к связке сухих трав. Ящерицы сидели у нее по плечам - в мироздании, вчера чуть было не рухнувшем, все вернулось на свои места!

Девочка зашагала было по берегу реки, но Филипп, внимательно осматривавший горы, остановил ее.

- Пожалуй, нам нет больше смысла приближаться к Одинокой. Посмотри-ка сама.

Сеня огляделась. И в самом деле: вершина Толстой маячила теперь далеко позади, а здесь своим длинным пологим боком она прижималась к великанше, и, конечно же, переваливать через гору

стоило именно здесь, в самом невысоком месте.

Склон горы с виду был некрутой, но взбираться по нему оказалось не так уж и просто. Никакой тропинки само собой не было и в помине, и Сеня поднималась напрямую, карабкаясь иногда чуть не на четвереньках, хватаясь обеими руками то за ветки, то за пучки травы, то за торчащие из осыпающейся земли корни. Она часто отдыхала, но все равно чувствовала себя очень усталой – бессонная ночь давала себя знать. Поэтому в полдень, когда опустилась жара, девочка отыскала тенистое местечко и улеглась спать. Ящерицы по просьбе Сени устроились внутри рюкзака и обещали не вылезать из него до тех пор, пока она не проснется.

Умывшись из фляги и таким образом взбодрившись, девочка продолжала свое восхождение. Теперь ее не тянуло посидеть через каждые три десятка шагов – что значат два часа спокойного сна! – но к вечеру она, конечно, снова выдохлась. В который раз она пыталась

разглядеть вершину, но за деревьями ровным счетом ничего не было видно – поди догадайся, то ли ты у самой цели, то ли еще на середине пути!

– Да будет ли когда-нибудь этому конец? – особо ни к кому не обращаясь, пробормотала девочка. Филипп успокоил ее:

– Осталось недолго. Когда увидишь вдруг впереди горы – значит, ты уже на перевале.

И действительно, скоро глазам открылась совсем другая картина. Сеня одолела очередной каменистый уступ и внезапно, хотя и ждала этого каждое мгновение, увидела впереди скалистую рогатку – казалось, два исполинских растопыренных пальца уткнулись в небо. Это была гора Рогатая. За нею скрывалась долина Саттар. По правую руку высились крутые склоны Одинокой, а от Рогатой к далеким снежным вершинам уходил не-высокий хребет, густо поросший серебряным лесом. Некоторые из тех дальних гор могли быть даже побольше, чем Одинокая. За ними теперь будет каждый вечер садиться солнце, да и сейчас оно стояло уже над одной из вершин, больше всего походя на огромную сияющую игрушку, одетую на верхушку рождественской елки.

Сеня заторопилась – пора подыскать место для ночлега; еще немного, и начнет темнеть. С этой стороны гора была скалистой, лес начинался далеко внизу; правда, между скалами и лесом тянулись обширные заросли кустарника, но ночевать на камнях под кустом не хотелось.

Девочка запрыгала вниз по уступам и, спустившись на сотню метров, оглядела скалы снизу. Она нашла то, что искала, чуть в стороне и повыше от того места, где сейчас стояла; темная дыра наверняка была входом в пещеру. Сеня подобралась к провалу и осторожно заглянула внутрь. Пусто! Пещерка оказалась небольшой и уютной, с сухим земляным полом. Девочка поторопилась натаскать сюда побольше сушняка, и скоро в пещере запылал жаркий огонь. Ящерицы сидели на камешке неподалеку от костра и ждали, пока девочка покончит с делами.

Сеня нагуляла сегодня зверский аппетит и с удовольствием жевала совсем уже черствый хлеб с твердым, как резина, овечьим сыром. Ужин пришлось запить тепловатой водой из фляги – чай сегодня готовить было не из чего; воды оставалось едва на донышке.

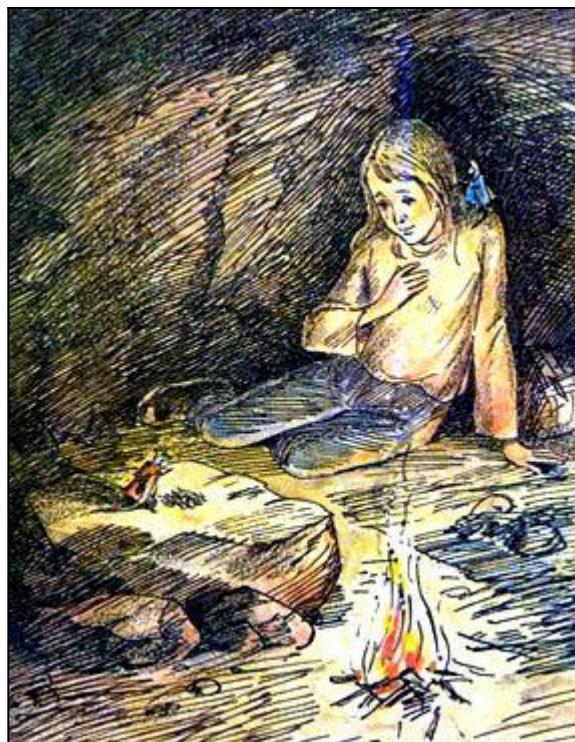
После скудной этой трапезы девочка расстелила на полу плащ и стала развязывать пучки трав. Брат с сестрой, переговариваясь, засновали по сухим стебелькам. Филипп рубил мечом веточки, а Пина стаскивала в кучку лишайники и разную мелочь. Сеня, отыскав два плоских камня, положила один из них на плащ, насыпала сверху сухие травки и принялась растирать их вторым камнем, как мельничным жерновом. Пина бегала вокруг, выбирая из ссыпавшегося порошка кусочки коры, перетирая лапками крупные частички, и скоро ее красный плащик посерел от мельчайшей

травяной пыли.

Наконец девочка собрала готовый порошок и пересыпала его на большой камень, который лежал посередине пещеры. Принцесса забралась на него и лапкой показала, чтобы Сеня и Филипп отодвинулись подальше.

Склонившись над порошком, Агриппина быстро забормотала какие-то заклинания. Костер ярко горел, серые камни в его свете казались багровыми, смутные тени металась по низкому своду пещеры, а тень от крохотной ящерицы протянулась через всю стену... Сеня, затаив дыхание, смотрела на принцессу. Ее золотая корона ярко вспыхивала в свете огня, полы красного плаща взметывались вверх, когда колдунья взмахивала лапками... Вдруг откуда-то потянуло ветерком, и по пещере, закручивая мусор и пыль, заплясал маленький смерч. Он кружился и кружился по пещере, а принцесса изваянием застыла на камне, и только алый плащ ее отлетал назад, когда мимо

проносился танцующий смерч. Он описывал круги вокруг принцессы – все меньше и меньше... Наконец, прыгнув на камень, закружил серый порошок, поднимая его под самый свод пещеры. Принцесса при этом, качнувшись, едва устояла на месте, но спустя мгновение уже все стихло – смерч пропал, будто бы его и не было вовсе, а порошок остался лежать на камне закрученной высокой горкой. Филипп вдруг кинулся к костру и, выхватив меч, сунул его сверкающее острие в огонь. Потом он побежал к камню и протянул свой меч принцессе. Она ухватила тяжелый клинок и, с видимым усилием подняв его, сделала себе небольшой надрез на левом запястье. На серебристой коже медленно проступила кровь. Алая капля упала на вершину горки, и порошок вдруг вспыхнул. Клуб черного дыма скрыл принцессу, а когда он рассеялся, на камне у ног ящерицы лежала маленькая кучка черной золы.

Агриппина довольно улыбнулась.

– Готово!

Сеня перевела дыхание. Сделать порошок, как выяснилось, было совсем непросто... А Пина-то, оказывается, – самая настоящая колдунья!

Принцесса, видя ошарашенное лицо девочки, рассмеялась.

– Ты не беспокойся! Я, кроме этого, ничего делать не умею. Не дай Бог, бояться меня начнешь!

Принц тем временем успел уже забраться на камень. Ему явно не терпелось! Он набрал пригоршню черного порошка, отсыпал половину на ладонь сестры и сказал:

– Подожди, пока я отойду подальше, не то стукнемся лбами!

Пина чуть повременила, высыпала порошок в рот и замерла.

Сеня во все глаза следила за происходящим. Она много раз увеличивалась в своей жизни, но никогда не видела, что при этом происходит.

А было вот что; принцесса, а за ней и принц, исчезли... Мгновения тянулись... Сеня перепугалась – вдруг Пина что-нибудь напутала, и они исчезнут навсегда!

Но нет! Будто легкий вздох пронесся по пещере, что-то тоненько зазвенело, и мощная фигура

принца выросла у стены. Снова звон – и вот стоит Пина. Ящерицы еще не успели прийти в себя, а девочка уже кинулась к ним, затеребила их, обнимая, вне себя от радости, что все так славно получилось! Брат с сестрой были довольны не меньше ее. Сегодня положительно был счастливый день!

Агриппина с Сеней как в былые дни уселись рядышком у костра – так стало удобно разговаривать! А Филипп засуетился, подбрасывая дрова в костер – на редкость это приятное чувство, когда тебе под силу все, что хочется сделать. Он спустился к кустарнику и нарубил здоровенную кучу веток, так что постель вышла просторная и мягкая.

В эту ночь девочке снились необычайно легкие и приятные сны. - Страница 16 - Утром первым

поднялся Филипп и сразу вышел из пещеры оглядеть окрестности при свете дня. Девочка просыпалась с трудом: за прошедшие дни накопилась усталость. Пина собрала на камне простенький завтрак; у

них оставалось теперь только немного крупы и соли, а дальше придется добывать пропитание неизвестно как и где... До крошки подъев сухой хлеб с сыром, они допили воду – каждому по глотку – и покинули гостеприимную пещерку. Растянувшись цепочкой, преодолели заросли кустарника и вошли в лес. Идти под гору было, конечно, проще, чем карабкаться на верхотуру, но приходилось быть осторожными, чтобы, не дай Бог, оступившись на скользком корне или камне, не покатиться вниз. Филипп шел первым, выбирая дорогу, помогая спутницам преодолевать трудные участки пути, и они еще не успели как следует утомиться, когда услышали доносившийся снизу шум воды. Взяв вправо, друзья довольно скоро вышли к огромному, яростно ревущему водопаду. Он был рожден ледником где-то наверху Одинокой и низвергался здесь с высокой скалы, давая начало еще одной горной реке; она приходилась родной сестрой той речке, по берегу которой Сеня забралась так высоко в горы. Вода падала здесь в гулкое узкое ущелье, на самом краю которого сейчас стояли путники, и мощный этот поток казался сверху тоненьким ручейком. Бурливая речушка, светлой змейкой выползавшая из белых клубов водяной пыли, быстро скользила по дну расщелины, с завидной ловкостью огибая скалы, пока не исчезала за изгибом ущелья.

Осторожно, стараясь не поскользнуться на мокрых камнях, Филипп подобрался к воде, подставил флягу под пенистую струю, и когда из горлышка брызнул фонтанчик – фляжка наполнилась за считанные мгновения, отскочил в сторону, но был уже с ног до головы облит ледяным дождем, а синий плащ его потемнел от влаги. Вода была такая студеная, что стыли зубы, и пить приходилось маленькими глоточками по очереди. Когда все напились вволю, принц снова наполнил флягу и, привешивая ее к поясу, сказал:

– Дальше пойдем вдоль края ущелья. Но идти придется по лесу. К сожалению... Пора бы уж нам чуть поосторожничать. Времени-то пролетело вон сколько: после побега – четвертые сутки! Погоня наверняка началась... Я надеюсь, они еще далеко... Но... – он чуть помедлил.

– В общем, следите за небом!

Сеня тут же подняла глаза кверху. Небо накрывало горы огромной голубой чашей; солнце сияло, и не было ни облачка. Мерно шумела вода, приглушая веселое щебетание птиц... Было так светло и покойно, что, казалось, не может быть места злу в этом чудесном мире...

Идти по склону горы оказалось непросто. Обидно было, что приходится пробираться сквозь заросли кустов, обдираясь в кровь, когда рядом, можно сказать, ровная дорога; скальный край ущелья был почти плоским, без трещин и завалов. Но зато в лесу во множестве росли ягоды – они как раз

начинали поспевать. Не все они, конечно, были съедобны, но принцесса-то хорошо знала, какие можно есть, а какие нельзя, и так как обеда не предвиделось, лесные дары были сейчас весьма кстати. После полудня Пина наткнулась в чащобе на заросли орешника. Крупные, молочно-белые ядра были такие вкусные, и орехов было так много, что голода после пиршества никто не чувствовал. Набрали их еще и с собой. Кроме того, сметливая принцесса всю долгую дорогу выискивала, откапывала какие-то коренья, которые она и складывала в подол плаща.

Шум воды, доносившийся из ущелья, со временем делался все громче, отвесные стены теснины становились чем дальше, тем ниже, а к вечеру путники смогли выйти уже и на самый берег потока; каменная темница осталась позади, и здесь речка весело журчала, открытая со всех сторон солнцу, ничем не стесненная – мелкая и широкая.

Филипп по камушкам пробрался к середине реки; он стоял теперь на большом валуне, вглядываясь в чистые струи потока.

– Здесь столько рыбы! – наконец воскликнул он.

– Что толку? Руками все равно не поймать, – заметила Пина; она отмывала в реке коренья от земли, раскладывая их затем на гальке подсушиться.

Сеня запрыгала по камням к Филиппу. И правда: в прозрачной воде часто мелькали крупные розовые рыбки с красными плавниками. Принц в задумчивости глядел на них; потом, видно, что-то придумав, торопливо выбрался на берег и направился к лесу. Вернулся он с большой охапкой длинных тонких веток. Усевшись на землю, Филипп принялся плести из них что-то вроде корзины. Он провозился с ней довольно долго, но, несмотря на все его прилежание, корзина вышла совсем кривая. Нимало этим не смущенный, принц с гордостью оглядел свое кособокое творение и понес его к реке. Бочком опустив плетенку в воду, так что донышко ее оказалось ниже по течению, Филипп положил внутрь увесистый камень, чтобы сооружение не снесло потоком, и занялся костром. Сеня и Пина, не обращая на его действия ни малейшего внимания, расслабленно сидели в тени дерева. Каково же было их удивление, когда принц подошел к ним с корзиной, в которой билось несколько крупных рыб.

Оказалось – все просто! Рыба, попавшая в плетенку, уже не могла из нее выплыть – такое здесь было сильное течение – и оставалась в ловушке. Вот когда засуетились Сеня с Агриппиной! Девочка кинулась с котелком за водой, а принцесса принялась чистить уже снулую рыбу. Когда вода закипела, Пина набросала в котелок нарезанных кореньев, пряных травок, добавила пару

горстей крупы, не забыв про соль. Запах готовящейся на костре ухи дразнил, ну, просто нестерпимо! Друзья с трудом пережили время, пока она варилась. Потом, обжигаясь, единственной ложкой, по очереди глотали ароматное варево, и казалось, ничего не может быть вкуснее!

Когда дети покончили с едой – на дне котелка не осталось ни капли, ни крошки! – они залили костер водой и забросали дымящееся еще кострище галькой. В темноте огонь виден даже с самых дальних вершин. Во-о-он она Рогатая, еще не скрылась... Ночевать ушли на гору, в заросли.

Лес был еще совсем серым. Рассвет только-только занимался, а путники уже брели по склону, снова чувствуя себя беглецами. Они шли быстро, и к полудню Одинокая принакрылась голубоватой дымкой расстояния, а

вершины, казавшиеся вчера недосыгаемо далекими, наоборот, придвинулись. Лес, дававший троицам укрытие, понемногу кончился. Гора над ними была теперь лысая, поросшая лишь травой, и беглецы шли по берегу реки, часто поглядывая в небо. Но преследования по-прежнему не было. А на горе, на крутых ее склонах и скалистых уступах, стали попадаться горные козы. Некоторые паслись вместе с маленькими козлятками, и было непонятно, как эти крошечные неуклюжие создания могут удерживаться на такой крутизне. Сверху порой будто бы доносилось негромкое звяканье, и Сеня шла прислушиваясь. Но вот она увидела козу, спускавшуюся по склону к реке, и остановилась. Сейчас она совершенно отчетливо услышала брнчание колокольчика. Девочка кинулась догонять ящериц, выкрикивая на ходу:

– Это чье-то стадо! Они не дикие! Найдем пастуха и попросим у него молока! – Сене снова очень хотелось есть.

– Неплохая идея... – только и ответил принц, а Пина добавила:

– Хорошо бы еще хлебца со сметаной...

Теперь друзья шли, внимательно оглядывая все вокруг, надеясь заметить хозяина стада. Пастуха они не встретили, зато увидели на горе, прямо в скале, дверь, к которой от реки вела извилистая тропинка, проложенная меж валунов. Надо сказать, что если б не та внимательность, с которой голодные путники осматривали окрестности, они бы скорей всего не заметили ни двери, ни тропки. Подъем оказался крутым, ступени кое-где были вырублены в почти отвесной скале, и Сеня порядком взмокла, прежде чем выбралась вслед за Филиппом на каменную площадку перед закрытой дверью. Девочка, отдышавшись, выступила вперед и громко постучала. Троица замерла, прислушиваясь:

– Есть ли кто дома?

Но вот послышались шаги, дверь распахнулась, и на пороге появился хозяин жилища и, надо полагать, того стада коз на горе. Это был высокий длинноволосый человек лет тридцати с виду, одетый в черные холщовые штаны, заправленные в сапоги, и просторную белую рубаху. Его темные волосы спутанной гривой лежали по спине, опускаясь ниже лопаток, – много лет они не видели ножниц да и с расческой давно не встречались. Рубаха, однако, была чистая. Человек этот окинул девочку взглядом, и приветливая улыбка показалась было на его загорелом лице, но тут же исчезла, лишь только он перевел глаза на стоявших чуть позади Пину и Филиппа. И Сеня в общем-то понимала почему. Громадные се-ребристые ящеры в длинных плащах да в золотых коронах,

верно, не часто встречаются горным пастухам... Впрочем, как и жителям равнин.

Девочка решила первой нарушить затянувшееся уже молчание. Она сказала очень вежливо:

– Здравствуйте. Мы идем издалека и страшно проголодались... Вы не могли бы дать нам немного молока от ваших коз?

Человек, все еще изумленно разглядывавший ящериц, покивал головой и отступил назад в темноту дверного проема. Сеня, решив, что это являлось приглашением войти, переступила через порог. Принц и принцесса в замешательстве остались стоять на месте. Тогда девочка спросила:

– Можно им тоже войти?

– Пусть входят, Раз уж пришли... – буркнул в ответ человек и, словно испугавшись своей невежливости, добавил: – Меня зовут Дели.

Сеня поспешила представиться в ответ и, указав на брата с сестрой, сказала:

– Принц Филипп и принцесса Агриппина.

– Заколдованные, что ли? – поинтересовался Дели.

– Вы совершенно правы. Заколдованные, – коротко ответила девочка, и расспросы на этом пока закончились.

Хозяин прошел в глубь обширной пещеры, служившей ему домом, к длинному деревянному столу, на котором стояли рыжие глиняные кувшины, крынки и лежало несколько кругов сыра. Дели достал с полки такие же простые глиняные кружки, вынул из-под полотенца половину большого белого хлеба и стал нарезать сыр и хлеб толстыми ломтями. Затем, наполнив кружки молоком, жестом пригласил гостей к столу, а сам отошел к окну. Усевшись на высокие табуреты, голодные пришельцы принялись за еду. Сеня жевала и тихонечко исподлобья оглядывала пещеру. Жилище пастуха оказалось довольно просторным. Три овальных окна, прорубленные прямо в скале, пропускали снаружи достаточно света, а вечером хозяин, наверное, зажигал огонь в очаге. Черный след от дыма тянулся по стене к трещине, которая выходила, видно, где-то выше на воздух и служила дымовой трубой. Над очагом, сложенным из грубых серых камней, помещался закопченный вертел, а рядом вдоль стены стояло несколько медных котлов – больших и маленьких. В дальнем конце пещеры – постель, покрытая цветастым ковром. Ближе к двери выстроились бочонки, над ними на полках лежат рядами круги сыра разных размеров, и воздух в пещере насквозь пропитался его кисловатым запахом. На крючьях, вбитых в скальную стену, развешаны кожаные бурдюки, чем-то доверху наполненные, рядом висят корзины, пучки трав, связки бубенчиков... И волынки – бурдюки, с торчащими из них тремя-четырьмя рожками разной величины. Кожа волынок выкрашена в глубокий черный цвет, а рожки оплетены шелковыми цветными нитками.

Хозяин, заметив заинтересованный взгляд девочки, подошел к стене и снял с крюка одну из волынок – самую маленькую. Зажав в белых зубах мундштук дудки, он придавил локтем тугой бархатный бочок, и громкий звук ее трех рожков наполнил пещеру. Пальцами правой руки Дели начал перебирать дырочки одного из рожков – протяжная мелодия зазвучала на фоне бесконечного аккорда из двух низких нот. Наконец бока волынки опали, и хозяин водворил ее на место. Затем, повернувшись к своим гостям, он сказал:

– Я вас накормил. Я для вас сыграл. А вы мне теперь расскажите, кто же вы такие и откуда пришли.

Сеня вопросительно взглянула на Филиппа, и тот кивнул. Необходимо было разузнать дорогу, а скрывать правду от пастуха особого смысла не имело. И девочка принялась рассказывать. Она

описала, как смогла, долину, замок Покровительницы, Бело-Голубой Город с его жителями. Затем она поведала историю о Болотнике и его Колдовском Сапфире, ввергнувшем жителей Саттара в пучину бедствий. Дели слушал с интересом. В такт повествованию он кивал своей лохматой головой, в удивлении хлопал себя по коленям и бурно возмутился, когда узнал, как колдун поступил с несчастным народом. Вкратце описав жизнь ящериц в Громальной Пещере, Сеня перешла к собственно путешествию – пленению, а затем и бегству из Черного Замка...

Наконец девочка замолчала. Некоторое время молчал и Дели, потом, обнажив белоснежные зубы, хитро улыбнулся и сказал:

– А я знаю, где живет сестра вашей Покровительницы! Вдоволь насладившись радостным изумлением своих гостей, он продолжил:

– Ее зовут Рисс, и живет она всего в неделе ходьбы отсюда, в долине Кулхор. А знаю я потому, что случалось проходить через ее владения, и волшебница сильно мне однажды помогла...

Сеня про себя прикинула – неделя пути, не так уж и близко. На пальцах трудно такую дорогу объяснить... Дели, будто услышав ее мысли, добавил:

– Да, да... Добраться туда не так уж и легко. Есть по дороге одно место... – он замолчал в раздумье. Наконец, что-то для себя решив, Дели поднялся из-за стола, и белозубая улыбка осветила его загорелое лицо:

– Видно, придется вас проводить. Попасутся козочки без меня недельку-другую!

Сеня и ящерицы, не ожидая такого поворота, в изумлении уставились на него. Дели, вдруг посерьезнев, объяснил:

– Будет по пути одно очень нехорошее ущелье. Без меня не пройдете, погибнете.

– А обойти его нельзя? – спросил Филипп.

– Если б можно было, не было бы и разговора, – ответил Дели, и принц покивал головой.

– А когда выходим? – поинтересовалась девочка.

– Не терпится? – улыбнулся пастух. – Завтра на рассвете. Сейчас отдыхайте, – он махнул рукой в сторону цветастой постели. – А мне надо еще собраться да коз подоить – на дорогу свежего молока...

Он взял с полки холщовый мешочек, высыпал из него на стол перед гостями несколько горстей сушеных фруктов, добавил корзиночку с орехами и, сняв с крюка пару пустых бурдюков, вышел за

дверь. – Страница 17 - В эту ночь хозяин пещеры, должно быть, поспал совсем немного, потому как лег поздно, а поднялся до света. Сеня сквозь сон слышала, как он разжигал в очаге огонь, потом долго – глухо и мерно –

постукивала о медные бока котла деревянная ложка; что-то пастух готовил... Затем звякали крынки, что-то лилось, шипели на раскаленных камнях пролитые капли.

Завтрак уже ждал на столе. В полутьме – огонь в очаге погас, а за окнами было совсем серо – сонные гости и, наоборот, вполне бодрый хозяин быстро поели и вышли из пещеры на утреннюю прохладу.

У реки еще ночевал туман, небо было темным, и только за Одинокой оно чуть окрасилось в рассветный розовый цвет. Птицы, едва проснувшись, нерешительно почирикивали, пробуя голос, только собираясь затянуть утренние свои песни. Дели запер дверь, ключ спрятал под камень у порога и первым пошел по тропе вниз. Светало быстро, и скоро солнечный свет уже переливался в долину, ощупывая спины идущих приятно-теплыми лучами.

Идти вместе с пастухом оказалось весело. Он то пел, то рассказывал что-то смешное, при этом

хохоча громче всех, то кричал наверх своим козам. Дели любил своих подопечных, и о каждой у него нашлось несколько слов; эта ласковая, эта бодливая и упрямая, к этой без куска хлеба вообще не подойдешь, а вот та, наоборот, умница, бежит сама навстречу. Когда через некоторое время козы перестали встречаться, их хозяин даже чуть погрустнел, но, правда, ненадолго. Не прошло и получаса, а он уже снова горланил песню, вышагивая впереди отряда, подбадривая себя громкими и резкими пастушьими выкриками.

Ближе к полудню проводник повернул от реки к горе, которая в этой части снова успела зарости лесом. Теперь они взбирались наверх по извилистой каменистой тропе, известной, наверное, лишь Дели да еще нескольким горцам, таким же пастухам или охотникам. Солнце пекло неумолимо, и Сеня едва успевала отирать со лба пот; ящерицы тоже совсем выдохлись, с трудом поспевая за Дели, Он же, по-прежнему напевая что-то себе под нос, легко взбирался по крутому склону – неумолимый и выносливый, каким и положено быть настоящему горцу. Наконец, девочка, не выдержав, запросила пощады. Пастух, с детства привыкший к горам, удивился, увидев усталость своих спутников, но, извинившись, обещал идти впредь помедленней и предложил остановиться – все одно уже приближалось обеденное время. Сеня без сил повалилась на траву в тени раскидистого дерева, облюбованного пастухом, как укрытие от зноя. Пина устроилась рядышком с подругой, а Филипп привалился спиной к стволу. Дели тем временем развязал свой заплечный мешок, расстелил на земле полотняную скатерку, достал хлеб, сыр и зелень, наполнил четыре глиняные кружки белой густой простоквашей; молоко в бурдюке, нагретое горячим солнцем, успело скиснуть, но оно утоляло жажду гораздо лучше, чем вода. Спустя полчаса Сеня и ящерицы чувствовали себя вполне отдохнувшими – молоко горных коз придало им новых сил.

Снова друзья карабкались в гору вслед за пастухом, снова палило солнце, каменистая тропа, выписывавшая петли по крутому склону, казалось, не имела конца... Но вот Дели, шедший на несколько десятков шагов впереди, остановился. Сеня и ящерицы поторопились нагнать его и замерли, пораженные открывшейся перед ними картиной.

Чего-чего, а увидеть равнину они сейчас ожидали, наверное, меньше всего! Насколько хватало глаз и вправо и влево расстилалась самая настоящая степь. Путники стояли на краю обширного и плоского, как стол, плато, поросшего серебристой травой и редкими корявыми деревцами. Далеко впереди голубели вершины отдаленных гор; пастух, махнув на них рукой, сказал:

– Во-о-он там, за перевалом, меж тех двух громадин лежит горное озеро. По его левому берегу нужно пройти до старого иссякшего стока и по сухому руслу спуститься в долину. Это и будет Кулхор, где живет Рисс.

– А где же будет то опасное место? – поинтересовался Филипп.

Дели ответил не сразу. Прищурившись, он смотрел вдаль, и лицо его помрачнело от каких-то неприятных воспоминаний. Наконец он сказал:

– На самом верху перед перевалом есть узкое скалистое ущелье. Это там.

Он не объяснил, что же «это» было такое, и Филипп не стал спрашивать, решив, что пастух не хочет пугать их раньше времени. Принц искоса поглядел на спутниц: в самом деле им совершенно не нужно заранее расстраиваться – ведь впереди еще несколько дней пути. Но принцесса и девочка, не обращая на их разговор никакого внимания, всматривались куда-то совсем в другую сторону. Филипп проследил за направлением их взглядов и, уловив в глубине плато какое-то движение, тронул за рукав задумавшегося проводника. Зоркие глаза горца сразу же распознали в движущемся пятне что-то ему знакомое.

– Лошади! – возбужденно выдохнул он и, не добавив ничего больше, рванулся вперед.

Друзья, растерянно переглянувшись, кинулись вслед за ним. Но где им было угнаться за пастухом! Тот мчался с быстротой пущенной из лука стрелы, на бегу стаскивая с себя заплечный мешок. Что-то вытащив из него, он бросил и мешок, и бурдюк с молоком в траву, а сам понесся дальше еще быстрее. Филипп, добежав до брошенных вещей, остановился, и Сеня с Пиной, задыхаясь, нагнали его.

Табун шел в их сторону, и скоро вместо неясного темного пятна можно было увидеть несколько сот

лошадей, быстро несущихся по высокой траве навстречу светлой фигурке пастуха. Вот жоак, видно, заметив его, свернул чуть в сторону, но Дели еще убыстрил свой бег. Теперь он был уже совсем близко. В воздух, раскрутившись, взвилась веревочная петля. Лошади испуганно шарахнулись. Табун, наращивая скорость, уходил прочь, а от него отделилась одна из лошадей, схваченная ловко брошенной петлей. Дели подбирался к ней, быстро перехватывая веревку руками; изо всех сил упираясь ногами в землю, он пытался замедлить бег заарканенной пленницы. С каждым мгновением он приближался к ней все больше... И вдруг молниеносное движение – глаз даже не успел проследить как, а Дели был уж верхом! Обхватив шею лошади двумя руками, он буквально прилип к ее спине, а лошадь кругами понеслась по траве, высоко вскидывая ноги, пытаясь сбросить непрошенного седока. Испуганное ржание понеслось над равниной. Табун, отойдя на приличное расстояние, встал, и головы лошадей повернулись в сторону плененной подруги.

Долго еще бедняга носилась и взбрыкивала, пока не устала. Но пастух, видно, знал, как нужно обращаться с дикарками. Наконец ему удалось накинуть веревочную уздечку, и пленница, неся на себе уже выпрямившегося седока, приблизилась к троице друзей. Лошадь всхрапывала и косила черным бешеным глазом на ящериц, а пастух, пытаясь успокоить, ласково похлопывал ее по шее, издавая при этом странные горловые звуки. Кто знает, может быть, ей и в самом деле от них становилось легче – пастуху-то видней!

– Тихо! Тихо! Умница! Красотка! – в промежутках между урчанием приговаривал Дели.

Пленница и впрямь была хороша! Черная, с шелковыми лоснящимися боками, с белым треугольным пятном на лбу. Седой хвост ее при беге развеивался по ветру, а длинная грива цвета перца с солью спутанными прядями разметалась по шее. Сене припомнилось, как она расчесывала белую непослушную гривку своей любимицы Белоснежки. Осторожно приблизившись к всаднику, девочка провела рукой по теплой шее дикарки и принялась перебирать пальцами длинные перепутанные волосы, выбирая из них репы и колючки. Лошадь стояла смирно, и Дели довольно улыбнулся:

– Отловим еще двоих, и тогда не придется тащиться по жаре пешком.

В следующем загоне ему помогал принц. Порешив, что Филипп, подобравшись к табуну сзади, вспугнет его так, что он снова пойдет навстречу загонщику, Дели достал из мешка еще одну веревку и пастуший рожок. Принц спрятал рог в карман плаща и, опустившись на передние лапы, бесшумно скользнул в высокую траву. Пастух верхом неспешно начал продвигаться в сторону табуна. Лошади пока оставались на месте, но за всадником следили настороженно. Дели приближался к цели очень медленно – сообщнику его требовалось время. Но вот тишину прорезал громкий раскатистый звук – это принц трубил в рог, и Дели на мгновение застыл на месте.

Лошади всем скопом испуганно кинулись прочь от ревущего, ужасного серебристого зверя, а пастух, пятками пришпорив Красотку, бросился им наперерез. В воздухе одна за одной просвистели брошенные веревки. Мгновение, и Дели помчался вслед за двумя заарканенными лошадьми. Все бы хорошо, но лошади, разделившись, побежали в разные стороны. Еще чуть-чуть, и одна из них неминуемо вырвется! Хорошо бы не две! Пастух из последних сил удерживал обезумевших от страха лошадей!

Но принц подоспел вовремя! Откуда ни возьмись он вдруг выскочил из высокой травы и побежал

вслед за всадником. Дели бросил ему одну из веревок, Филипп ухватил ее и, цепляясь задними лапами и хвостом за траву, с трудом удержал сильное животное – не тяжестью своего тела, а скорее цепкостью конечностей. Мало-помалу он приближался к коню все ближе... Наконец, уцепившись за гриву, принц запрыгнул ему на спину!

И ах! Серебристый ящер во весь опор уже несется верхом на черном скакуне, а его синий плащ надувается встречным ветром!...

Конь, почувствовав седока, решил от него избавиться и начал резко бросаться в стороны, лягая при этом воздух задними ногами. Но принц был опытным наездником, и справиться с ним было не так уж просто. Состязание все продолжалось, и скоро серебристый всадник скрылся из виду, уносимый прочь своим неистовым соперником. Правда, спустя непродолжительное время принц снова появился, а конь под ним шел теперь присмиривший и с накинута уздечкой. У Филиппа, видно, были свои секреты объездки.

Дели за это время успел управиться со второй пленницей, а Сеня и Пина держали под уздцы Красотку, которая хоть и нервничала, но вырваться не пыталась, Горец, удерживавший лошадь, с одобрением следил за приближающимся всадником.

– Но какие красавцы! Все один к одному! – восхищенно воскликнул Филипп.

Дели с улыбкой оглядел гарцующего принца. В самом деле, конь под ним, казалось, был вырезан из куска антрацита. Атласные бока вздымались после утомительного бега, но длинные стройные ноги нетерпеливо топтали траву, готовые в любой момент кинуться мерить степь дальше.

– Да, кони здесь отменные, – согласился пастух.

– Сия местность, вернее будет сказать – плато, которое нам еще только предстоит пересечь, называется Ахрат, а табун этот насчитывает около трех сотен голов чистокровнейших ахратинцев. О, где только не известно их славное имя! За ними с древнейших времен приходили сюда из-за гор ловцы – ведь все самые великие владыки желали иметь этих коней. Стоили они целое состояние... Но проникнуть на Ахрат можно только с той стороны; по узкому ущелью между двух каменных громадин...-Дели махнул рукой в сторону далеких гор. – И вот там-то, в ущелье, некая могущественная волшебница и посадила сторожа. С тех пор она одна берет отсюда лошадей...

– Но мы же пришли сюда, И могли бы вернуться с лошадьми на равнину. Разве нет? – возразила Сеня. Дели покачал головой.

– За равниной никто не живет. Там граница. К тому же и с той стороны есть сторож – сын волшебницы, известный вам Насурим. Он тоже присматривает, чтобы не сводили коней.

– Ах, вот в чем дело... – прошептала девочка. Ей вдруг стало как-то не по себе. Снова Болотник с матерью... Перед глазами всплыло злое лицо Асурдис. Уж ее-то сторож должен быть поистине страшен!

Филипп решил изменить тему и первым нарушил мрачное молчание.

– Надо бы напоить лошадей. И подумать, где будем ночевать. Через час начнет темнеть, – сказал он.

И впрямь день клонился к закату. Дели согласно кивнул и, уложив веревки в мешок, закинул его на спину. Сеня вскочила на спину Красотки, а Филипп помог сестре забраться на лошадь позади девочки. Усевшись, Пина обхватила подругу за талию – обе они были худенькие и легкие, так что лошадь без труда несла двоих всадниц. Филипп гарцевал рядом, с трудом сдерживая своего ретивого, рвущегося вскачь жеребца.

Еще засветло всадники достигли берега небольшого чистого озера. Жизнь ему давали не горные льды, а какие-то внутренние источники, и оно было теплым, насквозь прогретым солнцем. Сеня немедля разделась и кинулась в воду. Наконец-то!

К другому берегу с шумом подходил табун. Озеро, наверное, было единственным на плато, и лошади пришли на водопой. Три черные головы с тоской глядели на свободных своих братьев, и Дели, чтобы отвлечь бедняг, скормил им большой ломоть хлеба, добавив каждой по куску сахара в утешение.

– Ничего, ничего... – приговаривал добросердечный пастух, поглаживая шелковые шеи. – Через

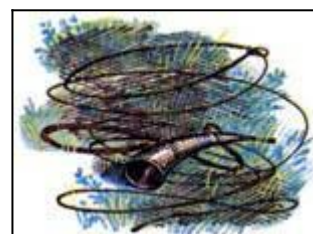
пару деньков вернетесь обратно. А в награду за переживание – вот вам сладенького... Зато потом будет что вспоминать! И детям рассказывать!

Лошади, пофыркивая, внимательно слушали его увещевания. Они уже не смотрели в сторону табуна.

Устроиться на ночлег решили под низкой и густой кроной кряжистого дуба. Его толстые ветви серебряным шатром раскинулись над песчаной землей, поросшей редкой травой. Сеня и Пина, повесив вещи на сучья, принялись сооружать постель. Филипп накопил мечом подсыхающей уже от долгой жары травы, и подружки укладывали пахучее это сено у ствола гиганта – он-то был толщиной обхвата в три, не меньше!

Принц и Дели бродили неподалеку, разыскивая в кустарнике сушняк для костра. Скоро запылал огонь, Пина сварила целебный травяной чай, и четверо путешественников расположились вокруг льняной скатерки с ужином. Надо сказать, они представляли собой довольно странное зрелище – на траве бок о бок сидели маленькая девочка, смуглый горец с длинными спутанными волосами и два серебристых ящера в золотых коронах, одетые в широкие плащи – красный и синий... Казалось, между ними не может быть ничего общего! Однако же они шли вместе, преодолевая сложности похода, зная, что впереди их ждет неминуемая опасность, и каждый готов был в любую минуту прийти другому на помощь, пусть даже рискуя головой. Сейчас странники отдыхали, занимая друг друга историями из своей жизни. О, эти истории были совершенно удивительны – ведь рассказчики жили в разных Мирах, столь не похожих друг от друга...

Незаметно опустилась ночь. Звезды здесь, наверху, были совсем близкими. Тысячами крохотных светильников горели они на небосводе, складываясь в незнакомые, невиданные прежде созвездия. Из-за гор выкатился фонарь луны, и по воде протянулась сверкающая лунная дорожка. Сеню так и потянуло пробежаться по блестящей тропке, но, зная всю тщетность этого желания, девочка отправилась спать в серебряный шатер. Привязанные неподалеку кони стояли тихо, только иногда негромко всхрапывая и переступая с ноги на ногу. Завтра им предстояло потрудиться. - Страница 18 -

На утро Сеня проснулась раньше всех, разбуженная пронзительным свистом птицы. Значит, выспалась – иначе бы не услышала! Девочка открыла глаза и увидела прямо над собой на ветке пеструю певунью. Та, бесстрашно

поглядывая на спящих пришельцев блестящим глазком, выводила затейливую трель. Было не так уж рано – солнце, пробиваясь сквозь лиственный полог, успело разбросать по земле свои светлые кружева. Сеня села. Пичуга негодующе замолчала и, слетев с ветки, покинула серебристый шатер, Девочка поспешила последовать ее примеру.

Она сбежала к озеру, успевшему за утро вобрать в себя всю синь небес. Известно, что лучшим умыванием является купание! Хрустальные брызги полетели в разные стороны, ослепительно вспыхивая на солнце. Замерзнув, девочка выбралась на берег и стала на солнце – обсохнуть. За время путешествия она загорела, а волосы ее, наоборот, посветлели, и только серые глаза оставались такими же, как прежде. Правда, у воды они всегда становились чуть голубыми, но это просто так казалось...

На завтрак снова было кислое молоко с хлебом. Дели, прихватив с собой краюшку, ушел к лошадям. Немногочисленные пожитки оказались собраны быстро, и скоро отряд покинул место стоянки, выступив в прежнем порядке: впереди Дели, за ним подружки верхом на Красотке и Филипп на своем резвом коне – то впереди, то сзади – кругами. Надо ли говорить, путешествовать верхом –

одно удовольствие! И гораздо быстрее, чем пешком, что, впрочем, и так понятно... Сильные лошади быстро несли седоков к цели, и с каждым часом голубые вершины придвигались все ближе. После полудня кавалькада остановилась в тени одинокого дерева, чтобы дать отдых лошадям да и самим поразмяться. Но ненадолго. Часу еще не прошло, а кони снова неслись по степи, оставляя за собой три широкие полосы примятой травы. Ближе к вечеру видели табун. Он прошел вдалеке, и нагнавший всадников ветер принес с собой ослабленное расстоянием ржание. Красотка на бегу ответила разок, но продолжала послушно скакать вместе с остальными.

До гор было теперь – рукой подать! Это в самом деле были громадины, совершенно неприступные с виду, целиком сложенные из скал. Садившееся солнце окрасило их серые бока грязно-розовым; закатные лучи падали чуть сбоку, и по уступчатым каменным склонам пролегли длинные фиолетовые тени.

– Невесело тут как-то... – пробормотал Филипп, выразив общее настроение. Вид и впрямь был зловещим.

Заросли травы кончились, и копыта лошадей застучали по камню. Всадники лавировали меж обломков скал, некогда скатившихся с кручи, но со временем выбрались на подобие дороги. Она уходила к перевалу, и извивы ее поворотов просматривались снизу, от подошвы горы. Дорога уже здесь становилась довольно крутой, и в скале местами вырублены были широкие пологие ступени, которые лошади одолевали с легкостью, Сеня во все глаза глядела по сторонам, надеясь отыскать следы растительности – трава на голых камнях указала бы на присутствие влаги, а значит, и источника где-то поблизости. Но скалы вокруг оставались совершенно безжизненными, Филипп, видно, был озабочен тем же; он спросил:

– Вода-то есть здесь где-нибудь? Пора бы напоить бедняг, Вон Красотка уже еле бредет.

Лошадь и вправду выглядела совсем понурой. Дели приостановил своего коня и, в который раз оглядев сумеречную крутизну, ответил:

– Раньше была, Но я уж давно не хаживал по этим краям. Как бы не проскочить то место...

Пришпорив черные бока, пастух заторопился дальше; темнело теперь очень быстро. Спутники его отстали – Красотка шла медленно, и принц держался поблизости, чтобы не оставлять сестру с девочкой одних позади. Но вот до них донеслось радостное восклицание пастуха, и, нагнав его, друзья увидели на дороге знак. Это был треугольник, выложенный плоскими белыми камнями; его длинный острый угол указывал куда-то в сторону.

Дели тем временем уже спешил и, взяв лошадь под уздцы, сворачивал с дороги. На ходу обернувшись, он бросил через плечо:

– Если старый источник не иссяк, скоро желающие смогут даже искупаться. Но идти советую с большой осторожностью, не то купаться будет некому.

Нельзя сказать, что такое предостережение сильно приободрило его спутников, но тем не менее они послезали с лошадой и поспешили догнать своего неутомимого проводника.

Вытянувшись цепочкой, люди, ящеры и кони пробирались по узкому каменному уступу. Скала над ними превратилась в отвесную стену, и лошади шли, прижимаясь к ней боками. Из-под копыт вырывались камешки; они падали в пропасть, звонко постукивая о выступы скалы, пока не замирали где-то далеко внизу.

– Вниз не смотреть! – приказал горец.

Но Сеня и без его предупреждения не решила бы сейчас оглядывать окрестности, впрочем, для этого было уже слишком темно. Девочка шла, ведя за собой Красотку, и неотрывно смотрела на черный хвост идущей впереди лошади, маячивший у нее прямо перед глазами. Его наличие являлось надежным знаком того, что идет она пока туда же, куда и пастух, и ни в какую не в

пропасть...

Но вот хвост мотнулся в сторону, и Сеня поняла, что они поворачивают.

Дели крикнул:

- Пришли! - и скрылся в черном провале пещеры, а вся остальная компания поторопилась войти за ним в безопасную темноту.

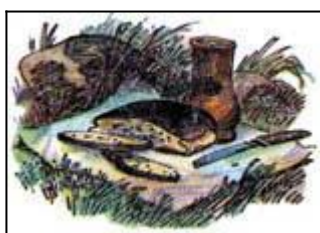
Они остановились у входа. И - о, радость! До ушей сразу же донесся шум падающей воды. Источник не иссяк! Да и сам воздух указывал на это: он был сырым и прохладным. Дели искал что-то, ощупью пробираясь по стене. Потом он чем-то шуршал, чиркал спичками, в результате чего в темноте наконец родился огонек - горец разыскал и зажег факел, оставшийся здесь с каких-то давних времен. Разгораясь, факел потихоньку разгонял мрак, и скоро вошедшие смогли оглядеть вместительную пещеру с маленьким водопадом в глубине. Вода вытекала прямо из стены и, срываясь с невысокого уступа, падала вниз, наполняя округлый провал в скальном полу.

Филипп первым подвел к воде своего жеребца. Тот склонил красивую голову и принялся жадно и шумно пить. Две его подружки потянулись за ним. Вода, пенясь, тщетно пыталась наполнить бездонную черноту провала, и вот чего-чего, а купаться здесь совершенно не хотелось!

Дели тем временем прошел к деревянным лавкам, стоявшим по стене, - они служили когда-то постелью перегонщикам, Пастух, оказывается, знал тут все наизусть! Сеня, позевывая, побрела вслед за ним и присела на скрипучую скамью. Здесь в темноте и покое ее сразу же стало клонить ко сну. Горец окинул девочку, слишком уж легко одетую, критическим взглядом.

- На ночь укутайся потеплее, не то утром будет кости ломить, - посоветовал он и, поковыряв носком сапога труху, устилавшую пол под скамьей, добавил: - Раньше здесь была солома, но она уже истлела. Придется спать на голых досках.

Девочка послушно натянула на себя толстый свитер, укуталась в плащ и улеглась на жесткие деревяшки настила.

- И очень хорошо, - думала она, засыпая. - Доски хоть и твердые, зато гладкие и ровные... Никаких корешков и острых камней тебе в ребра не впивается... Жуки и муравьи не ползают...

Действительно, все познается в сравнении! Лошади громко цокали копытами, бродя по скальному полу пещеры. Было уже светло. Солнце, ощупывая лучами камни у входа, не решалось пробраться дальше в глубину, но тьма и без того

в страхе забились в щели, терпеливо ожидая прихода новой ночи. – Доброго утра! – крикнул Дели девочке, заметив, что та проснулась; он только что постирал в водопаде свою белую рубашу и сейчас отжимал ее, стоя на краю черного озера. – Поднимайся! Давай, давай! Пора уже уходить отсюда. Сегодня нам предстоит охо-хо-хо какой денечек! Врагу не пожелаешь! Горец встряхнул рубашу и натянул ее на себя – совершенно мокрую. Филипп, который плоским сколом кремня скреб бока своего коня, поднял на него глаза.

– Значит, сегодня? – спросил он.

Пастух кивнул ему в ответ и, поблагодарив, принял из лапок принцессы кружку с простоквашей, Сеня, повздыхав, стащила с себя теплую одежду, а Пина тем временем и ей поднесла простоквашу и хлеба с сыром. Девочка едва успела проглотить последний кусок, а Дели уже стоял у выхода, поджидая.

Идти в свете дня было все же проще, чем в темноте. Пропасть, конечно, не стала мельче, а уступ – шире, но солнце разогнало сумеречные тени и осветило тропу под ногами, Наконец показалась дорога, и путники повеселели – до чего приятно идти, не думая о каждом следующем шаге!

Подъем становился все круче. Воздух наполнился резкими выкриками пастуха – Дели все быстрее погонял свою лошадь, будто позабыв о ее тощем желудке. Караван растянулся. Но, оказалось, горец, как всегда, знал, что делает! Преодолев особенно крутой участок дороги, всадники выбрались на огромную плоскую террасу, покрытую густыми зарослями травы. Это, наверное, было единственное место на всей горе, где удерживалась влага редких здесь дождей, а уж ветер и вода за долгие века натащили сюда достаточно плодородной почвы и семян.

Конники спешили и пустили лошадей пастись. Те не отошли далеко и, опустив головы в траву, принялись жевать свой запоздалый завтрак. Сеня повалилась наземь. Приятно было после путешествия по каменной пустыне растянуться на этом мягком душистом ковре.

– Не очень-то расслабляйся, – посоветовал Дели, – Времени у нас маловато. Тем более что дальше мы пойдем пешком.

– Это почему же? – безмятежно поинтересовалась девочка. Горец кивнул в сторону на пасущихся лошадей.

– Им не пройти по ущелью. Спасибо, что помогли нам добраться хоть досюда. Без них мы были бы сейчас, дай Бог, на середине Ахрата. Теперь погуляют здесь немножечко – до завтра, а я на обратном пути спущу их в табун.

Дели виновато улыбнулся, глядя на вмиг погрузневших друзей. Было ясно, что горец скоро покинет их. Проведет через опасное место – и повернет восвояси.

Сеня поднялась с земли и печально поглядела на Красотку. Безмолвно попрощавшись с нею, девочка уныло побрела к дороге. Пина догнала ее и взяла за руку.

– Не расстраивайся! – попросила она подружку. – Мы еще увидим ее – на обратном пути.

Сеня только кивнула.

Солнце раскалило камни так, что жар их чувствовался даже сквозь подошвы. Пот на теле высыхал, едва успев выступить, страшно хотелось пить, несмотря на то, что путники то и дело прикладывались к фляге; несколько глотков теплой воды не могли уже утолить жажды. Ящерицам было, конечно, немного полегче, чем людям, их серебристая кожа хорошо отражала лучи солнца, но ощущение поджаривания на сковородке не покидало всех четверых. Сеня страстно мечтала

хотя бы о крошечном клочке тени, но яростное светило стояло прямо над головами, и сегодня оно, пожалуй, как раз собралось расплавить камни, заодно испепелив маленьких наглых букашек, заползавших все выше по раскаленной горе.

Но вот дорогу окружили каменные стены. Сначала небольшие, они быстро росли – путники входили в ущелье. И Сеня, и ящерицы с опаской поглядывали по сторонам – не подстерегает ли их неведомая опасность? Но на скалах не было заметно никакого движения, и если бы не шаги, гулко раздававшиеся в каменной теснине, здесь царил бы мертвая тишина. – Страница 19 – Не меньше часа они брели по душному пыльному ущелью, прежде чем Дели остановился. Он стянул с себя заплечный мешок и положил его на обломок скалы, лежавший посреди дороги; порывшись в кожаных недрах сумы, пастух вытащил на свет Божий глиняную крынку, доверху наполненную застывшим жиром. Костяшками пальцев постучав по рыжему ее бочку, Дели сказал:

– Вот это самое зелье и поможет нам миновать ловушку, – пастух, прищурясь, глядел куда-то вперед. – Видите, в-о-он там, за осыпью, темное пятно на скале? Это вход в пещеру, где Асурдис посадила своего сторожа. И, пожалуйста, не подумайте, что он какой-нибудь там дикий лев или колдовское чудище обыкновенных средних размеров! Сами понимаете, старую даму это бы не устроило. Сторожем колдунье служит гигантский сухопутный спрут! Он никогда не покидает своего убежища, но если человек или зверь оказывается поблизости, этот жуткий монстр выбрасывает наружу свои щупальца и, обхватив ими жертву, утягивает в пещеру. Откуда, как вы понимаете, возврата уж нет...

– Но как же мы сможем пройти мимо него? – в ужасе прошептала девочка.

– Потому я и пошел с вами, что знаю как! – ответил Дели. – Если хотите, могу рассказать, что приключилось со мной. Заодно передохнем пока перед неприятным этим испытанием.

Само собой никто не возражал, и горец, чуть помолчав, начал:

– Как вы уже, наверное, поняли, я не всегда пас коз в этой безлюдной, Богом забытой долине. Жил я в горной стране с красивым именем Задрасс, что значит – Поднебесная, расположенной довольно далеко отсюда, и, кроме всего прочего, промышлял отловом ахратинцев, здесь на плато; на них всегда был большой спрос, и я не реже раза в год проходил через владения Рисс. Вот откуда она мне знакома. Но, думаю, у каждого человека бывают мгновения, когда ему хочется изменить судьбу. Знаете, когда кажется, что все вокруг летит в тартарары и ты либо катишься туда же, либо... Ну, короче говоря, одолели всяческие неприятности. И как-то решил я все бросить, поселиться где-нибудь подальше и зажить спокойно и уединенно. А так как я хорошо знал эти края, да к тому же они мне нравились больше, чем многие, дотоле виденные, купил тогда я себе большое стадо коз и погнал его в Кулхор, собираясь оттуда обычным путем через ущелье спуститься на плато. Мне было еще не известно, что за прошедший год многое там изменилось.

Рисс, к счастью, предупредила меня об опасности. Но я, видно, был тогда не в меру упрямым и возвращаться не собирался. Тогда Рисс попросила меня задержаться на несколько дней. Эту ее просьбу я, конечно, выполнил. А через три дня волшебница принесла большую, коричневого стекла банку, доверху наполненную каким-то пахучим бурым порошком. Рисс наказала смешать приготовленное ею снадобье с растопленным жиром, а когда я буду входить в ущелье, густо намазать полученной мазью все тело, что в точности и было мною исполнено.

Я гнал коз по злополучному этому ущелью, Щелканье бича и топот копыт наполняли его, многократно усиленные эхом. Внезапно откуда ни возьмись на дороге появились змеи совершенно невероятных размеров – то есть так мне показалось сначала... Они стали хватать отчаянно блеющих коз и затаскивать их в пещеру. В ужасе я побежал вперед, гоня перед собой обезумевших от страха животных, как вдруг одна из громадных змей снова кинулась в атаку, теперь уже на меня. Вблизи я понял, что это никакой не удав, а гигантское щупальце... Оно обхватило меня поперек туловища, присоски, прилепляясь, с силой потянули кожу, но вдруг, будто ожегшись, стали с чмоканьем отклеиваться. Щупальце бросило меня и, свиваясь и развиваясь как от страшной боли, утянулось в пещеру. С трудом мне удалось подняться, но, помню, бежал я оттуда быстро...

Позже, опомнившись, собрал свое стадо и недосчитался двух десятков коз... Я пытался и не мог

представить себе, каким же было чудовище, если щупальца его доставали противоположной стороны ущелья! И долго потом от одного лишь воспоминания у меня бежали мурашки по телу, а с тех пор я не бывал ни в Кулхоре, ни где-либо еще...

Дели замолчал, и все взглянули в сторону пещеры. Да уж, ущелье здесь не было узким...

– Теперь раздевайтесь! И мажьтесь пожирней! – приказал горец и начал стягивать с себя рубаху. – Я пойду первым, а вы втроем – за мной.

– Это почему? Я пойду первым! – заспорил принц, соревнуясь с Дели в смелости. Но горец оборвал его.

– Нет, первым пойду все-таки я. Кто вас сюда привел? Без меня вам ни за что бы не попасть даже близко к ущелью! Так что придется мне проверять, силен ли порошок или уже выдохся...

Увязав длинные волосы в хвост, Дели набрал полную пригоршню золотистой мази и принялся втирать ее в ноги, грудь и плечи. Сеня помогла Агриппине расстегнуть застежку плаща и, сбросив с себя рубашку, тоже стала натираться чудесным снадобьем, горстями зачерпывая его из кринки. Запах мази был терпким и резким, а намазанная кожа чуть горела, но вполне терпимо, как бывает, когда пересидишь на солнце.

Дели тем временем уложил вещи в мешок, намотал ремни на руку, и пробормотав:

– Пожелайте мне удачи! – решительно пошел вперед, к пещере. Он быстро шагал все дальше и дальше, а вокруг по-прежнему царил глухая тишина.

Оставшиеся напряженно следили за его продвижением...

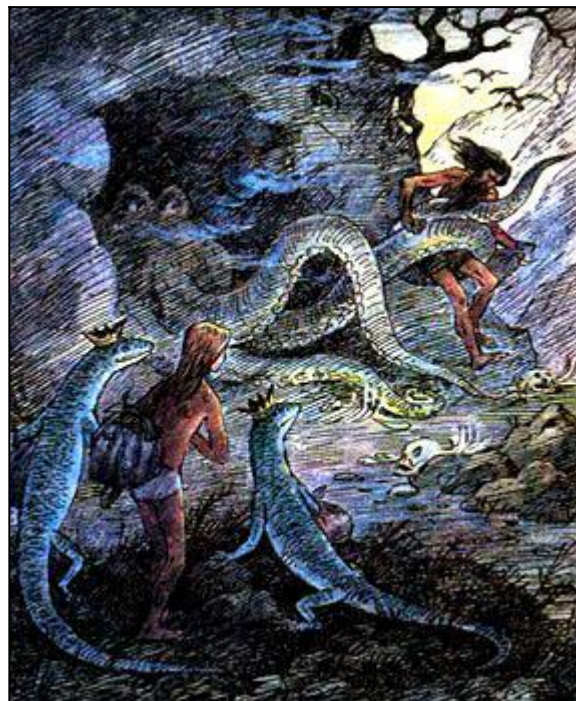
И вот когда стало казаться, что опасное место пройдено без приключений, даже скорей тогда, когда наблюдатели в этом совершенно уверились и уже вздохнули свободно, из черного провала вырвалось ужасное щупальце и, обхватив вскрикнувшего Дели плотным двойным кольцом, вздернуло над землей. На мгновение чудовищный отросток застыл в воздухе, удерживая рвущегося человека, но тут судорога волной прошла по бугорчатой коже, щупальце развернулось, бросило свою добычу и, сжавшись в тугий узел, бесшумно утянулось в темноту логова. Дели, упавший на колени, с видимым усилием поднялся, пошатываясь, отошел к стене поодаль от пещеры и, обернувшись, помахал рукой, показывая, ним все в порядке.

Троица, оцепенев, в ужасе смотрела на темный провал, скрывался чудовищный спрут. Разыгравшаяся перед ними сцена была поистине страшна! Видеть, как жуткий монстр хватает твоего друга, оказалось гораздо неприятней, чем слушать об этом рассказы. И что было совершенно отвратительно – детям все это еще только предстояло испытать!

Но делать нечего... Филипп, подхватив подруг под локти, потянул их за собой. Правда, Сене все же удалось справиться с позорной слабостью, и она высвободила свою руку. Про себя, конечно, девочка знала, что продолжает бояться до дрожи в коленях, но виду не подавала. Шаг за шагом несчастные смельчаки подходили все ближе к черному провалу. По его сторонам у стен белели горы изломанных костей... Много, ох, как много, было загублено здесь жизнью!... Бр-р-р, как нестерпимо страшно!

Из глубины логова повеяло вдруг мерзким смрадом, и тут же в глухой, звенящей какой-то тишине из дыры выплеснулись три толстых мертвенно-белых щупальца, а в темноте пещеры злобным красным огнем загорелись глаза-тарелки кровожадного осьминога...

Сеня в ужасе зажмурилась. Она почувствовала, как присоски впились в ее кожу, и кости хрустнули

в стальном безжалостном объятии... Она услышала собственный отчаянный крик, ноги ее отделились от земли, и девочка, поднимаемая ввысь немыслимой силой, взлетела в воздух.

Несколько мучительных мгновений этого ночного липкого кошмара обратились в вечность... Но вот удушающая хватка понемногу стала ослабевать, все больше, больше – и, наконец, жертва выпала из окончательно разжавшихся тисков.

Девочка чуть живая сидела на земле, глотая ртом воздух. Отпустившее ее щупальце, конвульсивно подергиваясь, бесшумно втягивалось в пещеру. Присоски вздулись и покраснели, как от сильного ожога...

Прихрамывая подошел Филипп.

– Ребра целы? – спросил он и помог девочке подняться. Пина, судорожно вцепившись в плащ брата, жалобно всхлипывала. Но к ним уже спешил Дели.

– Бегите сюда! Спрут может напасть снова! – кричал он на ходу.

Этих слов оказалось достаточно. Откуда только взялись силы! Задыхаясь, они остановились только тогда, когда пещера скрылась за изгибом ущелья. Ясно было, что руки, ноги, лапы и головы у всех целы. Правда, у Филиппа оказалось вывихнуто колено, но горец быстро управился с бедой. Он уложил принца на спину и, резко дернув на себя ступню – бедняга так и охнул от боли, вправил сустав на место. Конечно, ссадин и порезов было множество, но это казалось такой мелочью по сравнению с тем, что пришлось испытать. Главное – они прорвались!

Друзья наперебой благодарили своего проводника, Можно представить себе, каков был бы исход, окажись они в этом ущелье одни! Дели, смущаясь, отшучивался, но по лицу было видно – ему приятно столь искреннее признание его заслуг.

А время не стояло на месте. О том, сколько еще оставалось до заката, сказать определенно было трудно – солнце больше не заглядывало на дно глубокой узкой щели, прорезавшей гору, но по тому, как ущелье заполнялось тенью и даже прохладой, можно было думать, что до вечера недалеко. Минул еще час, а дорога все не кончалась. Сеня еле брела, ухватив под лапку принцессу. Избитое тело болело, ноги отказывались слушаться – а горцу будто было все нипочем! Он вышагивал по-прежнему бодро, но теперь ему то и дело приходилось останавливаться, чтобы дожидаться отстающих спутников.

– Ничего, ничего! Совсем немного осталось! – подбадривал их Дели, а дети старались идти побыстрее, чтобы не выглядеть совсем уж развалинами.

Но, к счастью, дорога и в самом деле скоро закончилась. Ущелье как-то вдруг оборвалось – стены его были как гигантским ножом срезаны наискось; путники вышли к перевалу. Здесь они вынуждены были остановиться – к такой красоте нужно было привыкнуть!

Внизу, в вулканической котловине, лежало озеро. Цвет его трудно описать словами – озеро было молочно-бирюзовым, удивительно чистого оттенка; оно лежало в каменной чаше спокойно и величаво, а края его заросли чудесными розовыми лотосами. Их толстые серебряные листья островками плавали на спокойной глади воды, а нежные цветы казались стаями фламинго, готовых в любой момент подняться над сверкающей бирюзой. Низкое солнце последними лучами освещало котловину озера и заодно с ним белый двухэтажный особняк, стоявший у самого берега. До дома было еще далековато, но по запущенности сада, по отсутствию стекол в некоторых окнах можно было судить, что особняк нежилой.

Дели с грустью смотрел на это запустение.

– Когда-то здесь жил чудесный старик, – наконец тихо проговорил он. – Его главной страстью были цветы. Роскошнее сада, честно скажу, я не видывал! Чего там только не росло!... А озеро было отдано лотосам. Но, надо сказать, и тут дело не обошлось без вездесущего Насурима-Болотника. Он ведь раньше жил в Кулхоре и, перебравшись в Саттар, продолжал сюда частенько наведываться. Ну и, конечно, пакостил по пути, где только возможно. Старика он заливал дождями. А все для чего? Вода, поднимаясь, обрывала стебли и тысячами уносила лотосы в долину. Казалось бы, мелочь, – а Болотнику приятно!

Но старик оказался не прост! Он выстроил сложный подводный шлюз, который стал регулировать

уровень воды в котловине. У-ух, как бесился Насурим! Но поделаться ничего не мог. Сколько бы он ни поливал озеро дождями, цветы все оставались целы. Так что колдуну пришлось отстать от перехитрившего его старика... Лет десять назад хозяин был еще жив, и как-то раз мы славно провели с ним вечерок за ужином в саду...

Дели, вздохнув, замолчал и, не оборачиваясь, пошел вниз по тропе. Спустя полчаса путники уже подходили к дому. Дорожку, посыпанную белым песком, окружали буйные заросли одичавших роз, и воздух был напоен их вечерним густым ароматом. Деловито жужжали шмели; опасаясь запоздать домой, они торопились добрать нектар и набить обножки золотой пылью – не пустыми же возвращаться! Дорожка, попетляв по парку, привела к белокаменной лестнице; ее украшали большие низкие вазы, но теперь в них не было цветов – дикий вьюн заплел потрескавшийся мрамор, да в одной из чаш устроила свое гнездо птица. Заслышав шаги, пугливая птаха спорхнула, оставив среди соломинок и пушинок пяток голубеньких рябых яиц. Сене захотелось взять теплое яичко в руки, но подумав, что из-за этого птица может бросить насиживать, она, не задерживаясь, прошла мимо. Белокаменный дом просвечивал сквозь заслон цветущего кустарника, и, продравшись сквозь его колючие заросли, путники вышли к колоннаде фасада. Дверь была приоткрыта, и Дели, толкнув ее, первым вошел внутрь.

Темный холл пропах пылью. Здесь, как и в саду, царило запустение, но там природа-хозяйка все же следила за поддержанием, пусть дикого, порядка; дом же только и делал, что накапливал нежилой дух. Сенья поежилась – мурашки бегут по спине.

Дели разыскал подсвечник, обдул с него пыль и поднес к фитилю зажженную спичку. Стало чуть светлее.

– Ну вот что! Хозяйничать мы здесь не будем, а пройдем сразу в кабинет. Там стоят диван и кресла, – объявил он.

В кабинете неожиданно оказалось даже уютно. Здесь пахло деревом и переплетной кожей. Массивные, темного дерева полки заполнены были книгами от пола до потолка, а две свободные стены оказались сплошь увешаны листами с гербарием. Иссохшие растения выцвели от времени и походили на гравюры из какого-нибудь старинного травника. Устроившись поудобнее в кожаном кресле, девочка разглядывала корешки книг на полке, которая оказалась прямо у нее над головой. Некоторые книги были совсем старые: в деревянных переплетах, украшенные накладками из бронзы и слоновой кости. Сенья вглядывалась в причудливую вязь названий, пытаясь отгадать их смысл, но понемногу золотые буквы стали мелькать и кружиться у нее перед глазами; вот и сама она вроде бы тоже закружилась и, ф-ф-у-у-ух! – вместе с буквами провалилась в глубокий сон.

Страница 20 – В луче солнца, пробивавшемся сквозь мутные, давно не мытые стекла окон, плясали пылинки. Их было великое множество; они казались планетами и звездами, несущимися в неизвестность по бесконечной вселенной кабинета. Дели, стоя у стола, разбирал свой вещевой мешок, передавая принцу запасы провизии. Наконец пастух достал крынку с волшебным снадобьем и, отложив себе немного мази в кожаный куверт, протянул оставшееся Филиппу. Тот поплотнее обмотал драгоценный сосуд куском полотна – от ударов – и бережно уложил на самое дно рюкзака. Троице еще придется на обратном пути пройти перед пещерой; горцу же это удовольствие предстояло уже сегодня. Сенья оглядела свои побитые, саднившие при каждом движении грудь и руки; там, где к коже присосалось вчера страшное щупальце, проступили огромные багровые синяки, и девочка от всего сердца пожалела самоотверженного пастуха, который ради незнакомцев решился дважды

вытерпеть столь жуткое испытание.

При мысли о том, что сейчас предстоит расставание, к глазам подкатили слезы. Сеня с усилием подавила их и, подойдя к горцу, уткнулась лицом в его белую рубаху. Дели погладил ее по светлым волосам, а потом вдруг снял с себя золотой медальон и, узлом укоротив слишком длинную бечевку, повесил его девочке на шею.

– На память обо мне, – негромко проговорил он. – Это талисман-оберег. Достался мне от деда. Он охранит тебя от колдовства и наваждений...

Сеня поднесла к глазам маленький неровный золотой овал с высеченным по поверхности загадочным знаком.

– А как же ты? – спросила она.

– Ничего... Мне в ближайшем будущем не грозят злые чары. Тебе он будет нужнее, – ответил Дели с улыбкой и, на мгновение крепко сжав ее руку, вновь повернулся к принцу, чтобы продолжить прерванные наставления.

Сеня поняла, что это было их прощанием и, вздохнув, потихоньку вышла из комнаты. Пройдя по пыльным коврам коридоров и холлов, девочка выбралась из дома на свежий воздух. Пина нежилась под негорячим еще солнцем, сидя на мраморной скамье в дальнем углу выложенного плитам двора, и Сеня, подсев к ней, прислонилась головой к чешуйчатому ее плечу. Но вот в дверях показались Филипп и Дели; они крепко обнялись, а затем горец подошел к принцессе, чтобы с поклоном пожать ей лапку. Напоследок он лукаво подмигнул Сене и, повернувшись, быстро зашагал по плитам двора. И все же, прежде чем скрыться в зарослях кустарника, Дели обернулся. Он крикнул:

– На обратном пути не забудьте зайти! Если меня не окажется дома, ключ под камнем, вы знаете, где...

Чувствуя себя осиротевшими, друзья обогнули дом и углубились в старый парк. Сейчас он вполне соответствовал их настроению. Парк этот был очень красив, но томительной, горьковатой какой-то красотой увядания. Заросшие дорожки вели к беседкам, обвитым буйно растущим плющом; камни их понемногу начали разрушаться. Витые колонны торчали из земли, не поддерживая больше сводов – теперь они служили опорой цветущим лианам. Из зарослей привидениями выплывали старые мраморные божества, свидетели былого процветания усадьбы; лица их еще носили следы веселья и надежд. Увы, ныне тщетных! Путники обходили иссякшие фонтаны, пробирались под арками акведуков, наверху которых в окружении серебристых папоротников пламенели алые маки. Время понемногу управлялось с камнем, а цветы ему оказались не по силам. Разнообразие их было неопишным! Они выросли без присмотра – вперемежку, без всякого порядка, тесня друг друга, но их необузданная дикая красота поспорила бы с непогрешимостью любой ухоженной клумбы...

Парк окончился к полудню, и дети, оказавшись на берегу, пошли по песку вдоль озера. Скоро – по описанию горца – друзья должны были выйти к сухому руслу реки; тому, по которому вода из котловины стекала в былые времена, прежде чем старик придумал выстроить шлюз и отвести естественный сток озера в другую долину. Конечно же, напоследок нужно было искупаться.

Бирюзовая вода оказалась холодной. Ящерицы еще плавали, а Сеня поторопилась выбраться на берег и даже решила пробежаться немного – так замерзла. Пятки ее быстро замелькали в воздухе, оставляя на мокром белом песке глубокие вдавленные следы. Наконец, девочка, утомившись, остановилась и, собираясь поворачивать назад, в этот миг увидела нечто такое, отчего по спине побежали мурашки, а в животе как-то противно засосало... На влажном песке кроме ее – маленьких были еще чьи-то следы! Они протянулись вдоль кромки воды и обрывались неожиданно, как если бы человек, оставивший их, вдруг взлетел в воздух! Особенно хорошо отпечатались каблук, отдавив на берегу с десятков четких четырехугольных звезд... Но тут набежала волна, наполнила ямки водой и отхлынула, оставив белый песок чистым, как бумага; а Сене почему-то показалось, что она просто заснула на минутку и увидела страшный сон...

Когда подошел принц, девочка все еще стояла, уставясь в песок невидящим взглядом.

– С тобой все в порядке? Ничего не случилось? – встревоженно спросил Филипп.

Девочка неопределенно махнула рукой – вдруг и в самом деле ей привиделось? Но принц настаивал.

– Что-то увидела? Чайку? Или кого-то еще?

– Следы Альбиноса... Со звездами! – наконец ответила ему девочка. Филипп огорченно покивал головой и вздохнул.

– Ну что ж... Значит, не удалось скрыться. А жаль. Так все хорошо шло, и на тебе. Вот ведь обида... Друзья спешили по берегу, оставляя за собой цепочку следов. Их быстро смывало – озеро начинало волноваться, а на солнце набежало облако; это было первое облако с начала путешествия. Погода что-то решила испортиться.

Но вот, наконец, и старое русло! Друзья заторопились вниз по мелкой гальке, устилавшей дно бывшей реки, – берега ее были скалистыми и потому трудно проходимыми, а напуганным детям хотелось поскорей уйти прочь от озера. Тревога снова вернулась к ним, чтобы заполнить все мысли. Снова они не знали, что их ждет впереди.

* * *

Насурим и ученик его – Альбинос стояли на вершине скалы, наблюдая за тремя маленькими фигурками, спешившими вниз по дну старого потока. Колдун довольно ухмылялся – уйти в сторону беглецы теперь уже не могли. Вода проточила себе дорогу в каменной горе, и берегами ее были отвесные скалы. Болотник перевел взгляд на озеро. Посеревшую воду уже секли струи дождя, и темные облака клубились над поверхностью, все больше сгущаясь. Старый колдун легонько ткнул в бок своего помощника.

– Поторапливайся, любезный! Мне ливень нужен, а не жалкий морозящий дождишка!

Альбинос передернул плечами. Дождь и так уже больше походил на стену воды.

– А тебе, небось, и невдомек, зачем все это нужно? – язвительно проговорил Болотник. – Могу объяснить! Я, представь, рассчитывал, что нахалов сожрет маменькин мопсик, но вмешался этот глупый пастух. Чтоб ему!... Надо было, ох, надо было разогнать его дурацких коз!... Да так, чтоб он их больше не нашел! – Колдун негодуяще фыркнул. – Дальше! Ты видел дом и парк на берегу?

Альбинос кивнул.

– Раньше там жил один въедливый старикан, которому я время от времени вредил – устраивал наводнения. Так вот этот хитрец взял и построил подводный шлюз! Когда воды в озере становилось слишком много, она начинала давить на плиту, та сдвигалась и открывала выход лишней воде.

А потом, когда давление уменьшалось, снова возвращалась на место. Умный был старик, ничего не скажешь... Не в пример тебе дураку! – Болотник снова ткнул в бок своего молчаливого ученика. – Ты хоть понял, что сейчас произойдет? – визгливо осведомился он.

Альбинос кивнул и, указав на темный провал внизу скалы, спокойно ответил:

– Сейчас из этой дыры хлынет вода и смоеет все, что окажется у нее на пути.

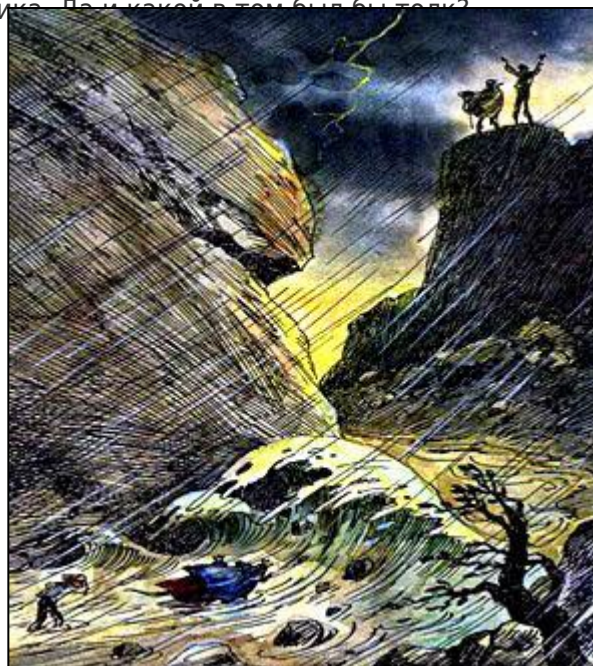
– Совершенно верно! – провозгласил колдун, продолжая следить за синим и красным плащиками, – они, словно яркие флажки, указывали местонахождение беглецов. Иначе он уж потерял бы их в тумане.

* * *

Сеня шла, чуть поотстав. Ей все время чудилось, что кто-то за ними наблюдает. Казалось, затылком она ощущает чей-то пристальный взгляд! Более того, у нее было чувство, что они оказались в ловушке. В самом деле: старое русло со всех сторон было окружено отвесными скалами. Каменная мышеловка, да и только! Девочке мучительно хотелось спрятаться куда-нибудь от сверлящего,

преследующего ее взгляда, но вокруг не было ни кустов. Да и какой в том был бы толк?

Над озером шел сильнейший дождь. В небе сверкали ослепительные молнии, громыхал гром... Иногда девочке даже казалось, что между раскатами она слышит чей-то язвительный хохот, и, оборачиваясь, она оглядывала гору, по которой ползли, клубясь, клочья тумана; бедняга не знала – действительно ли она видит две человеческие фигуры наверху скалы или же это ей только мерещится...

Но вот внезапно что-то тяжело бухнуло внутри горы. Девочка в испуге остановилась. Полыхнула молния, и в ее свете Сеня, наконец, явственно увидела стоявших на скале колдуна и его верного соратника. Более того; она смогла разглядеть их лица – злорадную гримасу Болотника и презрительную ухмылку Альбиноса. Но мысль о них сейчас же вылетела у нее из головы. Она вдруг увидела, как из черного зева пещеры вырывается бурлящая лавина воды!

С ревом гигантская волна понеслась вниз по старому руслу, подбрасывая перед собою здоровенные валуны с такой легкостью, будто они были резиновыми мячиками. Девочка в ужасе следила за ее приближением. Ноги стали ватными, в голове все завертелось, и она отчаянно закричала:

– Берегите-е-есь!

В последнюю долю мгновения вспомнив, как ее учили нырять в волну, девочка закрыла голову руками и, высоко подпрыгнув, кинулась в середину водяной стены. Ее маленькое тело завертело в гигантском водовороте подобно щепке; она ждала, что вот-вот, сейчас стукнет ее о каменное дно, и тогда – прощай жизнь! Но песчинки времени продолжали пересыпаться, а девочку крутило и вертело по-прежнему. Потом стало не хватать воздуха, а с этим трудно было спорить... Легкие будто распирало изнутри... Один бы глоток воздуха!

И вот когда бедняга совсем готова уже была вдохнуть воды, та же слепая сила, что болтала ее, почти утопив, вынесла вдруг на гребень волны. Сеня хватала ртом воздух и молотила по воде руками и ногами, стараясь удержаться наверху. Она ничего не видела вокруг, кроме клубящейся пены, и скоро перестала понимать, где верх, а где низ. Силы были на исходе! Утомленные мышцы стало сводить болезненной судорогой; ледяная вода все сильнее сковывала движения, а конца этому кошмару не было и не было... И Сеня поняла – конец! Больше она не может...

В глазах ее потемнело, сознание выключилось, и девочка, уже неподвижная, понеслась вместе с ревушим потоком вниз в долину.

* * *

Болотник с Альбиносом в полной мере насладились устроенным безобразием. Оба они ощущали себя повелителями стихий и, по-прежнему стоя на вершине скалы, досматривали последний акт разыгравшейся трагедии. Дождь над озером стихал: поднявшийся ветер сносил облака. Под скалой что-то снова глухо ударило – да так, что громада ее содрогнулась. Мутный поток на глазах стал иссякать, все больше обнажая дно, и скоро от него остался ручеек; с тихим журчанием обтекал он те самые валуны, которые совсем недавно летали по воздуху. Болотник удовлетворенно тряс головой.

– Видел бы добрый старичок, что творение рук его сделало с бедными детьми! Может, тогда не стал бы трудиться! – злобная гримаса перекосила лицо колдуна. – И поделом им. Украсть у меня стрелу! Наследство от бабушки! Но ничего... Теперь наглецы сгнули, и стрела сама найдет своего

хозяина.

Альбинос промолчал. У него были сомнения насчет гибели беглецов. В отличие от старого колдуна он видел, как приготовилась нырнуть девочка, как ящерицы, свернувшись в тугие клубки, прикрыли головы хвостами. Но он ничего не сказал волшебнику, обидевшись на «дурака». Вместо этого ученик колдуна крутанулся на месте и, обернувшись чайкой, слетел со скалы – размять крылья. Болотник же снял свой рыжий плащ, вывернул его наизнанку и снова накинул на плечи. Тотчас колдун начал стремительно уменьшаться, сморщиваясь вместе с плащом. Наконец, когда в нем осталось росточку все-го-то со столовую ложку, он нетерпеливо топнул ножкой, обутой в крошечный черный сапог, и чайка послушно подлетела к хозяину. Колдун ловко вспрыгнул ей на спину, и большая белая птица, неся на шее седока в развевающемся рыжем плаще, взяла курс на Черный Замок.

* * *

Очнулась Сеня потому, что почувствовала: кто-то легонько хлопает ее по щекам. Девочка открыла глаза и увидела перед собой встревоженное лицо девушки. Та, заметив, что девочка пришла в себя, радостно улыбнулась.

– Как я рада, что ты жива! – сказала она. – Мне вдруг показалось, что ты уже и не дышишь... Но теперь все будет в порядке. Можешь ни о чем не волноваться, я тебя вылечу.

Девушка подхватила худенькую девочку на руки и перенесла ее на тележку, запряженную парой осликов; она прищелкнула языком, и послушные животные тронулись с места. Сама же девушка пошла рядом. Сеня смотрела вверх на красивое спокойное лицо и тщетно пыталась вспомнить, что же с ней такое приключилось... И где это она сейчас? Тележка мерно покачивалась, убаюкивая: но спать не хотелось; одежда ее почему-то оказалась насквозь мокрой, и поэтому было очень холодно. К тому же все-таки хотелось понять, что происходит!

Девушка, будто услышав ее мысли, вдруг сказала:

– Добро пожаловать в Кулхор!

И тут Сеня все вспомнила. Название долины соединило в ее голове какую-то разомкнутую цепочку, и перед глазами поплыли картины воспоминаний: сначала озеро, затем зловещие фигуры наверху скалы, рокочущий поток, неожиданно вырвавшийся из пещеры, и, наконец, серебристые ящерицы в золотых коронах, обернувшиеся на ее отчаянный крик.

«Что теперь с ними?» – в страхе подумала девочка. Лицо ее страдальчески исказилось, и девушка в испуге склонилась над нею. Сеня, с мольбой глядя в ее зеленые глаза, прошептала:

– Ящерицы... Найдите ящериц...

Ее спасительница непонимающе глядела на нее.

– Но... Но где же мне их искать, таких маленьких? – виновато спросила она. Сеня покачала головой.

– Больших... Таких, как я! – выдохнула она.

Девушка в недоумении закусила губу, даже пожалала плечами, но спрашивать больше ничего не стала. Вместо этого она вдруг неожиданно лихо свистнула. Удамой этот свист как-то не вязался с удивительно мягкими чертами лица и струящимся одеянием спасительницы, зато он возымел действие. Со всех сторон начали слетаться птицы. Их было сначала десятки, затем сотни, и скоро они живым ковром покрыли землю на десятки метров в стороны. Тут девушка негромко проговорила:

– Разыщите для меня больших ящериц, пожалуйста.

Вот только это она и сказала; стоя тут же снялась и, громко хлопая крыльями, разлетелась в разные стороны.

Сеня благодарно улыбнулась спасительнице и, закрыв глаза, погрузилась в небытие; несколько произнесенных слов оказались для нее непосильным трудом.- Страница 21 -

На этот раз Сеня очнулась, лежа в мягкой постели. Было так тепло и уютно! А белоснежные простыни пахли яблоками и медом. Девочка потянулась - она чувствовала себя замечательно хорошо! Это казалось довольно

странным - ведь совсем недавно она чуть не погибла, а тело ее было избито так, что становилось больно от любого движения. Откинув одеяло, Сеня уселась на кровати, и ее босые ноги по щиколотку утонули в шелковом ворсе ковра. Ветер мягко шевелил белые занавески; за ними прятался цветущий сад.

Девочка поторопилась выглянуть в окно. Совсем недалеко она увидела маленький круглый фонтанчик; на его бортике, опершись спинами друг о друга, сидели принц и принцесса! Филипп читал книгу, а Пина мечтательно глядела вверх на покачивающиеся кроны деревьев, Вода в фонтане тихо журчала; Сеня не знала, верить ли своим глазам? Она даже побоялась окликнуть друзей; у нее было такое чувство, что от шума или крика ящерицы могут исчезнуть, подобно чудесному видению. Вместо этого девочка села на подоконник и, перекинув ноги, спрыгнула вниз с небольшой высоты первого этажа. Брат с сестрой на звук повернули головы и, увидев любимую подругу, кинулись ей навстречу.

Нет, это все же был не сон! Сеня обнимала дорогих друзей живых и невредимых, а в черных круглых глазах ящериц видела радость от встречи с нею. Девочка забросала их вопросами. Выяснилось, что спасительницей друзей, претерпевших страшную катастрофу, была хозяйка Кулхора, фея Рисс. С помощью многочисленной стаи пернатых она разыскала принца и принцессу, почти уже бездыханных, но довольно быстро поставила их на ноги. Дольше всех Рисс ухаживала за девочкой: та пролежала в постели больше недели. Фея оказалась замечательной врачевательницей; всю жизнь она была окружена животными, которых очень любила и научилась лечить. Пина говорила о хозяйке с таким воодушевлением, что Сене сейчас же захотелось ее увидеть и поблагодарить за все, что добрая Рисс для них сделала. Друзья немедля отправились на поиски.

Здесьний парк, казалось, весь состоял из фонтанов, чистых родников, ручьев и маленьких озер. На берегу одного из них дети и нашли Рисс. Та тихо сидела на камне у самого берега, и Сеня не сразу заметила ее, потому что и вода, и платье сидевшей были одного цвета. Наряд феи сиял тем же чистым жемчужным блеском, что и поверхность озера. Заметив своих гостей, Рисс улыбнулась и, поднявшись, направилась им навстречу.

– Ну, как ты себя чувствуешь теперь?- спросила она девочку и выслушала в ответ поток благодарности тихонько покачивая головой, отчего ее длинные пепельные волосы заструились по

плечам подобно ручьям. Потом фея сказала:

- Филипп и Агриппина поведали мне вашу печальную историю. Все прошедшие дни я читала старые манускрипты. Сначала я хотела вступить в единоборство с Насуримом и его матерью, но поняла, что это мне не по силам. Хотт всегда была в магии намного сильнее меня... Голубой Сапфир сотворен могущественной волшебницей по древним книгам, и справиться с его колдовской мощью я не могу, - она виновато взглянула на ящериц.

-А как вы думаете, кто мог бы нам помочь? - спросила девочка.

- Боюсь, что никто из известных мне чародеев не в силах что-либо изменить. Сама Асурдис теперь невластна над заклятьем...

Сеня посмотрела на друзей. Те понуро стояли, опустив головы, даже не стараясь скрыть своего разочарования и горя. Все оказалось напрасным! Долгое, полное опасностей путешествие, во время которого несколько раз они чуть было не лишились жизни, тяготы и лишения, самоотверженность Дели - все, все это оказалось ни к чему! У девочки сердце разрывалось при виде несчастных ящериц; ведь дома их с надеждой ожидает целый народ.

- Неужели совсем ничего нельзя сделать? - в отчаянии воскликнула она.

Рисс закусив губу, смотрела, как по чешуйчатому личику принцессы медленно покатались слезы. Наконец, после напряженного раздумья она ответила:

- Пожалуй, есть все же один волшебник... Но я не слышала, чтобы кто-нибудь когда-нибудь смог до него добраться.

- Кто же это? - взволнованно спросил принц.

- Это древний Маттиэль, Повелитель Добрых Сил. Он живет или скорей существует в прозрачном замке, поставленном на вершину гигантского стеклянного столпа, и оттуда, сверху, без помех наблюдает за миром. Но обиталище его окружено раскаленной пустыней, через которую нельзя пройти. Сколько бы ты ни взял с собой воды, ее все равно не хватит. Все, дерзнувшие отправиться к Стеклому Замку, погибли в пути.

Сеня скосила глаза на ящериц; те в свою очередь выжидающе следили за ней. Понятно было, что принц с принцессой, конечно же, отправятся в пустыню чего бы им это ни стоило, а Сене в свою очередь было ясно, что она ни за что их одних не оставит! Ну и сообразительная Рисс тоже обо всем догадалась, прежде чем прозвучали какие-либо слова. Она развела руками в стороны и сказала;

- Ну что ж, если вы такие упрямые, попробую хоть чем-нибудь облегчить тяготы вашего путешествия.

Гости повеселели. Снова впереди забрезжила надежда! Пусть слабая!

Дети последовали за хозяйкой к дому - приближалось обеденное время. Сеня шла позади Рисс и разглядывала удивительную струящуюся материю платья феи. Наконец, не выдержав, она решила пощупать ее и, улучив момент, дотронулась до сияющей ткани, но тут же от неожиданности отдернула руку. На ее ладони блеснули капли! Платье оказалось сотканым из воды!

Рисс лукаво улыбнулась, оглянувшись, а увидев оторопелое лицо девочки, пояснила:

- Из-за этого мы вечно ссорились с Хотт. Я обожаю воду! Теплые ливни, лужи на дорожках и капель с листьев в саду, умытые цветы. А сестра любит сухую жару! И если река, то подальше! - она засмеялась.

Теперь, наконец, прояснилось, почему сестры не ладили и даже разъехались, предпочитая одиночество. И почему Болотник потянулся за Хотт. Слякоть, которую разводил старик, верно, совершенно не раздражала фею воды Рисс. В отличие от сестры.

Тем временем меж деревьев показался дом; Сеня засмотрелась на него. Особняк был выстроен из розового туфа и отличался от средневекового замка Хотт, наверное, так же, как различались характеры сестер. Лестницу при входе охраняли два розовых льва с кудрявыми гривами; кисточки каменных хвостов лениво свисали с постаментов, придавая их позам расслабленность. Навстречу вошедшим выбежали три здоровенных белоснежных дога; они кинулись приветствовать гостей, тычась носами в колени, не пугаясь даже ящериц, - как видно, псы встречались с ними не в первый

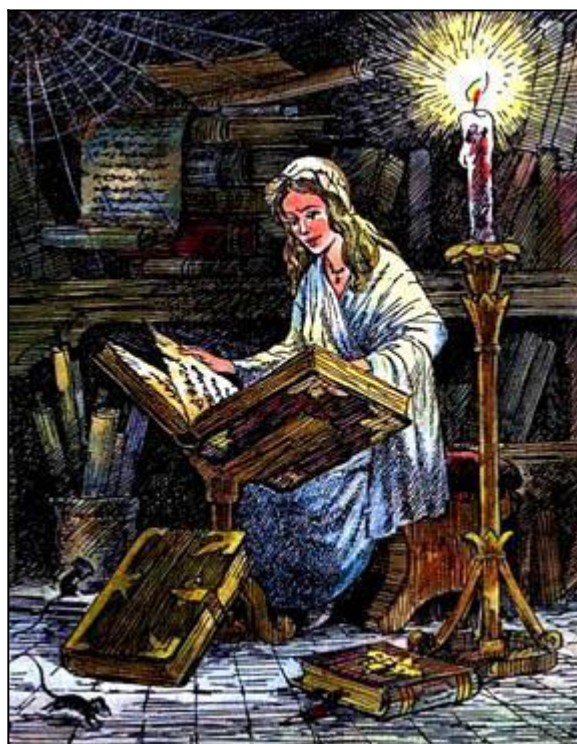
раз.

Внутри дом оказался очень приятным: просторные светлые комнаты со стенами, обитыми тканями нежных пастельных тонов; резная мебель розового дерева – удобная и не слишком вычурная – украшена была инкрустацией из слоновой кости, перламутра и цветного камня. Столовая оказалась небольшая, со столом, вокруг которого могли усесться человек шесть, не больше – Рисс жила уединенной жизнью, довольствуясь обществом своих многочисленных зверей. И сейчас вслед за хозяйкой в столовую вошли три собаки; разлегшись на ковре около стульев, они ожидали, видимо, обеденных подношений.

Сеня ела с большим аппетитом, наслаждаясь каждым проглоченным куском. Как давно не обедала она по-человечески! С супом, который дома терпеть не могла, с салатами (овощи девочка тоже раньше недолюбливала), со вторым и, главное, с третьим! Сеня перепробовала все, что было на сладкое! Шоколадное, сливочное, фруктовое мороженое; малиновый мусс, пирожные с кремом – они были все разные, три вида шипучей воды... Живот девочки угрожающе надулся. Ящерицы не отставали от своей подруги. Фея с улыбкой поглядывала на прожорливых гостей; ее радовало, что изголодавшиеся дети, наконец, отъедятся, прежде чем снова тронутся в путь. Рисс намеревалась задержать их хотя бы на несколько дней, и сделать это ей удалось без особого труда.

Следующую неделю Сеня с ящерицами провели просто сказочно! Они вставали утром, купались в мраморном бассейне, завтракали в саду и ехали кататься по долине верхом на маленьких пони. Возвращались друзья после полудня и с завидным аппетитом поглощали вкуснейший обед. Поев, они ложились отдохнуть, а уж потом шли с книгами в сад, где читали и болтали попеременно. Можно было еще плавать в лодке по озерцам и каналам, забираясь в темные гулкие гроты или разглядывая на мелководье золотых рыбок, вертевшихся рядом с бортами в ожидании крошек хлеба.

Сеня поняла, что нужно уходить, когда заметила, что дотолле тощий живот ее уже не втягивается на место от трапезы к трапезе а, наоборот, даже мешает запрыгивать в седло с должной ловкостью. Ящерицы согласились с нею и сообщили гостеприимной хозяйке о решении продолжить путешествие. Рисс не стала их оолыпс удерживать. Она, конечно, не раз успела пожалеть, что подсказала детям столь опасный выход из, в общем, безнадежного положения, но понимала, что теперь уговоры будут напрасными. Поэтому фея решила хотя бы сократить путь и перенести силу своего волшебства девочку и ящериц поближе к границе пустыни. Дальше заклинания ее не могли пробиться, впрочем, как и колдовство более сильных волшебников.

Несколько последних дней Рисс просидела над старыми книгами в библиотеке наверху. Здесь было тихо и очень пыльно; хозяйка редко поднималась сюда – отчего-то не тянуло ее получше изучить все эти старые колдовские манускрипты, за века собранные предками со всего света... Мыши раздраженно шуршали чем-то за деревянными панелями стен, недовольные вторжением, в законные их владения. Фея, обдувая пыль, разворачивала древние свитки, надеясь, что они не рассыплются в прах в ее пальцах, и изучала ветхие, пожелтевшие от времени карты, твердя заклинания на чужом, забытом всеми языке.

Ох, до чего же магия – сложная наука! Да и алхимия, надо сказать, тоже не фунт сладкого изюму! Целую ночь провела волшебница над колбами и ретортами, приготавливая необходимые вещества.

Перенос в пространстве – задача нелегкая даже для опытного чародея, хотя, с другой стороны, Хотт еще девчонкой. справлялась с подобными вещами. Рисс очень старалась; если у нее не получится колдовство – детям придется больше месяца добираться до цели, а за это время они успеют снова изголодаться и ослабеть, так что их шансы одолеть пустыню сильно уменьшатся.

Но вот, наконец, все было готово. Собрана еда, кожаные мехи наполнены ключевой водой, увязаны зонты для защиты от солнца, припрятана карта на обратный путь. Стоя на большом камне, чтобы не касаться земли, девочка и ящерицы, морщась, пили противную мутноватую жидкость, которую в избытке приготовила волшебница. Та, глядя на своих гостей, приговаривала, усмехаясь:

– Ничего, ничего! Вполне терпимо, я пробовала... Зато не пешком!

Никто и не спорил!

Рисс тем временем приготовилась творить заклинания. Волшебница сосредоточенно нахмурилась, выражение ее миловидного лица вдруг стало жестче – она вдруг будто состарилась на десяток лет. Громко и отчетливо Рисс начала произносить какие-то непонятные слова. Гортанные звуки древнего языка завораживали; сливаясь в протяжную, рокочущую мелодию, они будто тянули за собой куда-то, и Сеня невольно вцепилась в лапу принца для уверенности. Дети напряженно следили, как понемногу начало завлакиваться пеленой лицо феи, затем розовый дом, деревья. Дольше всего видно было сверкающее платье волшебницы, но потом и его сияющие отблески перестали пробиваться сквозь сгущающийся туман, и вскоре троица оказалась будто бы внутри белого кокона, стены которого быстро уплотнялись. Шелест деревьев и пение птиц, стихая, оборвались, и лишь гортанная песня, усиливаясь до звона в ушах, продолжала звучать, все больше обрастая отзвуками, эхом и перерастая в гудящий рокочущий трубный звук, от которого вполне могли лопнуть барабанные перепонки... Вибрируя, он врывался в сознание, гоня прочь даже обрывки мыслей, заставляя забыть, кто ты есть, и где ты, и почему... Чувство времени также было утеряно совершенно.

Звук прервался неожиданно. Он просто исчез. И на смену ему опустилась глухая тишина – будто уши заложило ватой, да и вокруг, казалось, была только вата, плотная белая вата, которая начала потом разматываться, разлетаться, впуская в кокон свет и свежий воздух. Троица так и не посмела пошевелиться до тех пор, пока последние клочья тумана не растаяли в воздухе.

Сеня была поражена! Она сама не знала, что ожидала увидеть: скорее всего все-таки розовый дом со львами и волшебницу перед ним, но поблизости не оказалось ничего, что хотя бы отдаленно напоминало Кулхор. Даже и гор-то здесь не было. По сторонам, насколько хватало глаз, раскинулась серебристая степь; не такая, как в предгорье – с цветами, бабочками и птицами, а засушливая, покрытая приземистой выносливой травкой, тихая от солнцепека и безводья. Небо в жарком мареве казалось почти белым, а в самой его середине, как в центре гигантского блюда, лежало ослепительное яблоко солнца; оно, пожалуй, было здесь раза в два больше, чем над горами.

– Смотрите-ка! – вдруг выкрикнул принц, тыча куда-то в небо. Сеня послушно поглядела, но ничего не увидела.

– Всмотритесь получше! – настаивал Филипп. – Видите, во-он там, как будто капля воды на стекле?.

Пина радостно охнула. Девочка, досадуя на себя за то, что оказалась самой бестолковой, пристально оглядывала небо. Наконец она отыскала в поднебесной выси маленькое полупрозрачное пятнышко и недоумевала сейчас, как это принцу удалось его заметить.

– Надо же, как повезло! – удовлетворенно пробормотал принц. – Теперь хотя бы ясно, куда идти.

Конечно, это и в самом деле было большой удачей. Не приметить Филипп Стекланного Замка, путники могли бы направиться на его поиски в противоположную сторону и проплутать по безводной пустыне Бог знает сколько времени.

Во рту еще держался противный привкус от волшебного зелья; Пина достала всем по яблоку –

заесть. И так-то вот – оживленно болтая да грызя на ходу душистые плоды – друзья направились в сторону стеклянной капли.- Страница 22 – Идти по низкорослой траве было хорошо – ноги не

путались в редковатой поросли, но чем дальше, тем больше стало попадаться на пути песчаных проплешин – солнечных ожогов на серебристой коже степи. Песок был мелкий и белый и больше походил поэтому

на соль. По всему чувствовалось, что пустыня близка. Все чаще налетал сухой знойный ветер, а солнце жарило сильнее и сильнее. Сеня мысленно поблагодарила фею за соломенные шляпы, которые та предусмотрительно уложила вместе с другими вещами.

Пустыня же началась как-то вдруг, сразу. Чахлые заросли травы оборвались, будто обрезанные ножом, и дальше был только белый песок, на котором не росло ни единой травиночки или колючки – это явно была граница, за которой начинались владения хозяина Стеклянного Замка. От раскаленного песка поднимался горячий воздух, и белые дюны сквозь колеблющиеся знойные струи, казалось, убегали вдаль, подобно волнам на соляном озере.

Уже здесь, на границе, становилось невыносимо жарко; ясно было, что дальше будет только хуже. Вдобавок ко всему Филипп, который, остановившись, долго всматривался в небо, наконец, сказал упавшим голосом:

– Вы знаете, а это был мираж... Капли теперь не видно... Так что идти нам еще – один Бог знает сколько...

– Как мираж? – не поняв, спросила Сеня. – Мы не туда идем?

– Да нет, идем-то пока правильно. Стеклянный Замок стоит посреди пустыни – это мы знаем наверняка. Будем ориентироваться по солнцу... А та капля на небе была не самим замком, а всего лишь его изображением. Обманка! Все из-за раскаленного воздуха. Бывает, в песках показывается то, что на самом деле находится в нескольких днях пути. Пустыня есть пустыня, а мы должны радоваться хотя бы тому, что заметили этот путеводный мираж.

А радоваться почему-то совсем не хотелось. Наоборот, остатки хорошего настроения быстро улетучивались. Еще бы! Одно дело – видеть цель путешествия; совсем другое – идти туда, не знаю куда! К тому же, пока замок был перед глазами, была и уверенность, что воды на дорогу к нему хватит. Теперь же обстоятельства коренным образом изменились.

Но делать было нечего. Друзья, повздыхав, пересекли границу и быстрым шагом пошли по белому песку, оставляя за собой вереницу нечетких, осыпающихся следов. Ветер, следовавший за ними по пятам, быстро заметал эти следы, наводя в дюнах прежний безупречный порядок.

До вечера было все же пройдено немало. Солнце сперва светило путникам в спины, но потом оно провалилось за линию горизонта, и в сумерках друзья одолели еще значительный кусок пути. Жара спала, и хотелось, несмотря на усталость, пройти по прохладе побольше. Наконец, решили остановиться на ночь. К сожалению, в темноте нельзя идти слишком долго – есть опасность уклониться в сторону, Костер развести было не из чего, но это как раз никого не расстроило; погреться пока не тянуло. Поели быстро, старательно укрываясь от надоевшего ветра, но песчинки все равно противно скрипели на зубах, так что особенного удовольствия от ужина никто не получил. Утолив голод, Сеня и ящерицы улеглись прямо посередине пустыни, с головой укутавшись в плащи, чтобы спрятаться от вездесущего песка.

Утром, задолго до того, как диск солнца показался над горизонтом с противоположной стороны, друзья уже были на ногах; они шли прямо на восток. Ночная прохлада таяла с каждым следующим мгновением, и скоро жара по-хозяйски разлеглась над всею пустынею, вынуждая несчастных путников пригнуть головы к земле. Солнце безжалостно светило прямо в глаза, проникая даже

сквозь низко надвинутые шляпы, и друзья шли, смежив воспаленные веки, держась друг за друга, чтобы не разбрестись. Они много пили – мало пить было просто нельзя, не то раскаленный песок высушил бы их, как выброшенную на берег рыбешку, но жажда не отпускала теперь ни на минуту. Плавающий шар солнца будто застыл над головами; время, казалось, остановилось, а может, оно и вовсе покинуло сие Богом проклятое место.

И вот в середине этого безумного дня Сеня, однажды разлепив глаза, увидела впереди спокойную синюю гладь озера. У берегов его тихо покачивался камыш, по воде неспешно плыли утки: некоторые из них вели за собой юркие стайки молодняка.

Девочка, вскрикнув от радости, кинулась бежать. Ящерицы бросились вслед за ней. Они мчались так быстро, что стали задыхаться жарким, обжигающим воздухом, но не обращали на это внимания. Какая разница, если всего через пару мгновений они смогут окунуться в божественную прохладу воды! Осталось совсем немного! Еще чуть-чуть!...

Но озеро вдруг как-то странно накренилось, качнулось и скакнуло назад, отодвинувшись даже дальше, чем было раньше. Сеня со стоном опустилась на раскаленный песок.

Опять мираж!

Стало до того обидно, что слезы покатались из глаз сами собой. Видение было настолько издевательским, что, казалось, не могло тут обойтись без Асурдис или ее сына. Но Рисс ведь говорила, что ни один волшебник, даже самый сильный, не может проникнуть сюда, во владения Маттиэля. Неужели это шутит он сам? Да нет... Скорее, все же морочит раскаленный воздух пустыни...

Песок жег, как утюг, и долго сидеть на нем не стоило. Филипп и Пина помогли девочке подняться. Они были расстроены не меньше, но, видя отчаяние своей подруги, чувствовали, что должны сейчас поддержать ее. Принцесса смочила платок в нагретой, почти горячей воде, и отерла красные, обожженные солнцем лицо и руки девочки. Тела ящериц были все же гораздо лучше приспособлены к жаре, но и для них уже наступал предел. Вдобавок оба они мучились одной и той же мыслью: «Что если и впрямь не удастся дойти? Зачем тогда так страдает их ни в чем не повинная подруга?» Путешествие, которое в гостях у феи казалось, ну, пусть не пустяковым, но все же вполне осуществимым, на деле превращалось в мучительную пытку. Но ничего теперь не исправишь! Приближается вечер, и идти назад еще бессмысленнее, чем вперед.

Следующий день ничего не изменил, кроме того, что кончились запасы воды. Дети по-прежнему шли вперед. На что они надеялись? Трудно сказать. Вокруг теперь высились безжизненные скалы – обветренные и иссушенные солнцем почти до белизны; море песка осталось позади. Как-то раз дорогу пересекло русло давно высохшего ручья, но сейчас и на луне, наверное, было больше влаги, чем здесь. Ночь друзья провели с чувством, что она последняя в их жизни, Тем не менее еще до света они снова плелись по белым камням пустыни.

На восходе они увидели первое живое существо, встреченное ими за весь убийственный поход. Правда, без сил распростертую на земле птицу – бедняга, видно, отстала от пролетавшей стаи – трудно было назвать живой в полной мере; пройдет немного времени, и она навсегда затихнет в раскаленном безмолвии всепожирающей пустыни... Девочка с ящерицами, не задерживаясь, прошли мимо: помочь они ничем, увы, не могли...

Солнце по-прежнему светило в глаза, обжигая насквозь смеженные веки, а несчастная троица все брела ему навстречу. Особого смысла в продолжении пути вроде бы и не было, но оставаться на месте почему-то не хотелось. Сеня ослабела больше всех; она часто спотыкалась, но ее с двух сторон поддерживали, не давая опуститься на землю, и девочка послушно продолжала идти вперед. Филипп, впрочем, тоже уже явно был не в себе: он шел, часто оглядываясь через плечо, будто прислушиваясь к чему-то, но сейчас на это никто не обращал внимания – не осталось сил. Наконец принц остановился и, с какой-то странной сосредоточенностью глядя на своих спутниц, проговорил:

– Вы знаете, а у меня в рюкзаке кто-то сидит! Он там без конца шебаршится и, по-моему, хочет оттуда выбраться!

Это явно был бред. Сеня с болью глядела на взволнованного, взбудораженного принца. Она понимала, что Филипп болен – наверняка у него солнечный удар... Да какое живое могло бы вынести несколько дней в наглухо застегнутом рюкзаке, нагретом настолько, что на его полосатой материи при желании можно было поджарить яичницу!

Но Пина все же заглянула брату за спину и от неожиданности даже вскрикнула. В рюкзаке и в самом деле что-то билось; он буквально ходил ходуном. Принцесса, с опасением протянув лапку, поспешно расстегнула молнию и едва успела отпрянуть. Мимо ее головы, со свистом разрезая воздух, пролетело нечто маленькое, ярко сверкнувшее в лучах солнца, – золотая стрела, снятая Сеней со стены в Черном Замке.

Стрела поднялась высоко в воздух и застыла там на мгновение, ослепительно вспыхивая всеми своими алмазами. Но вот она метнулась вниз и вонзилась в одну из невысоких скал. Та с диким грохотом раскололась надвое. Одна часть ее рухнула наземь, войдя в песок больше чем наполовину. Тучи пыли медленно рассеивались, а из образовавшегося пролома вдруг забил, поднимаясь все выше и выше, сверкая и переливаясь, фонтан кристально чистой воды! Поблескивая в лучах солнца, он казался новым миражом. Но нет! Настоящие брызги летят во все стороны, и даже прохладой повеяло от него! Первые капли, правда, испарились, не успев впитаться в раскаленный песок. Но вода все лилась и лилась, камни вокруг, наконец, потемнели, намокнув, и вот ручеек, тонкой пока, мутной струйкой побежал навстречу солнцу, с каждым мигмом набирая силу.

Все описанное произошло так быстро, что очевидцы этого чуда, не сразу опомнившись, продолжали стоять на месте, не смея поверить своему счастью. Наконец они разом бросились к фонтану и, подставляя жадные рты под струи, принялись глотать живительную влагу, повизгивая между глотками от переполнявшей всех радости. Фонтан все набирал мощь; друзья, вдоволь напившись, принялись хохоча толкать друг друга под сбивающий с ног поток. Они падали, поднимались, снова падали, брызги летели во все стороны... Эта сверкающая стена воды была просто воплощенной мечтой детей, всего лишь минуту назад обреченных на медленную смерть от жажды и иссушающего зноя!

Произошедшее все еще казалось невозможным!

Филипп, только сейчас вспомнив о спасительнице, выбрался из-под струй фонтана и сразу увидел ее рядышком, на влажном песке. Золотая стрела лежала неподвижно; обсыпанная алмазами и каплями воды, она вспыхивала на солнце, слепя глаза, и трудно было отличить камни от капель. Удивительно, откуда в малютке взялось столько силы?

Принц оглянулся и крикнул Сене:

– Смотри-ка, не зря она тебе приглянулась! И до чего же славно, что мы прихватили ее с собой!

Девочка подбежала к нему и, нагнувшись, погладила стрелу пальцем. Та была горячей на ощупь и казалась и впрямь живым существом – змейкой, замершей под согревающими лучами солнца. И тотчас же девочка вспомнила о другом живом существе... Птица! Она ведь так и осталась лежать на раскаленном песке...

Сеня бросилась к фонтану и, набрав в ладони воды, побежала. Вода, конечно, тут же протекла сквозь пальцы, и девочка, подивившись своей глупости – перегрелась-таки! – вернулась. Схватив пустой бурдюк, она до половины наполнила его и снова поспешила на поиски. Пина, борясь с мокрыми складками облепившего ее плаща, бежала за нею.

Они довольно быстро отыскивали несчастную пичугу; та, прячась от солнца, заползла за камень и неподвижно лежала там, распластав крылья по песку. Но она была еще жива, и Сеня поторопилась обрызгать водой ее головку и пыльное оперение. Затем девочка приоткрыла черный клюв и влила туда несколько капель целительной влаги. Теперь птица уже сама приподняла голову и попила из ладони, вытягивая шею для каждого глотка.

За то время, пока подруги шли обратно к фонтану, птица почти совсем ожила, и сейчас дети с удовольствием следили за маленьким, насквозь промокшим комком серых перьев, который суетливо плюхался в мелкой лужице у ручья.

Как может все измениться за каких-нибудь полчаса!

Еще через полчаса друзья тронулись в путь. Мехи снова были полны свежей воды, а шли они теперь по берегу ручейка. Солнце отныне переставало быть смертельным врагом!

Пичуга, названная Грушей (мокрая она и в самом деле напоминала этот фрукт – с небольшой головкой, толстым задком и коротким хвостиком), ехала на плече у девочки; признав ее своей хозяйкой, она покидала свой удобный насест только для того, чтобы поплескаться в мутноватом ручье. Настроение поднялось. Было ясно, что если не сегодня, то завтра, не завтра, так послезавтра, но Стекланный Замок покажется вновь. Поэтому друзья и поели с аппетитом, устроившись неподалеку от ручья в тени скал. Груша, совершенно освоившись, собирал крошки хлеба и расклеивал огрызки яблок в поисках косточек.

Путники не останавливались до самого заката, а затем, чуть отдохнув, пошли дальше по спускающейся прохладе вдоль ручейка, и сегодня пустыня, верно, впервые за свое существование услышала и узнала, что такое песни. Ночевали сидя, прислонясь спинами к камням, и, конечно, за ночь наломали кости. Но зато утром после восхода друзей снова ожидала радость. Они увидели Стекланный Замок! Может, и это был мираж, но вряд ли, скорее всего за вечер и ночь путники незаметно для себя успели подойти к желанной цели.

Замок теперь был гораздо ближе, чем тогда в мираже. Он покоился на вершине стеклянного столба высотой с хорошую гору, а сквозь его полупрозрачные стены пробивались лучи восходящего солнца – замок сиял всеми цветами радуги! И, безусловно, обиталище Маттиэля было бы совершенно недостижимым, если бы не гигантский стеклянный мост, дугой протянувшийся от земли к вершине столба. Это, верно, был самый большой мост в мире, но выглядел он при этом изящным и невесомым. Его прозрачные опоры были, как струи дождя, а замок, казалось, парил в воздухе, не связанный с земной твердью ничем осязаемым. Впечатление призрачности усиливалось еще и странным негромким звоном, доносившимся оттуда вместе с порывами ветра.

Путешественники мчались чуть не бегом, мечтая побыстрее оказаться на мосту и убедиться, наконец, что все это не чудесное видение. Но добраться до желанной цели удалось только к полудню.

Стеклянные плиты моста были присыпаны песком, который противно закрипел под ногами; но уже чуть выше на скользком полу ничего не удерживалось, и песчинки, занесенные сюда ветром, с легким шелестом ссыпались обратно. Идти здесь было страшновато. Прозрачный пол, сквозь который видны были скалы внизу, казалось, не мог служить надежной опорой, а такие же прозрачные столбики и перильца не давали ощущения прочной ограды. Можно было, конечно, смотреть вверх, и Сеня пошла, задрав голову, разглядывая стеклянные колокола, висевшие под высокими стеклянными же арками. Колокола все были разные – от маленьких, величиной с кулак, до гигантских – с большой трехведерный котел. Когда налетал ветер, они покачивались от его порывов, и стеклянные их языки вызванивали тонко и протяжно. Большие тяжелые колокола вступали только изредка – добавляя в общий хор низкие рокошующие ноты, и от этого звон не казался однообразным или слишком заунывным. Следующий порыв ветра уносил призрачный

аккорд с собою, а языки вновь ударяли в стеклянные бока

Изогнувшаяся дугой лента моста уводила в поднебесье, и друзья, утомленные бесконечным подъемом, несколько раз присаживались отдохнуть. Сеня, вцепившись обеими руками в прозрачный столбик, рассматривала все увеличивающуюся с высотой панораму пустыни; девочке чудилось, что она парит на легком облаке, откуда еще можно увидеть все, что под ногами, все, что по сторонам, и все, что наверху. Ледяной скользкой горкой уходила к земле пройденная половина моста, и дух захватывало от мысли, что достаточно лишь оступиться, и тогда покатишься вниз все быстрее и быстрее! Просто начинало мутить! Пина и Филипп тоже сидели, ухватясь за перила, борясь с желанием закрыть глаза и ничего не видеть. Только Груша, ерзая у хозяйки на плече, довольно почирикивал – он-то высоты не боялся!

Солнце, успевшее пройти весь полукруг небосвода, лежало уже над самым горизонтом, когда верхолазы добрались наконец до стен замка. Стоя перед наглухо закрытыми стеклянными воротами, они смотрели сквозь них в хрустальную глубину переходов и залов. Закатные лучи осветили внутренние покои золотистым мерцающим светом; стены на ощупь были теплые, как недавно вынутый из формы леденец, но внутри было так пусто и безмолвно, что, казалось, в куске льда можно отыскать больше жизни, чем здесь.

Филипп попробовал было налечь на воротину плечом – не было видно ни замочной скважины, ни каких-либо внутренних запоров, но дверь была будто приморожена.

– А вдруг там никого и нет? – задумчиво проговорил принц, – Что если Маттиэль ушел отсюда? Давным-давно... Иначе почему вокруг эта непроходимая пустыня? Мы же едва не погибли! Куда он смотрел? Как-никак, а все же он Повелитель Добрых Сил!

Сеня и Пина, не раз уже задававшиеся этими вопросами, молчали. Делать было нечего. Друзья уныло сидели возле стеклянных ворот, не зная, что предпринять. Ветер совершенно стих, колокола молчали, и вокруг стояла такая тишина, что начинало звенеть в ушах. Наконец, в голове девочки мелькнула догадка, породившая новую надежду. Сеня поднялась на ноги.

– Может, Маттиэль просто не видит, что творится у него под носом? – пробормотала она. – Смотрит себе в дальние дали, обозревает весь мир, не замечая беспорядка у себя на дворе?

Девочка схватилась за скользкое перильце и, с трудом дотянувшись до большого колокола, дернула его стеклянный язык.

– Дайте веревку! – повернулась она к ящерицам.

Принц, уже сообразив, чего она хочет, рылся в рюкзаке.

Филипп был чуть повыше девочки, к тому же он встал на цыпочки, вытянулся и, уцепившись хвостом за столбик, без труда смог продеть веревку в отверстие на конце языка.

– Если есть специальная дыра для шнура, значит, когда-то вполне мог быть и сам шнур, да истлел со временем, – сделал весьма логичный вывод принц и что было сил ударил в колокол.

После долгой тишины его звон показался столь пронзительным, что Сеня зажала уши руками. Груша шарахнулся с ее плеча, но, быстро опомнившись, – с девочкой все же было безопаснее, вернулся обратно и, сжавшись в комочек, вздрагивал всем телом при каждом новом ударе. Нечего и говорить, что звук этот никак нельзя было сравнить с тонким

ветряным перезвоном. Невозможно было понять, каким чудом колокол до сих пор не раскололся на куски, ведь он казался таким хрупким!

Но вот принц бросил веревку.

– Бесплезно! – устало проговорил он. Но тут же глаза его в удивлении расширились.

Ворота-то были открыты!!!- Страница 23 - Дети шли по сияющим покоем наугад, направляясь в

глубь замка. Шаги гулко раздавались под высокими стеклянными сводами – вокруг не было ничего, что могло бы их приглушить: ни мебели, ни ковров, ни какой-либо утвари или вообще чего-нибудь, что говорило бы о присутствии

в покоях жильцов. Все эти залы служили, скорее, гигантскими линзами для наблюдений; если смотреть сквозь стены, можно было различить вдали какие-то горы в облаках, море и острова, города на островах... Когда ты начинал вглядываться, изображение будто придвигалось, и были видны башни и шпили зданий, площади и даже... и даже какие-то маленькие букашки, сновавшие по мостовым среди домов; различимы становились их жесты и поклоны, которыми они обменивались при встрече, – то были люди, жители далекого неведомого города, быть может, отстоявшего от Стеклянного Замка на сотни дней пути... Однако, как это ни было интересно, Сеня и ящерицы не стали долго задерживаться, разглядывая чудесные живые картины без конца сменявшие одна другую. Им не терпелось отыскать хозяина этой гигантской подзорной трубы.

Но вот и главный зал замка, расположенный в самой середине этого огромного леденца, абсолютно круглый, с массивным стеклянным тронем на возвышении в центре который тоже, увы, пуст, как и все пройденные покои.

Сеня беспомощно огляделась.

– Никого нет... – сказала она растерянно и тут же вздрогнула от неожиданности.

– Приветствую вас. Добро пожаловать! – раздался вдруг голос. Голос этот не был ни громким, ни гулким – наоборот, он был совершенно обыкновенный, скорее, мягкий. И стало заметно, что на троне все же кто-то есть... Полупрозрачная фигура человека быстро обретала плоть. Кроме того, что сидевший был человеком, сказать что-либо более определенное оказалось невозможным; лицо его непрерывно меняло форму. Будто вылепленное из теплого воска, оно оплывало, переделывалось, неузнаваемо меняясь с каждым следующим мгновением. Трудно было уследить за его превращениями... Всего лишь мгновение назад это было лицо юной пригожей девушки! Но прелестные черты ее на глазах грубели, становились все более жесткими, и теперь уже на них глядел суровый воин, изборожденный побелевшими шрамами... Правда, недолго! Кожа его тут же начинает сминаться в складки, вытягиваются и обвисают щеки, черная борода исчезает бесследно, и вот перед ними беззубая седая старуха, но и она в тот же миг каким-то совершенно немыслимым образом превращается в розовощекого мальчонку с невинным взглядом синих глаз.

Надо сказать, что зрелище было довольно неприятным – у Сени так просто мороз пошел по коже!

Волшебник, верно, почувствовав страх своих гостей, задержал одну из масок, и сейчас на них смотрел веселый, улыбающийся юноша. Он мотнул своей златокудрой головой и сказал:

– Не бойтесь, дорогие пришельцы, и не удивляйтесь! Маттиэль призван смотреть за миром, а чтобы понять поступки людей, приходится влезать в их тела и души. Но людей слишком много... И каждую секунду они что-то творят. Уследить невозможно... – юноша грустно улыбнулся. – К тому же сложно бывает иногда отличить добро от зла... Но вы – мои первые посетители за многие годы. Я удивлен и расстроен, что люди перестали пользоваться моим судом и помощью.

Сеня про себя усмехнулась. Долгие годы – не то слово! Долгие столетия, если не тысячелетия, за которые некогда цветущая местность превратилась в непроходимую пустыню. Девочка взглянула

сквозь стеклянную стену; как она и предполагала, отсюда не было видно ни безжизненных скал, ни бесконечного моря белого песка, но сказать об этом Сеня не решилась – кто знает, вдруг волшебник вспльчив или обидчив, а только от него сейчас зависела судьба ящериц. Начинать следовало с другого.

Девочка выступила на шаг вперед.

– Ваша светлость! – проговорила она не слишком решительно. – Мы пришли издалека просить вас о помощи, Никогда не осмелились бы вас беспокоить, когда б существовал какой-то другой выход. Поэтому позвольте рассказать нашу историю...

Маттиэль нетерпеливо махнул рукой.

– Не надо! Я сам узнаю.

Юноша пристально взглянул в глаза девочки. В голове ее словно закружилась карусель, и она против воли стала вдруг вспоминать все, что случилось с ней с тех пор, как она впервые попала к ящерицам в Громадную Пещеру. Перед глазами чередой проплывали картины прошлого: королева, открывающая тайну своего народа, Бело-Голубой Город, напиток Гушу в золотой чаше, Черный Замок, потом улыбающийся Дели, страшные щупальца, и сразу затем чудовищная волна потока и две фигуры наверху скалы... но вот уже Кулхор, фея и розовый дом со львами, наконец, переход через пустыню...

Мысли девочки кто-то будто бы перебрал, и хотя Сеня ничего не собиралась скрывать от волшебника, ей все же не понравилось, что кто-то, пусть даже сам Повелитель Добрых Сил, хозяйничает у нее в голове. Правда, девочка не успела толком-то и додумать эту свою последнюю мысль, как почувствовала, что непрошенный гость убрался из ее сознания. Маттиэль сказал:

– Прошу прощения. Больше не буду, раз тебе неприятно.

Сеня, густо покраснев, кивнула, а волшебник продолжал:

– Мне ясно, чего вы хотите, но, чтобы справедливо рассудить, я должен теперь понять и другую сторону...

В следующее мгновение Сеня, Пина и Филипп вскрикнули в один голос.

На троне, в белом плаще Маттиэля, сидел Болотник!

Его маленькие глазки по обыкновению были сощурены, а крепкие желтые зубы скалились в издевательской ухмылке. Не раздумывая больше, девочка ухватила Пину под лапку, и они опрометью кинулись вон из зала. Но подруги не успели далеко убежать – их остановил мягкий голос Маттиэля.

– Я же сказал, не бойтесь! Я просто обязан был, хоть ненадолго, стать Болотником, чтобы узнать и его правду.

Сеня недоумевала: «Какая может быть правда у зловредного колдуна?» Но спорить не стала.

Тем временем по сторонам трона появились две стеклянные чаши. Они парили в воздухе ничем не удерживаемые – по крайней мере ничем видимым! Но вот одна из чаш вдруг опустилась – в ее объемистой прозрачной глубине появился городок из Громадной Пещеры. В цветных окошках домиков уже горел свет, по хрустальной мостовой улиц бродили крохотные нарядные ящерицы, а в палисадниках застыли каменные цветы и изумрудные кипарисы... Филипп и Агриппина с бьющимися сердцами склонились над крышами родного города; они смотрели и не могли наглядеться на свой покинутый дом. Горожане ничего не заметили...

Маттиэль тоже некоторое время с интересом разглядывал городок, но затем отвел взгляд, и на другой чаше появилась маленькая стальная клетка, в которой металась, пытаясь выбраться,

крошечная крыса. Странно, но эта вторая чаша, опустившись, висела теперь даже ниже первой, как если бы клетушка с крысой весила больше, чем целый город. Сеня непонимающе взглянула на волшебника-судью. Юноша не замедлил пояснить:

– В случае, если я помогу вам освободить от зачарованного сна Покровительницу, она будет столь разгневана, что превратит Болотника в крысу и заключит его в клетку на три года. То нестерпимое унижение, которое испытает колдун, перевешивает все невзгоды и тяготы вашего народа в изгнании.

Друзья ошеломленно глядели на беспристрастного судью, но Сеня уже начинала закипать гневом.

– Ну и что же, если негодяй испытает унижение? Он как раз и заслуживает наказания после всего, что сделал! Да я и перечислить не смогу, скольким он навредил! И как!

Волшебник с интересом смотрел на рассерженную гостью. Тем временем рядом с клеткой Болотника появилась маленькая фигурка Альбиноса и чаша тяжело опустилась еще ниже. А юноша снова объяснил:

– Колдун проявил милосердие, приютив и вырастив сироту – несчастного, никому не нужного мальчика-альбиноса. Это многого стоит!

Тут уж Сеня не нашлась что ответить – она просто задохнулась от возмущения! А Маттиэль вдруг задержал взгляд на птице, смиренно сидевшей на плече девочки. Мгновение, и ее маленькая копия оказалась на одной из крыш городка ящериц. Тотчас же под весом малютки чаша опустилась чуть не до самого пола, а Волшебник, улыбаясь, сказал:

– Вот столько-то и весит настоящее бескорыстное милосердие. Именно то, что Болотнику неизвестно вовсе! Колдун не понял бы даже, зачем ты спасла птицу! Ведь от нее тебе никакой пользы! Он-то, конечно, приютил сироту, но сделал это, думая в первую очередь о себе самом – растил себе помощника на старость. Знал, что все хлопоты окупятся...

Сеня решила все же прояснить обстановку.

– Так вы поможете нам? – спросила она настороженно.

Юноша кивнул и вдруг хитро улыбнулся:

– При одном условии. Ты отдашь мне свою хорошенькую птичку, а я обращу ее в стекло и украшу ею трон. А то пустовато тут как-то...

Сеня замерла в ужасе. Волшебник требовал от нее невозможного. Он просил предательства!...

Груша тихонько сидел у нее на плече, его теплое тельце доверчиво жалось к ее шее...

Филипп с Пиной испуганно взглянули на девочку, но та не стала долго раздумывать.

– Нет... – тихо ответила она. – Это, к сожалению, невозможно.

Сеня повернулась, чтобы уйти, не в силах поднять глаза на друзей, зная, что отдать глупого Грушу она все равно не сможет. Но несчастная девочка не успела сделать и десяти шагов, как услышала за спиной мягкий смех.

– Ну ладно, ладно! Разошлась-то как! – увещающе произнес Маттиэль.

Сеня обернулась и увидела, что юноша протягивает ей что-то огненное и сверкающее... Это был огромный золотисто-желтый камень, и он тихонько покачивался на золотой цепи – кусочек солнца, оправленный тонкой полоской блестящего металла.

Сеня, как замороженная, потянулась к камню, внутри которого плясали сотни огоньков. Они то вспыхивали, то гасли, снова вспыхивали, странно как-то будоража и заставляя кровь в жилах бежать быстрее.

- Долго не смотри. Спать не будешь! - предупредил голос, и Сеня, вздрогнув, подняла глаза на волшебника.

- Уж прости меня за шутку! - проговорил тот с улыбкой. - Я лишь хотел показать, что обязанности судьбы не так уж просты. В самом деле, казалось бы, жизнь этой маленькой птички никак не может перевесить судьбу целого народа, но для тебя это не так. И я с тобой полностью согласен! Ты права в главном: жизнь любого существа должна быть неприкосновенна. Нельзя отнять ее у другого, даже ради самой благородной цели. Расплата все равно неизбежна! Может быть, не сразу... Это как бумеранг - он вернется! А Болотник... Не раз он уже посягал на ваши жизни, и за это ему не может быть прощения! Наклони-ка голову, - приказал в завершение своей проповеди Маттиэль.

Сеня послушалась, и на шею ей поверх суровой нитки с медальоном Дели легла тяжелая золотая цепь.

- Положишь камень перед глазами околдованной, и свет его разбудит спящую, - объявил волшебник, пристально глядя ей в лицо. - А сейчас можете пройти в соседние покои. Там вы найдете все, что нужно. Отдыхайте! Завтра на рассвете - в обратный путь.

Обрадованные дети принялись наперебой благодарить Маттиэля, чувствуя, что никакие слова не могут выразить их признательности. Но тут лицо юноши чуть изменилось, пока еще неуловимо, и друзья поспешили покинуть зал, чтобы не мешать волшебнику. Честно говоря, им совсем не хотелось снова увидеть плывущие, бесконечно сменяющиеся лики Маттиэля, Повелителя Добрых Сил.

Миновав широкий, пустой и гулкий переход, троица оказалась в небольшом, тоже круглом зальчике. Здесь стояли три хрустальные кровати с высокими узорчатыми спинками и большой стол, обильно уставленный разнообразными яствами.

Изголодавшиеся дети накинулись на еду, и, надо сказать, приготовлено все было отменно! Сервировка также была безупречна: посуда точеного хрусталя, серебро приборов, белизна крахмальных салфеток... В больших бокалах с витыми ножками пузырилась малиновая вода. Все это после истязавшего зноя пустыни казалось сном. Но нет! Сон явился чуть позже, когда дети, наконец, забрались в уютные недра своих постелей и, едва успев пожелать друг другу доброй ночи, смежили воспаленные веки.

Утро пришло вместе с громким отрывистым посвистом Груши. Сидя на спинке Сениной кровати, он наслаждался собственным пением, нисколько не заботясь о том, нравится ли это окружающим. Неугомонная птаха успела уже выкупаться в одном из тазов для умывания, поставленных здесь заботливыми невидимыми руками, и время от времени, прерывая песню, энергично встряхивалась. Девочка поторопилась выбраться из постели. Она сладко потянулась. Давно она себя так хорошо не чувствовала - от самого Кулхора! Принц сел на кровати, и блаженная улыбка растянула его тонкие серебристые губы.

- Неужели мы дошли?! И все получилось?! Никак не могу поверить! - воскликнул он.

- Надо еще вернуться! - напомнила Агриппина, но брат только махнул на это лапкой.

- Вернемся! - уверенно провозгласил он и выскочил из постели на стеклянный пол.

Стол уже был накрыт заново. Друзья быстро позавтракали и отправились прощаться с хозяином Замка. Маттиэль ждал их и, выслушав все, что они наперебой ему говорили, сказал:

- Я рад, что вы пришли ко мне. Теперь вам нужно возвратиться в Саттар. До долины Кулхор доберетесь по дороге, проложенной этой ночью. Да, мешки ваши полны едой. И если встретите лошадей, можете забирать их с собой. Я думаю, Рисс найдет для них место в стойле.

Друзья явственно припомнили раскаленную пустыню - интересно, откуда бы там взяться лошадям? Чем бы они там питались - песком? Хорошо, теперь хоть вода появилась, спасибо золотой стреле! Но дети снова промолчали, теперь уже не из опасения, а из уважения к этому доброму, всесильному, но слегка рассеянному волшебнику.

Но вот златокудрый Маттиэль пожелал своим гостям счастливого пути, и дети, покинув круглый зал, заторопились по гулким переходам к выходу. Огромные ворота оказались распахнуты. Друзья

вышли из стен замка на верхнюю площадку моста и замерли в изумлении.

Внизу, насколько хватало глаз, земля серебрилась ковром трав. Кроны плакучих ив обрамляли голубую ленту полноводной реки, несущей свои чистые струи там, где только вчера протекал лишь мутный ручеек, а позавчера было старое пересохшее русло, по которому ветер гонял песок, наверное, не одну сотню лет.

- Вот это да! – только и смогла вымолвить Сеня.

- Похоже, он и в самом деле самый могущественный из волшебников! – поддержала ее Агриппина.

- Да к тому же самый заботливый! – заявил Филипп, указывая на большие стеклянные салазки, появившиеся мгновение назад у самого края площадки.

- Ты думаешь, мы должны на них спуститься? – испуганно спросила Пина.

- Конечно! И сберечь себе ровно половину дня, – подтвердил принц.

Сене тоже не слишком-то понравилась эта идея, но Филипп решительно отверг все возражения и, крепче привязав туго набитые мешки с провизией, первым уселся в стеклянные сани. Сене пришлось сесть у него за спиной. Было не очень-то удобно – мешал хвост. Пина уселась позади девочки и обхватила ее за талию. Сеня едва успела засунуть упирающегося Грушу за пазуху, как принц уж оттолкнулся от края площадки, и салазки понеслись вниз по стеклянной горе, с каждым мгновением набирая скорость. И вот уже ветер бешено свистит в ушах, прозрачные столбы, сливаясь, исчезают из виду; глаза больше не видят никакой преграды, и кажется, что сани просто летят себе по воздуху, а звон колоколов тоже сливается в протяжный гул и тянется вслед за летящими. У-у-у-у-у! Все внутри сжимается и тоже куда-то летит – в противоположную сторону; внизу живота что-то екает и прыгает к горлу, и визг – высокий, пронзительный – присоединяется к свисту ветра, гулу колоколов, несясь за санями подобно шлейфу кометы...

Полет этот длился несколько минут, затем салазки заскользили по траве – все медленнее, медленнее – и вот, наконец, остановились совсем. Гораздо больше прошло времени, прежде чем храбрецы опомнились от головокружительного спуска и пошатываясь, встали с саней. Груша тут же спорхнул вниз и, победно чирикавая, принялся шнырять в траве, вылавливая зазевавшихся кузнечиков.

Да!... И в самом деле было чему порадоваться! Кругом-то лежала плодородная степь! Сотни и сотни цветов ласкали взгляд, жужжание множества насекомых удивляло ухо, привыкшее к ветреному безмолвию пустыни и гулкой, колокольной тишине Стеклянного Замка. Друзья разобрали вещевые мешки и направились к реке; дорога, о которой говорил Волшебник, должна была начинаться где-то в этой стороне – пришли ведь они оттуда. Скоро дети вошли в прохладную тень деревьев. Теперь нужно было переправиться на ту сторону – вчера они перешагнули через тоненький ручеек, не замочив ног. Сеня разделась и увязала вещи в плащ, успевший выгореть до белизны, Удивительно, что плащи ящериц оставались такими же яркими, как и прежде; видно, выкрашены они были какими-то чрезвычайно стойкими красителями.

Река оказалась глубокой, и пришлось плыть – хорошо, недолго, не то вымокли бы запасы еды в мешках. Сеня одной рукой гребла, а другой держала над водой узел. Так же и ящерицы – они плыли рядом, закинув плащи на головы и удерживая мешки одной из лап. Груша, встревоженно крича, кругами носился над ними, явно не понимая, что происходит. Наконец, выбравшись на берег, друзья присели передохнуть и обсохнуть.

- Так я согласен путешествовать хоть всю жизнь! – заявил Филипп, которому прохладное купание придало бодрости. – Поели! Прогулялись! Искупались! Песок в глаза не лезет. На зубах не скрипит. И от жажды ты не умираешь...

Его восторженную речь прервало негромкое ржание, донесшееся из-за деревьев. Принц буквально подскочил на месте.

- А вот и обещанные лошадки! – воскликнул он и, не дожидаясь своих спутниц, полез вверх по осыпающемуся откосу, помогая себе хвостом.

Сеня оделась, и подружки пошли вслед за принцем – примятая трава верно указывала направление. Они нашли его довольно быстро. Филипп суетился вокруг четырех лошадок, одобрительно

похлопывая их по бокам, а те, напуганные непривычным видом своего будущего хозяина, настороженно жались друг к другу. Но ничего! Скоро они привыкнут к нему, а потом и полюбят серебристого этого ящера! Кто как не он будет купать их и чистить в конце утомительного дневного перехода? Выбирать острые колючки, причесывать гривы да разыскивать самую сочную и молодую траву?

Лошади стояли оседланными, поэтому немедля одна из них была навьючена поклажей, а три другие получили по седоку. Сенина Рыжуха была самой светленькой, с крепкими мохнатыми ножками. Все лошадки были невысокие, короткогривые и походили больше на пони; вряд ли они были самыми быстрыми скакунами на свете, зато, по-видимому, отличались выносливостью и больше всего подходили к предстоящему длительному путешествию.

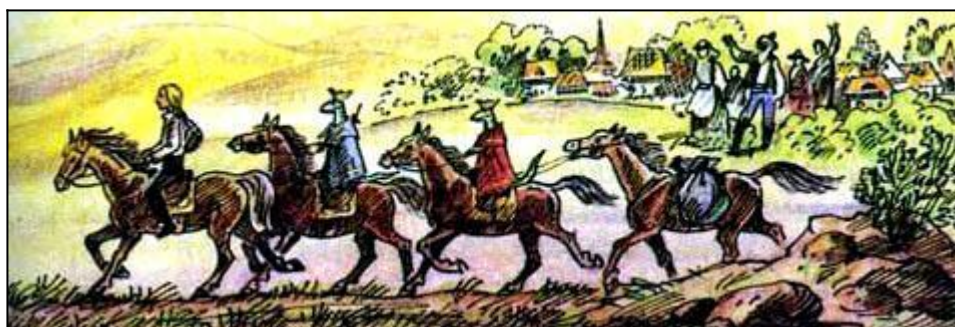
Лошади сами выбирали себе путь, словно зная, куда идти. И вот она – дорога! Начиналась она прямо посреди поля в высокой траве и уходила вдаль – прямая, как стрела, вымощенная новеньким гладко отесанным булыжником. Эта дорога должна была довести до самого Кулхора. Путешественники не знали, сколько потребуется времени, чтобы добраться до цели – может, месяц, а может, и два, но в одном были совершенно уверены: с пути они не сойдутся! Выбравшись на серые булыжники, всадники развернули лошадей, чтобы кинуть прощальный взгляд на Стекланный Замок; тот парил над серебристой, живой теперь равниной и от этого казался еще прекрасней – так драгоценный камень только выигрывает от хорошей оправы.

– Спасибо тебе! До свидания! – громко выкрикнул Филипп.

– Спасибо и до свидания! – вторили ему хором подруги, и скоро на дороге остался только ветер – ухаживать за ней, новехонькой, подметать, а четверка лошадей, бодро помахивая хвостами, отправилась обновлять путь. – Страница 24 –

Лето клонилось уже к закату, когда путешественники добрались, наконец, до Кулхора. Они были в пути чуть больше месяца; за это время дни успели стать короче, а ночи длиннее, и желтый лист – нет-нет, да и вкрапывался в серебро лесов. Несмотря на долгий

путь ни Сеня, ни ящерицы не чувствовали усталости – они же не пешком шли! Дорога вначале проходила по степи, и всадники галопом мчались по ровной, как стол, мостовой. В горах, конечно, лошадям часто приходилось давать отдых, но вокруг была такая красота, а пища, которой снабдил своих гостей Маттиэль, настолько вкусна, что не жалко было лишних часов, проведенных у горной речушки или среди зарослей цветущих рододендронов. Когда путники управились с запасами провизии, помогли жители придорожных селений. Пораженные необычным видом пришельцев да к тому же узнав, что новая, удобная, замечательная дорога появилась, в общем-то, при их участии, горцы не скупилась и щедро оделяли проезжих всем съестным, которое у себя находили. А находили они много чего!

Поэтому Сеня и ящерицы появились в долине весьма упитанными – к большому удовольствию встречавшей их феи Рисс. Она давно уже поджидала гостей – дорога, в одну ночь выплывшая из ниоткуда, означала только одно: дети добрались до Маттиэля, и волшебник позаботился о том, чтобы они смогли вернуться. Дня три друзья погостили у доброй хозяйки в розовом доме со львами, а затем снова тронулись в путь – нужно было спешить. Не дожидаться же осени! Рыжие лошадки само собой остались у феи; дорога в Саттар, как известно, пролегла через смертоносное ущелье. Вышли они ранним утром и, навьюченные мешками с провизией, отправились наверх, к горному озеру. Рисс, провожая детей, показала другую дорогу – значительно более длинную, чем та, что

проходила по старому руслу, но друзья ни за какие коврижки не согласились бы еще раз ступить на гальку, устилавшую речное дно; до сих пор еще им снился тот ревущий, убийственный поток. Вдобавок не было и уверенности, что Болотник не подстерегает их снова. Можно было лишь надеяться на лучшее, не более того!

Солнышко припекало, птицы беззаботно свистали, и Груша, восседая на Сенином плече, тоже пел веселую песню. Судя по всему, он и не собирался присоединяться к себе подобным, хотя, случалось, улетал куда-то на часок-другой, но неизменно потом возвращался, с высоты отыскивая своих спутников. Подъем становился все круче.

- Как бы спины не надломить! С лошадьми-то было куда лучше!... - пробурчал принц, переводя дух.
- Ничего... - успокоила его сестра. - Скоро ты будешь страдать от того, что пустой мешок больше не тянет спины!

Но что и говорить, после привольной езды верхом тащить тяжелую поклажу по жаре, к тому же в гору, было тяжеленько. Изнурительный подъем длился несколько часов. Но до чего потом оказалось приятно окунуться в бирюзовую прохладу озера! Белый песчаный пляж был на этот раз совершенно чист. Не было видно ни звездчатых подков на песке, ни белых чаек в вышине; только розовые лотосы-фламинго, без ущерба пережившие страшный ливень, покачивались беззвучно в нежной волне, изредка пробегавшей по зеркальной глади воды.

Путники вошли под сень старого парка часа за два до заката, так что к дому подошли еще до темноты. Здесь все было по-прежнему. Единственными обитателями особняка оставались птицы да ветер, залетающие в разбитые стекла окон. Розовые кусты, правда, разрослись еще пышнее, чем прежде, создавая непроходимый барьер для любого, кто захотел бы отойти с дорожки в сторону.

В кабинете тоже ничего не изменилось, и, погасив свечу, дети, засыпая, вспоминали, как ночевали здесь вместе с Дели. Казалось, с того времени минули годы - столько пришлось пережить! На самом же деле прошло всего-то чуть больше двух месяцев.

Поднялись поздно. Вяло, в молчании позавтракали, памятуя о том, какое испытание предстояло сегодня, бессознательно стараясь оттянуть страшные мгновения. Сейчас с ними не было стойкого Дели, который своим бесстрашием придавал им смелости. Но что делать! В последний раз обернувшись на драгоценную бирюзу горного озера, путники вошли в мрачное ущелье. Снова их шаги гулко раздавались в каменных стенах, издали предупреждая чудовище о приближении жертвы.

- Сколько же там лежит костей! - с ужасом в голосе вспоминал принц. - Скольких людей он сожрал и сожрет еще - завтра, через год, через век! Горы черепов будут расти и расти... И что же? Никто с ним так и не сразится? - он все больше распалялся.

- Но мы-то что можем с этим поделать? - постаралась успокоить его девочка. - Асурдис - могущественная волшебница. Даже Хотт не справилась с ее чарами. Рисс не решается ей противостоять. И мы! Смешно! Что мы можем, подумай!

- К примеру, убить его... - задумчиво проговорил Филипп, и Пина сначала даже рассмеялась, но затем внимательно посмотрела на брата.

- Ты не перегрелся ли? - с тревогой спросила она. - Сам послушай, что за чушь ты несешь!

- Ну а почему бы и нет? Если забраться наверх по скале? Наверняка там можно найти обломки скал, собрать их... - рассуждал вслух Филипп.

- Взгляни на стены! - перебила принца девочка. - Они же совершенно неприступны! Кабы можно было по ним взобраться, все бы и взбирались! И обходили бы поверху, а не лезли, как безумцы, в пасть чудовища!

- Ты все время забываешь, что мы как-никак ящерицы, - резонно возразил Филипп и помахал лапой у нее перед носом. - У нас тоже имеются присоски! Не хуже других! - он постепенно входил в азарт. - Конечно, при таких размерах не больно разбежишься. Маленькими-то было попроще... Но ничего... Уж как-нибудь!

Было ясно, что отговорить принца не удастся и придется осуществить его план, каким бы абсурдным он ни казался. До пещеры было теперь рукой подать, и троица разделилась. Сеня

осталась внизу, а брат с сестрой принялись штурмовать стену. Девочка, затаив дыхание, следила за каждым их движением.

Восхождение давалось нелегко. Малютками ящерицы носились по стенам с неуловимостью ртутного шарика, но сейчас каждый следующий шаг был отдельным, продуманным и выверенным действием. Серебристые ящеры продвигались вверх очень медленно, тщательно ощупывая скалу, укрепляясь и снова ощупывая. Случалось, какой-то потревоженный камешек скатывался вниз, а у Сени сердце екало от страха. Но нет, пока все хорошо, и друзья уже преодолели половину пути! Если бы еще не глупый Груша! С переполошенными криками он вился над ящерицами, явно уговаривая тех одуматься и вернуться обратно. Сеня яростно прикрикнула на птицу, и Груша, враз присмирив, слетел девочке на плечо, откуда продолжал следить за скалолазами встревоженным глазом. Никто не хочет слушать умных советов!

Принц с принцессой тем временем приблизились к верхней кромке ущелья; снизу они казались совсем крошечными – почти такими, какими Сеня носила их на ладони. И вот Пина, мотнув хвостом, исчезла на гребне скалы, а за ней, наконец, и Филипп. Тут только девочка перевела дух. Ей предстояло сделать лишь одно дело.

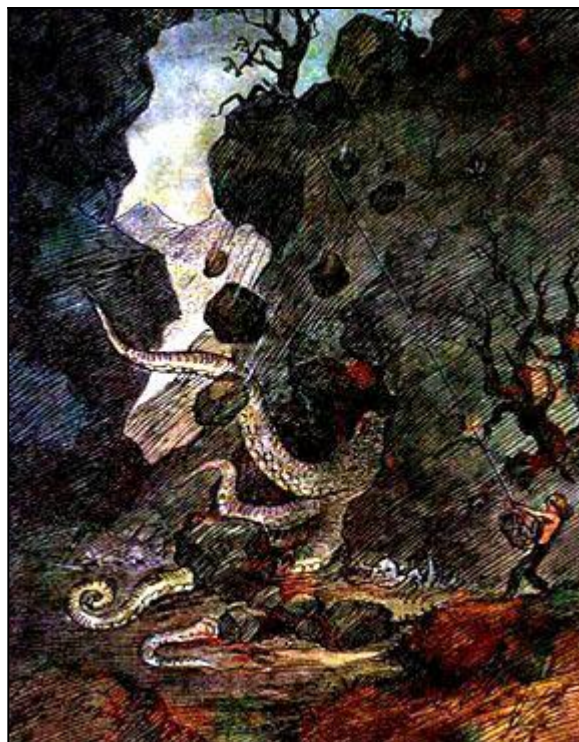
Вытряхнув на землю содержимое заплечного мешка, Сеня доверху наполнила его камнями и крепче увязала. Теперь оставалось ждать. Ждать без дела всегда очень тоскливо, и девочка скоро потеряла счет времени; быть может, прошло уже несколько часов с тех пор, как ящерицы скрылись из виду. Правда, иногда сверху доносилось какое-то гроыхание; дела там не стояли на месте.

Спустя бесконечность раздался все-таки условный свист, означавший, что наверху все готово, и, разматываясь в воздухе, вниз полетела сложенная кольцами веревка. Сеня придавила ее камнем, чтобы та куда-нибудь, не дай Бог, не подевалась, и начала раздеваться. Она скинула соломенную шляпу, сняла с себя белую рубашку, сшитую для нее заботливой Рисс, и принялась натираться чудесной мазью – работа внизу сопряжена с риском попасться мерзкому щупальцу. Тщательно, очень тщательно намазалась девочка жгучим снадобьем – тело ух как горело! – но в памяти еще свежи были воспоминания о душащих объятых. Затем Сеня привязала мешок с камнями к спущенной веревке. Сейчас она стояла очень близко к пещере, и сердце ее обмирало от страха, но пока в черноте провала не было заметно никакого движения. Впрочем, девочка знала, что чудовище нападает внезапно, когда ты этого ждешь меньше всего.

Сверху вдруг посыпались камешки; веревка натянулась, приподняв мешок с камнями над землей, но не очень высоко. Снова раздался свист, и Сеня, пожелав себе ни пуха ни пера и сама себя же послав к черту, обхватила мешок двумя руками. Пятясь, она оттянула его как можно дальше от

пещеры и замерла. Тяжеленные камни, как живые, рвались из ладоней, впиваясь острыми углами в кожу, но хватка девочки не ослабевала. И вот, наконец, с горы донесся троекратный посвист – то был сигнал к действию. Сеня отпустила вырывавшийся мешок на свободу; сама она что было сил понеслась в противоположную сторону. А мешок, описывая длинную плавную дугу, полетел прямо к черному зеву провала и дальше, мимо него.

И тут из пещеры вырвались два огромных щупальца! Удавы вышли на охоту! Однако не успели они схватить пролетающую жертву, как сверху полетело несколько здоровенных валунов. Филипп хорошо прицелился – одно щупальце было сразу перерублено надвое, а другое пригвождено к земле острым обломком скалы. Сеня, закусив губу, в ужасе смотрела на дергавшийся еще обрубок, из которого хлестала на камни бледная, едва розовая кровь. В это время мешок с камнями, совершая движение маятника,

долетел до крайней точки дуги и повернул обратно. Снова на перехват бросились щупальца – теперь уж целых четыре! Боль раздражила чудовище, и оно решило как следует отомстить! Гигантские, мертвенно белые змеи преследовали маленькую, но такую опасную зверушку, а сверху летел уже целый камнепад. Еще три щупальца остались снаружи исходить кровью, придавленные к земле, а четвертое – израненное, убралось обратно в черноту.

Сеня побежала вперед и схватила подлетевший мешок, так хорошо послуживший! И опять он маятником полетел к логову... Но на этот раз не было нападения. И на обратном пути тоже... Девочка издали видела, как темнеют, намокая, камни на много метров вокруг. Гигантский спрут истекал кровью.

Ящерицы, оглядев сверху поле битвы, решили спускаться. Они медленно поползли вниз, а Сеня смотала сброшенную веревку и собрала в мешок разбросанные вещи.

Для верности ждали еще полчаса – щупальца больше не шевелились; наоборот, они стали менять на глазах окраску, становясь из белых грязно-серыми. Судя по всему, можно было поздравить друг друга с победой! Теперь, уверенные в гибели чудовища, смельчаки поторопились покинуть это отвратительное место. Усиливающееся зловоние преследовало их до тех пор, пока логово не скрылось из виду.

– А вы не верили! – не удержавшись – тонкий рот до ушей, похвастался Филипп. – Как мы его! Раз, два, три – и нету монстра! И ходите, дорогие, по ущелью сколько хотите! Когда вам будет угодно, даже ночью! Никакой опасности нет!

Ущелье огласилось теперь смехом и радостными возгласами – страх, наконец, отпустил совсем. Груша, видя всеобщее ликование, громко верещал и носился, носился кругами над счастливыми победителями.

Как по-разному можно ощущать себя в одном и том же месте! Каменная теснина не казалась сейчас ни мрачной, ни зловещей, хотя здесь, конечно, ничего не изменилось – те же самые неприветливые скалы, но больше они не таили в себе смертельной угрозы и стали теперь обыкновенными серыми камнями. Да и окончилось ущелье на этот раз быстро – шли-то под гору. А внизу раскинулось обширное плато Ахрат. Где-то в его просторах гулял сейчас табун красавцев коней. Ахратинцы лишились сегодня своего страшного сторожа; впрочем, вряд ли они подозревали о его существовании. И гора-громадина больше не казалась зловещей – жуткий призрак покинул ее сегодня навсегда. Если, конечно, Асурдис не придумает еще чего-нибудь похлестче!

Но солнце уже катилось к западу, и путники заторопились вниз по каменному серпантину. Ночевать в промозглой пещере – пристанище перегонщиков – никому не хотелось. Запас воды был достаточным, и друзья решили идти хоть до темноты, а спать лечь на травке, пусть и под открытым небом. Проголодались порядком – днем-то было не до еды! Зато сейчас, сидя у трескучего костра, наелись, наверное, на целый день вперед. Несмотря на усталость ящерицы затаили песню. Слова ее были Сене непонятны, но, наверное, это был какой-то древний гимн, исполняемый в честь одержанной победы – уж больно мелодия была торжествующей.

А утром над каменной горой уже кружились с клекотом большие черные птицы. Стервятники из соседних долин прибыли на гигантское пиршество – отпраздновать гибель спрута.

Дорога через Ахрат заняла три дня. Табун за это время удалось увидеть лишь однажды. Среди взрослых бродило сейчас множество жеребят, и друзья решили не беспокоить лошадей без дела. Сеня, конечно, пыталась высмотреть Красотку, но, что и говорить, это было бесполезным занятием. Издали все ахратинцы походили один на другого.

Края плато путники достигли без приключений. Теперь оставался несложный спуск – и вот она, долина! Бурливая речушка негромко бормотала внизу, а отсюда было уже рукой подать до пещеры Дели. И трудно описать ту радость, которую троица испытала, увидев на горе пятнистую козу; коза, однако, совершенно не разделяя восторга пришельцев, поторопилась подняться повыше, а уж оттуда презрительно оглядела их, пожеывая клочок травы да позвякивая колокольцем.

Уже в сумерках путники взбирались по узкой тропинке, ведущей к жилищу пастуха. Массивная брусчатая дверь оказалась заперта.

– Только бы он не ушел куда-нибудь в соседнюю долину продавать свои сыры! – выразила общее опасение Агриппина.

– Сейчас узнаем... – пробормотал Филипп и, приподняв камень у порога, вытащил из-под него ключ. В пещере было темно, но в очаге еще теплился огонь, и это успокоило гостей. На большом столе все так же стояла глиняная посуда, полная молока, творога, масла, простокваши и еще чего-то молочного. Воздух по-прежнему был пропитан кисловатым духом сыров, разложенных по полкам, а медные котлы все так же отливали знойным красным блеском в свете тлеющих угольев. Филипп поспешил подкинуть в очаг несколько сухих полешек, и скоро они занялись ярким пламенем, разогнавшим сумрак в пещере. Гости уселись на большую кровать, покрытую цветастым ковром, и стали ждать. Было так тепло и уютно; по стенам ползли тени, а глаза слипались сами собой...

– Доброе утро! Пора завтракать, – прогремел вдруг чей-то голос.

Сеня открыла глаза. Посреди пещеры, уперев руки в бока, стоял Дели; он широко улыбался. Солнце и птичий гомон врывались через круглые оконца. Девочка недоуменно переглянулась с друзьями – неужели они проспали всю ночь?

Сеня выбралась из мехового одеяла, в которое, оказывается, была укутана, и кинулась обнимать заботливого хозяина.

Как им его недоставало!

– Пришлось вас разбудить, не то до вечера бы проспали, – проговорил Дели извиняющимся тоном. – Я дожидаться не мог, когда вы, наконец, проснетесь! Хожу, хожу, гремлю посудой – ни в какую! Спят себе, словно ангелы!

Но вот гости умылись и расселись вокруг стола.

– Ну а теперь рассказывайте! – нетерпеливо потребовал хозяин, когда друзья отодвинули тарелки. Да уж и в самом деле было что порассказать! В основном говорил Филипп. Сеня с Пиной, конечно, перебивали его частенько, но принц все же сумел довести свое повествование до конца. Горец внимательно слушал, и, как и ожидал Филипп, особенно был поражен известием о гибели страшного спрута. Эта новость его прямо-таки огорошила.

– Ну вот!... Ну надо же!... Ну просто до смерти обидно, что меня там не было! А как бы мне тоже хотелось побиться с гадом! Ой-о-ой – до чего хотелось бы! Уж я бы ему показал!... – горец сокрушенно помотал лохматой головой. – Эх, такое, конечно, бывает раз в жизни... Ну да ладно! Здорово у вас получилось! – и он одобрительно хлопнул принца по плечу.

Вконец обнаглевшая птица разгуливала по столу и склевывала с тарелок все, что ей хотелось. Дели почесал пальцем головку Груши и, вдруг вздохнув, сказал:

- А у нас тут все иначе... Болотник вздумал собирать дань со свободных горцев. По пять коз да по пять баранов в месяц. Посчитайте, сколько это в год? А кто не дает, тем разгоняет стадо. И так, что костей не соберешь! Кругом же скалы... Горные пастухи - народ гордый, ни за что не уступят. Боюсь, несдобровать нам... - он снова вздохнул.

- Я думаю, бояться нечего. Скоро Хотт наведет в округе порядок! - постарался успокоить его принц.

- Хорошо бы! - без улыбки ответил Дели, и все замолчали.

Из открытой настежь двери вдруг потянуло холодом - наверное, это был ветерок с реки, а у Сени мурашки побежали по коже: вспомнился Черный Замок. И она подумала, что в глубине души боится встречи с Насуримом даже больше, чем тех страшных щупалец в ущелье. От них по крайней мере ясно было чего ожидать, но что поделать! Пора уже было снова трогаться в путь. Дели, к несчастью, не мог их сопровождать; он собирал по горам свое стадо, сгоняя коз в потайной загон, и занимался этим с восхода до заката. Вчера, к примеру, он вернулся домой уже в полной темноте. Впрочем, большой отряд был бы и больше заметен, а в замок Покровительницы нужно было пробраться так, чтобы об этом, не дай Бог, не узнал старый колдун. Иначе всем несдобровать!

Друзья сердечно распрощались и договорились, что, если в течение недели от них не будет никаких вестей, горец отправится на выручку. Несчастный Груша был заперт в пещере; кто знает, что там впереди.

Три дня потребовалось, чтобы, преодолев перевал у Одинокой, спуститься затем по реке к равнине. Дальше было два пути; либо, обогнув Толстую, пробираться в Саттар мимо Черного Замка, либо, взобравшись в гору, сойти с нее прямо к замку Хотт. Ну и, конечно, решили штурмовать Толстую.

Но горы только кажутся пологими; когда начинаешь на них взбираться, они всегда оказываются очень и очень крутыми, Правда, подстегивала близость цели. Восходители неутомимо карабкались вверх, останавливаясь лишь чтобы напиться, и к ночи перевалили-таки на противоположный склон. Здесь устроились на ночлег. Друзья постарались поудобнее улечься среди замшелых корней старого бука - отдых был совершенно необходим; завтрашний день мог потребовать от них всех сил! - Страница 25 - Утро в лесу было сырым и прохладным. Вершина

Толстой была еще окутана туманом, и его седые клочья, цепляясь за ветки, проносились, почти касаясь голов спящих. Сеня проснулась от холода. Плащ, в который она была укутана, отяжелел от влаги, и

девочка, сбросив его, быстро полезла на дерево, чтобы хоть немного согреться, а заодно и окрестности осмотреть. Добравшись до верхушки, Сеня выглянула из ветвей и обмерла.

Прямо перед собой она увидела Белый Замок!... Высокий зубец скалы возносился почти на высоту Толстой, и, казалось, до окутанных рассветной золотой дымкой стен замка можно чуть ли не рукой дотянуться! Конечно, ощущение это было обманчивым, но... Сеня набрала полную грудь воздуха. Но гордый замок был сказочно прекрасен!... Конечно, она и раньше видела его на полотнах в сумрачном зале Хранилища, однако никакой художник не смог бы передать его настоящей красоты, впрочем, так же, как свежей голубизны утреннего неба, серебра лесов и эту вот золотистую дымку, придающую пейзажу какой-то странный, томительный привкус нереальности... С трудом оторвавшись от созерцания заколдованного замка, девочка полезла вниз. Ящерицы уже

ждали ее к завтраку. Сеня не замечала, что ест, так ей не терпелось поскорей отправиться дальше, в долину. Брат с сестрой были взволнованы не меньше. Немудрено! К этому дню они шли три месяца! Все решалось именно сегодня!

Друзья спускались по склону почти бегом. Кроны деревьев плотно смыкались над головами, служа защитой даже от глаз пролетающих птиц, что несказанно радовало детей. Уклон понемногу становился более пологим. Еще немного, и они выберутся на берег реки. Но тут образовалась непредвиденная преграда.

Филипп, шедший первым, вдруг резко остановился – просвет между деревьев оказался затянут паутиной. Сначала это никого не испугало. Принц просто сунулся в сторону, чтобы обойти ее, но выяснилось, что паутина плотно опутывает все кусты и деревья в обе стороны, насколько хватает глаз.

– Я думаю, вам ясно, что все это понапутано Болотником, а не кем-либо иным, – мрачно заявил принц. – Пауков таких размеров, кроме него, конечно, в наших краях никогда не водилось.

– Да, но зачем он это сделал? – спросила Пина. – Чтобы поймать нас? Но, кажется, мы сможем прорваться сквозь нее.

– Вот и мне тоже так кажется! – серьезно ответил Филипп, – Поэтому я и задаю себе следующий вопрос: Болотник что – такой глупец? Нет! Тогда, может, паутина не простая? Что если она, к примеру, ядовита?

Подруги тихо ахнули. Так оно наверняка и было... Надо же такому случиться именно теперь, когда цель так близка! До реки-то оставалось каких-нибудь несколько сот шагов! Уже отсюда слышен был шум воды, а дети стояли перед тонкой колышущейся преградой и чувствовали себя совершенно беспомощными.

Принц попробовал было порвать паутину палкой, но липкая сеть сплетена была в несколько слоев, и седые клочья снова слипались, затягивая дыру, будто ее и не было вовсе. Наконец, Филипп бросил это бесполезное занятие.

– Черт бы побрал старого негодяя! – в сердцах воскликнул он и, помолчав, добавил: – У нас есть только один выход. Завернуться в плащи – и вперед!

В самом деле, ничего другого, кажется, не оставалось. Принц укутался поплотнее, спрятав голову, и бросился с разбегу в почти невидимую, но такую плотную преграду. Он прорвался, но весь оказался опутан седыми нитями паутины, а плащ его местами даже потемнел, пропитанный крохотными вязкими капельками, которыми сплошь была усеяна тончайшая сеть. Филипп сорвал с себя плащ и швырнул его в сторону.

– Ну, что же вы! Скорее! Дыра ведь затягивается! – крикнул принц уставившимся на него подругам. Действительно, стена паутины каким-то немыслимым образом наращивала сама себя. Тонкие нити вытягивались, вытягивались и, сплетаясь, быстро латали прорыв.

Сеня и Пина, наконец, опомнились. Они завернулись в плащи и, крепко ухватившись друг за друга, ринулись на стену. Паутина вязко обхватила своих пленниц, но нити, не выдерживая натиска, рвались одна за одной, и вот уже Филипп помогает сдирать липкие плащи, которые так и остались лежать скомканными на земле: красный – принцессы, синий – принца и серый, выцветший – Сеня. Дети выждали немного, прислушиваясь к своим ощущениям... Но нет... Вроде бы все оставалось по-прежнему. И друзья снова заторопились вниз, к реке. Только Сеня чуть поотстала. Маленький золотой медальон на ее шее почему-то так нагрелся, что даже кожа под ним покраснела, и девочка, осмотрев его, – с виду он был точно таким же, как и прежде, – повесила талисман поверх рубашки. И тут она заметила на своей голой лодыжке большой клоч прилипшей паутины; видно, плащ задрался, когда она продиралась сквозь упругий заслон. Девочка щепкой сняла грязно-белый клочок с ноги и ни слова не сказала ящерицам. «Что будет, то и будет! Все равно ничего уже не изменить», – решила она про себя и отмахнулась от тревоги.

Деревья быстро редели, на солнце блеснула вода – друзья, наконец, вышли к реке. Колоссальный зубец скалы, на которой покоился Белый Замок, возносился прямо над головами. Оставалось теперь лишь перейти реку; она здесь была хоть и широкой, но все же довольно мелкой – где по

колени, где по пояс. Вода оказалась ледяной, впрочем, как ей и полагалось быть; горные эти реки все были ледниковые. Дети запрыгали по камням. Правда, порой приходилось брести и по воде, что было не вполне безопасно – чуть задержишься, и мышцы начинают сводить болезненной судорогой, а течение-то мощнейшее! Собьет с ног и потащит с собою вниз по каменным глыбам.

И вот как раз посреди этой нешуточной переправы ящерицы вдруг почувствовали первый приступ слабости. Бедная принцесса едва не свалилась с мокрого камня в воду, в последний миг подхваченная подоспевшей Сеней. Принц усилием воли переборол прилив дурноты, и вдвоем с девочкой они помогли вконец обессилевшей Пине добраться до берега. Здесь они усадили ее на камень, и Филипп, тяжело дыша, опустился на гальку рядом с ней.

– Значит, плащи не спасли... – устало проговорил принц и вдруг вскинул удивленные глаза на Сеню. До него только сейчас дошло, что у нее не было никаких признаков слабости. Девочка на всякий случай даже потрясла головой. Но нет, она хорошо себя чувствовала.

– Странно! Паутина прилипла мне на ногу, а я ничего не ощущаю. Как ты думаешь, почему? – спросила Сеня и вдруг осеклась. Принц проследил за ее встревоженным взглядом и замер в ужасе. В чистом голубом небе летела птица. О!... Они узнали бы этот силуэт среди тысячи других! А как хотелось бы никогда его больше не видеть!

Филипп затормозил сестру. Она сидела, безвольно склонив голову на грудь. Даже встать-то стоило ей огромного труда. Принц обернулся к девочке.

– Беги! Беги к скале, скорее! Мы за тобой! Сеня колебалась.

– Ну беги же! – в отчаянии закричал тогда Филипп. – Только ты можешь! У тебя камень! Если ты не доберешься до Хотт, мы погибнем все!

И девочка побежала. Босые ноги скользили по влажной гальке, к тому же она то и дело оборачивалась взглянуть на покинутых друзей. Наконец принцу удалось уговорить сестру, и они тоже побежали. Принцессе было совсем нехорошо, и брат буквально волочил ее за собой, но и он теперь слабел буквально на глазах.

Чайка тем временем неотвратно приближалась. Вот она опустилась на гальку, и когда Сеня оглянулась в следующий раз, она увидела на берегу уже не птицу, но Альбиноса собственной персоной. А рядом с ним вдруг откуда ни возьмись вырос хихикающий Болотник. Он отряхнул свой рыжий плащ, расправил складки и, оперев руки в бока, так, чтобы получше был виден драгоценный пояс, заорал:

– Добро пожаловать, дорогие, на родину! С возвращением!

Он раскланялся на три стороны, явно получая удовольствие от происходящего.

– Куда же вы? Не хотите даже поздороваться с добрым дедушкой? – крикнул он ящерицам, которые бежали из последних сил, подгоняемые страхом. А чудилось сейчас беднягам, будто держит их невидимая глазу паутина, опутывая с каждым мгновением все больше и больше, утягивая за собою

назад...

Колдовство то было и злые чары!

Но Болотник этим не удовлетворился. Он направился к ящерицам, и Сеня, оборачиваясь на бегу, в ужасе следила, как он легко нагоняет их. Силы у колдуна были не стариковские. Болотник резво мчался по берегу; рыжий плащ развевался у него за спиной, а ноги, обутые в черные сапоги, быстро мелькали в воздухе – по-юношески. И вот, поравнявшись с преследуемыми, он стукнул по плечу сначала Пину, а за ней и Филиппа.

Девочка замерла на месте, будто пораженная громом. Во рту у нее пересохло, ноги стали ватными...

Друзья ее каменели прямо на глазах!

Вот только что они еще могли бежать! А сейчас и принц, и принцесса застыли гранитными изваяниями, и даже золотые короны, мгновение назад сверкавшие в лучах солнца, обратились в тусклый камень!

Это было совершенно невыносимо. Слезы брызнули из глаз девочки и застлали все вокруг. Сердце ее будто кто-то схватил ледяной рукой и сжал до боли... Отчаяние охватило ее целиком. Бессильное отчаяние! Но ненадолго. Сеня вдруг поняла, что ненавидит! В груди ее закипала холодная ярость; сердце встрепенулось и забилось ровно и сильно, гоня быстрее горячую кровь. Девочка облизнулась: на губах выступила соль – напиток Гушу забился в ее жилах.

Гушу – кровь древних воинов!

Гушу – ловкость тигра и преданность собаки!

Слезы высохли сами собой. Спокойная ненависть к врагу заполняла теперь все ее сознание. Спасение для друзей было наверху. Значит, она доберется туда, чего бы то ни стоило!

Девочка-воин повернулась лицом к скале и побежала. Теперь она не оглядывалась; она знала, что бежит быстрее всех! Ноги больше не скользили по гальке – она была самая ловкая! Нет силы, которая могла бы ее сейчас удержать!

Скоро босые ноги понесли девочку наверх по узкой каменной тропе. Пятки ощущают тепло шероховатой скалы – надежной прочной опоры; она не смотрит вниз, высоты не боится, сердце бьется ровно, дышит она размеренно. Вверх! Вверх! Вверх! Ничто ее не остановит!

* * *

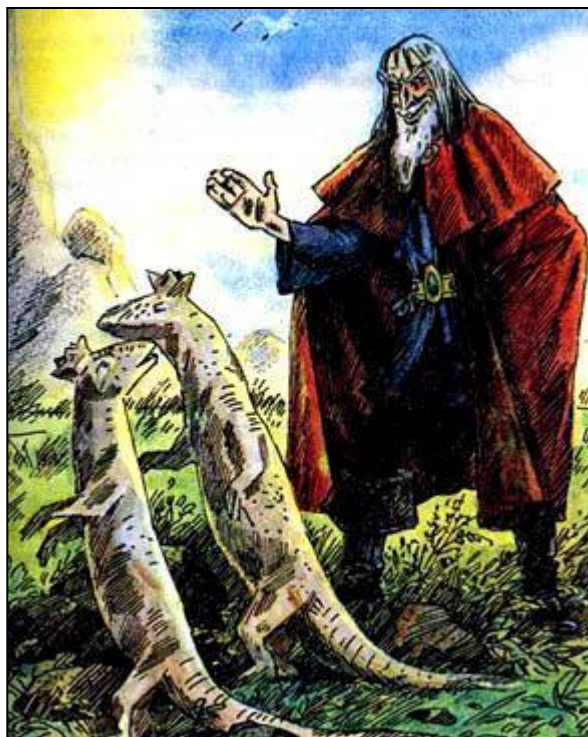
Болотник в недоумении взглянул на своего ученика.

– Что это с ней? Никак озверела! Бес, что ли, в нее вселился? Ты видел, как у нее загорелись глаза? Зеленым огнем... Фу-у-у!... Неприятно даже! И почему на нее не действует мое колдовство? На этих вон действует! – он махнул в сторону окаменелых ящеров. – А на нее нет! – старик недовольно потряс головой. – Не пойму, что ты здесь стоишь, бездельник? – накинулся он на своего ученика безо всякого перехода.

– А что нужно делать? – беззлобно поинтересовался Альбинос.

– Что делать? Что делать? – передразнил его колдун. – Догнать эту мерзавку и сбросить вниз со скалы! Надоела она мне до смерти! И потом, она стрелу украла! – крикнул он уже вдогонку белой птице.

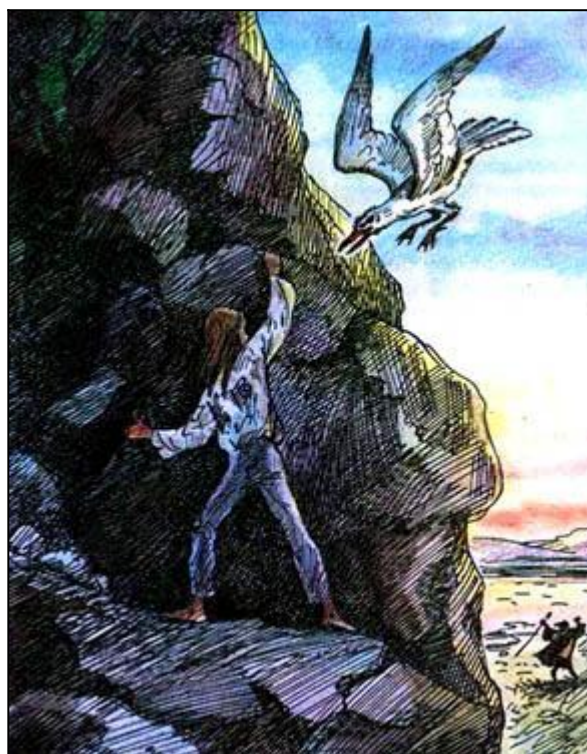
* * *

Сеня не заметила, как подлетела чайка. Внезапно она почувствовала сильный толчок в плечо – птица с разгона ударила ее клювом – и от неожиданности потеряла равновесие. Перед глазами мелькнула река, галечные ее берега, покрытая лесом гора... – правая нога чуть было не соскользнула с узкого карниза! Но в последнее мгновение девочка все же успела рухнуть на колени и, вцепившись пальцами в неровности скалы, отползти к стене. Она облегченно перевела дух – высота-то была о-го-го какая!

Чайка, развернувшись, подлетала снова. Девочка, по-прежнему стоя на четвереньках, глядела прямо в ее красные глаза. С бьющимся сердцем поджидала она, когда птица подлетит поближе, – рука нащупывала у стены острый камень. И вот врагов разделяет всего несколько метров. Изловчившись, Сеня, целясь в крыло, швырнула камень. Девочка знала, что не промахнется! Она ведь была самой ловкой! Белые перья вмиг окрасились алым, и чайка, кувыркаясь в воздухе, бесформенным комом обрушилась вниз. Только у самой земли подбитой птице удалось-таки выправиться... и Альбинос тяжело свалился коленями на речную гальку. Даже сверху было видно, что одна рука его вся в крови.

Ученик колдуна, кривясь от боли, осматривал свою рану; она оказалась глубокой, с рваными краями, и кровь частыми каплями стекала с локтя на серые речные окатыши. Насурим подошел к нему и, презрительно поджав губы, протянул своему незадачливому ученику какой-то грязноватый на вид мешочек. Альбинос вытряхнул на ладонь горстку черного комковатого снадобья и присыпал им рану. Кровь перестала капать почти сразу. Тогда, оторвав рукав от своей рубахи, он изодрал его на полосы и перевязал ими больную руку. Не летать ему теперь недели две, не меньше!...

Колдун, хмурясь, смотрел вверх, на скалу.

– Уж если кто дурак, он все делает по-дурачки! – прорвало наконец его. – Ты подумай сам, кто тебя одолел, переростка эдакого! Стыдобища! Людям в глаза не взглянешь! Вырастил помощничка, ничего не скажешь... Себе на голову! Теперь, спасибо тебе, мерзавка уж на середине скалы!

– Ну и что из этого? – пожал плечами ученик. – Пусть прогуляется... Деться-то ей некуда. Все равно вниз спустится рано или поздно...

– А ты, дорогой, не подумал, зачем это они рвались сюда, буквально рискуя жизнью? Для чего это им так нужно в долину? Наверно, просто так! Из интереса, что с ними тут будет! Во-о-он стоят, каменные чучела... А где они шатались последние два месяца? Может, ты знаешь?

– Да мало ли где, – снова пожал плечами Альбинос. – Вы же сами говорили, что от Сапфира нету избавления.

– Говорить-то говорил... – задумчиво кивнул старик. – Да вот теперь не уверен... Нет, нельзя ей наверх! А раз колдовство ее не берет, надо скovyрнуть ее оттуда как-нибудь иначе...

Он огляделся. Ниже по течению реки, там, где когда-то Хотт, взорвав скалы, открыла людям белый мрамор, остались лежать горы обломков. Туда-то и устремился Болотник.

– Сейчас я тебе устрою! – приговаривал Насурим на бегу. – От булыжника, небось, тебе никакой талисман не поможет!

Среди обломков он выбирал округлые валуны, каждый величиной с голову быка, и складывал их рядом на траве. Заготовив с дюжину снарядов, колдун, прищурившись, оценил расстояние до вершины скалы и, размахнувшись, швырнул первое ядро. Оно полетело со свистом, будто

выпущенное из пушки! Да уж, чего-чего, а силы старому колдуну было не занимать!

Камень врезался в стену всего в нескольких метрах от крохотной фигурки. Та в испуге замерла, но потом кинулась бежать по карнизу с удвоенной скоростью.

Болотник принялся метать ядра одно за другим – еще немного и мерзавка скроется за изгибом скалы; зубец наверху был почти круглым. Но спешка никому не подмогла! Ни один из снарядов не попал в цель, Колдун в ярости топнул ногой о землю. До входа в замок девочке теперь оставался лишь один виток скального карниза. Если только... Если только не обрушить кусок каменной тропы перед верхней площадкой! Поди-ка тогда, перелети, деточка!

И колдун принялся выбирать валуны покрупнее.

Сеня, тяжело дыша, стояла, прислонясь спиной к теплой, нагретой солнцем скале. В ушах еще стояло грохотанье каменных ядер, врезавшихся в стену рядом с ее головой. Кожу саднило от множества ранок, оставленных разлетающимися во все стороны осколками. Как было страшно! Но она все же успела выскочить из-под обстрела и укрылась за громадой скалы. Теперь до Замка оставалось чуть-чуть. Белокаменные стены начинались всего-то в трех метрах над головой. Если бы она умела летать или хотя бы ползать, как ящерицы... С той стороны снова загрохотало. Бесится колдун! Девочка собралась с силами и отправилась дальше. Здесь, с безопасной стороны, она дождалась, когда старик, видимо устав, утихомирился. Выждала еще немного и, встав на четвереньки, поползла по карнизу, в кровь обдирая колени. Она очень надеялась, что снизу ее не заметят. Но скоро девочка поняла, что это было напрасно. Все, все оказалось напрасно, потому как пути дальше не было. Большой кусок карниза исчез начисто. Он был просто-напросто отколот от скалы каменными снарядами. Слезы бессилия подкатили к глазам. Наверное, это и в самом деле был конец... Друзья так и останутся навечно стоять окаменевшими в родной долине, храня в своих гранитных сердцах тщетную надежду на спасение. Нет, не будет им избавления...

Сеня, пошатываясь, встала с колен. На изорванной в клочья, некогда белой ее рубашке запеклись бурые пятна крови; раненое плечо болело, ободранные, запыленные ноги дрожали от усталости... Но все равно, все равно в глубине души ее вновь рождался гневный протест, снова накатила очищающая ярость! И страстное желание прорваться, чего бы то ни стоило, захватило разум целиком! Снова древний Гушу горячо забился в ее венах! А взгляд уже скользил по скале, примеряясь, оценивая каждую неровность...

И вот, не успев еще как следует подумать, что же она делает, девочка повернулась лицом к стене и, распластавшись по ней, влипая телом в трещины, ощущая скалу каждой своей клеточкой, поползла по отвесной стене, сама не зная как. Думать об этом и не стоило! Пальцы мертвой хваткой вцеплялись в камень, босые ноги, ощупывая скалу, находили на малейших выступках опору всему телу. Да она даже и не ощущала теперь себя целиком – существовали только руки и ноги, сейчас они и чувствовали, и думали, перенося тело все дальше и дальше к намеченной цели.

Гушу! Ловкость тигра! Преданность собаки!...

Да никакому тигру такое было б не под силу! Только преданность – эта слепая безрассудная любовь могла породить такое мужество!

Но вот нога почувствовала прочную опору – девочка ступила на карниз! Еще несколько выверенных движений, и Сеня, пригибаясь, побежала. Всего-то несколько десятков шагов осталось до ворот! Фу-у-ух! Они не заперты! Какое счастье! Здоровенная воротина была даже чуть приоткрыта, и девочка, не оглянувшись, торопливо прошмыгнула внутрь.

* * *

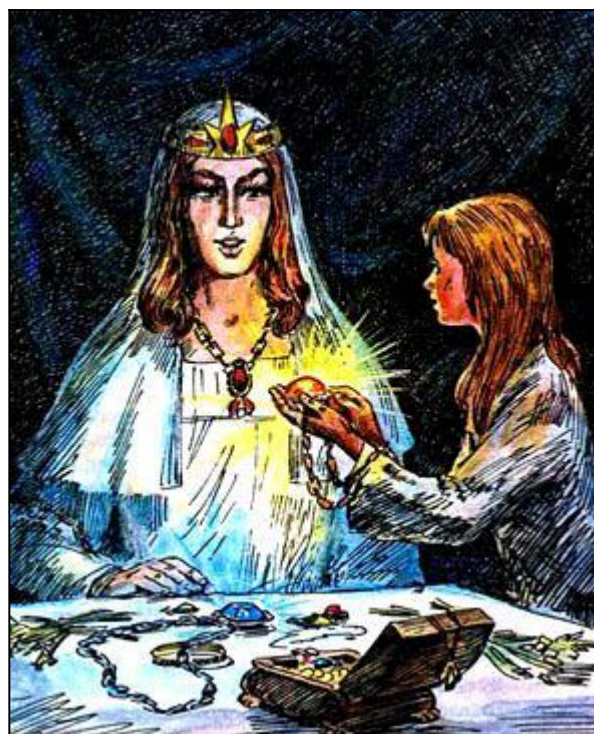
Болотник, весьма утомленный произведенной работой, отдыхал, лежа на травке. Как-никак ему уже не двадцать лет! К тому же зло разбирало на бестолкового ученика – из-за его глупости теперь придется тащиться пешком до самого Черного Замка, а там еще, пожалуй, и грести; рука-то у дурака не работает. Вот так на старости лет все приходится делать самому!

Колдуну и в голову не приходило следить за скалой. Он был уверен в полной и окончательной

победе над маленькими наглецами.

* * *

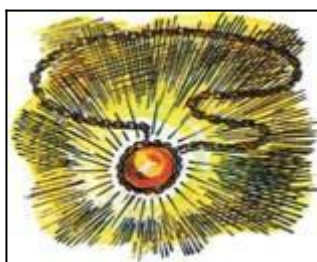
В галерее было темно и пыльно. Сеня посидела немного на полу, отдыхая, да и глазам надо было дать время привыкнуть. Окон здесь не было, и свет проникал сюда только сквозь приоткрытую дверь. По стенам, правда, висели факелы, но они уже давным-давно высохли, и пользы от них не было никакой. Девочка, вздохнув, пошла в темноту наугад, держась за стену. Но вот она споткнулась обо что-то – ступеньки! – и начала по ним подниматься. Лестница была крутая и, как показалось, очень длинная. Наконец, впереди засветилась тонкая полоска – щель в двери; еще несколько ступеней и Сеня толкнула дверь. Та тяжело, со скрипом отворилась, и девочка оказалась в огромном круглом зале, залитом солнечным светом; окна высотой от пола до потолка глядели во все стороны. Сеня знала этот зал по рассказу королевы.

Посередине, на возвышении, у большого стола сидела в кресле женщина. Перед нею на каменной столешнице стояла раскрытая шкатулка, а рядом были разложены сверкающие украшения. Среди них где-то должен лежать и Колдовской Сапфир, но Сеня не стала всматриваться. Вместо того она сняла с шеи золотую цепь с подвешенным к ней Солнечным Камнем и, держа ее на вытянутых руках, приблизилась к спящей. Внутри Камня, как всегда, что-то будто кипело, металось огоньки; он весь искрился, излучая мерцающий золотистый свет. Яркие блики от скачущих огоньков побежали по платью и волосам спящей, красными сполохами вспыхивая в рыжих ее локонах.

Веки феи чуть заметно дрогнули. Сеня с замирающим сердцем ждала, глядя в красивое бледное лицо. Но вот глаза разок моргнули и, наконец, широко распахнулись. Они оглядели девочку; рот красавицы в удивлении приоткрылся, и она произнесла первые слова:

– Боже мой! На кого же ты похожа!

Сеня смутилась. Грязная, изодранная рубашка; обтрепанные, истертые добела джинсы; космы нестриженных волос, лицо с черными следами размазанных слез; руки, ноги – все в ссадинах... Но времени переодеться у нее, увы, не было! Обидеться? На это у девочки уже не осталось сил! Сеня стояла и глупо улыбалась. Снова, в который сегодня раз, накатили слезы, но теперь это были слезы радости, усталости, любви... Девочка вдруг покачнулась, колени ее подогнулись, и она села на пол. Теряя сознание или, может быть, засыпая, она все же успела прошептать:

– Мои каменные друзья... Спасите их...

Женщина перенесла девочку в кресло, а затем в задумчивости подошла к окну. Привычным взглядом окинула она долину и увидела там, внизу, нечто такое, что сразу же очень и очень ее

взволновало.- Страница 26 -
Сеня открыла глаза. Вокруг все было белым-бело, а уши наполняли какие-то странные протяжные звуки. Музыка небес! Белоснежное облако мягко колыхалось над головой, и девочка не

сразу поняла, что это был кружевной полог, куполом накрывающий ее постель. Где же это она? Сеня поторопилась выбраться из-под мягких складок наружу. Босые ноги утонули в нежном ворсе ковра, который тоже был белым, как и все вокруг – стены, мебель, вазы с цветами... И камин, отделанный сахарным мрамором... И тут же мелькнула догадка – Бело-Голубой Город, вот где! Но возможно ли это? Ведь город далеко – под землей, за Переходом... Или?...

Сеня подскочила к окну.

Так и есть! Кругом горы! И вот она – скала-зуб с гордым замком Покровительницы на самой вершине! Сердце бешено колотилось у нее в груди. Неужели это не сон?! Неужели все кончилось так хорошо?! Значит, и друзья ее должны быть где-то поблизости. Живые! Из плоти и крови, а вовсе не из хладного гранита! Сеня бросилась вон из комнаты.

В ее памяти Белый дворец был совершенно пустынным; сейчас он оказался полон каких-то людей, которые при виде девочки почему-то радостно ахали и, счастливо улыбаясь, торопились ей навстречу, что-то наперебой говорили... Сеня, которая выскочила из спальни в ночной рубашке, смутилась и бросилась обратно.

– Кто они такие, хотелось бы знать? – бормотала девочка, в который раз оглядывая комнату в поисках своей одежды. И тут ее осенило. – Это же ящерицы, вот кто!

Для того и было предпринято опасное путешествие: возвратить город обратно в долину, а главное вернуть людям их человеческое обличье! Теперь, конечно, понятно, почему они так ей обрадовались. Сеня была их спасительницей! Они любили ее теперь как родную и превозносили до небес. Еще бы! Наверное потом, когда-нибудь, и памятник ей поставят на площади...

Сене ужасно захотелось забиться в какой-нибудь тихий уголок, и она снова залезла под полог. Как-то было не по себе. Она слишком привыкла к дикому одиночеству среди величественных гор, бескрайних лесов и степей, где рядом были только двое друзей, которых она знала и любила... Еще был самоотверженный Дели, добрейшая Рисс, всевидящий Маттиэль. Кроме них, были только Болотник и Альбинос, и с ними нужно было бороться...

Дверь в комнату тихонько приоткрылась, и кто-то вошел. Сеня затаилась в своем белом облаке. С той стороны тоже молчали. Никто не кинулся, чтобы вытащить ее для чествования перед всем народом, и девочка решила выглянуть из-под полога – одним глазком...

У двери стояли какие-то дети. Девочка, Сениного возраста, и мальчик, чуть постарше нее. Оба они были смуглые, с большими серыми, как у Сени, глазами и необыкновенными, серебристо-пепельными волосами – под стать местной природе. Это были очень красивые дети! И такие чистенькие! И одеты во все белое! У Сени подобная одежда стала бы черной уже через полчаса. Она решила не вылезать. У нее явно не было ничего общего с вошедшими.

– Долго ты еще собираешься там сидеть? – вдруг спросил мальчик.

Сеня так и подскочила на месте от изумления. Мальчик говорил голосом принца!

– Она же никогда нас такими не видела – вот и думает, что это совсем не мы, – грустно произнесла девочка голосом Пины, и Сеня тогда высунула голову из-под полога. Вид у нее, надо сказать, был совершенно ошеломленный.

– Это вы? – почему-то шепотом спросила девочка.

– Да мы это! Мы! Ну, не видишь, что ли? – убеждал мальчик. – Давай руку, вылезай! У нас полно дел!

В ответ Сеня решительно потребовала одежду. Если бы она раньше знала, какие принц с принцессой красавцы, она причесывалась бы и умывалась значительно чаще!

Брат с сестрой вышли из комнаты, чтобы не мешать девочке одеваться. Они были очень расстроены тем, что Сеня не признала их и чувствует себя чужой. Конечно, внешность их совершенно переменялась, но внутри-то они были такими же, как и прежде... Трудно поверить, но в эту минуту Филипп и Пина жалели о том, что они больше не ящерицы.

Тем временем Сеня, догадавшись по лицам своих вновь обретенных друзей, что ведет себя как-то не так, решила исправиться. Поэтому, когда девочка вошла в гостиную, где ее поджидали друзья, она невзначай чмокнула Пину в щеку и, усевшись в кресло, приветливо улыбнулась:

- Я, между прочим, так и не знаю, что происходило с тех пор, как проснулась Хотт. А мне интересно!

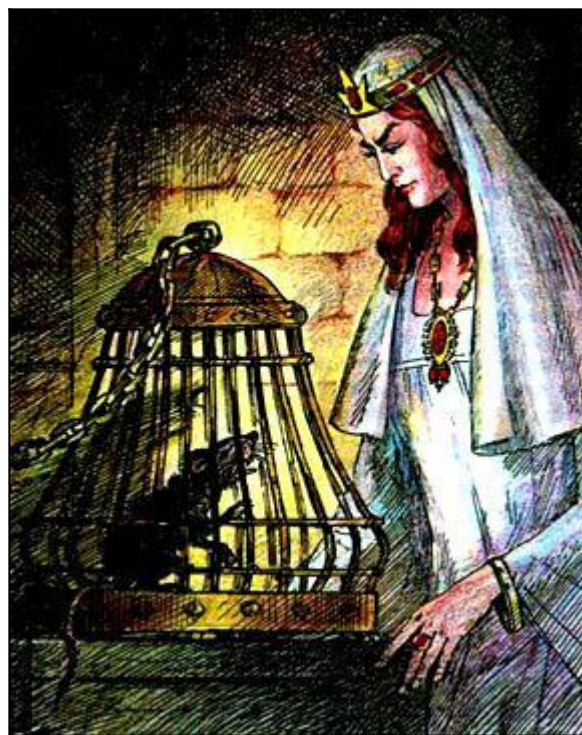
Это сразу же разрядило обстановку.

А было вот что. Когда Покровительница подошла к окну, она сразу увидела, что города-то нет! Долго думать, кто был виновником этого исчезновения, не приходилось. Да и сам он оказался неподалеку - как всегда, вместе со своим долговязым, унылым учеником.

Хотт взъерилась мгновенно! Да так, что от взгляда ее зеленых глаз под отдохавшим на травке колдуном треснула земля. Болотник скатился на дно образовавшейся ямы, а в следующую секунду он уже метался там в обличье рыжей крысы, не в силах выбраться по отвесным стенкам вверх. А скоро стальная клетка, ставшая тюрьмой для Болотника, стояла неподалеку от кресла волшебницы.

Предсказание Маттиэля сбылось!

Альбинос же в ужасе мчался прочь - куда глаза глядят, не разбирая дороги, а под ногами его дрожала земля - это рушились стены Черного Замка! Скалы внизу долины содрогались от взрывов. Громадины трескались, крошились, и лавины щебня неслись с гор - в болото! Вода болотная кипела, затягивая небо облаками пара, а вода речная клокотала, прокладывая себе новое русло. Долго Хотт терпела у себя под боком мрачное обиталище колдуна; теперь же Черному Замку пришел конец. На другой день это место и узнать-то было нельзя. Река спокойно катила свои чистые воды там, где вчера была трясина, а кругом росли густые серебристые травы, и белые лилии, нет-нет, да окунали светлые головки в студеную воду.

Но волшебница должна была еще выпытать у старика, что же произошло, пока она спала. Хотт одарила рыжую крысу способностью говорить, и та, давась человеческими словами, рассказала обо всем, что натворила, когда была Болотником. Колдун, заключенный в мерзкую оболочку, был вне себя от унижения и злобы, но молчать не мог. Слова вырывались у него из глотки против воли. В бешенстве кидаясь на прутья, пропищала крыса все заговоры и заклинания, без которых Хотт было трудно разрушить колдовские чары. Наконец, выведав все, что требовалось, волшебница принялась творить новые заклинания. Она всегда знала толк в магии. Сейчас же ее могущество только выросло. Болотник, сам не подозревая, помог ей в этом. Колдовской Сапфир, оказалось, вовсе не был сонным камнем. Совсем нет! Он был камнем Переходным. Асурдис не ошибалась: Сапфир уводил за собой в бесконечное путешествие по соседним Мирам, откуда, действительно, не было возврата, если только рядом не оказывалось его Солнечного близнеца. В старину Двойным Камнем - так назывались Сапфир и Солнечный - частенько пользовались великие маги древности.

Оба камня подвешивались к цепи, одна половина которой была золотая, другая – серебряная. Разлучать камни-близнецы никому бы не пришло в голову. Со временем Двойные Камни исчезли вместе со своими хозяевами – те переселились в какие-то другие Миры, а из молодых никто уж и не знал об их существовании. Старая Асурдис была уверена, что, выплавив Голубой Сапфир, навсегда уберет фею из Саттара. Но ошиблась! Хотт же в своих путешествиях столько навидалась, столькому научилась, что справиться с ней теперь под силу было лишь Маттиэлю. Но им-то как раз делить было нечего!

Так что очень скоро Бело-Голубой Саттар стоял на своем месте – там, где ему и полагалось быть, а изгнанникам ящерицам возвращен был человеческий облик. Более того, прекрасный город из Громадной Пещеры тоже не был брошен на произвол судьбы – для заселения его кротами и всякими там насекомыми. К великой радости его строителей он был перенесен из-под земли в долину и поставлен как раз на месте Черного Замка. Надо сказать, Хотт оказалась приятно поражена его красотой. Под лучами настоящего солнца он засиял, словно драгоценность! Да он и в самом деле был драгоценностью! Вряд ли в мире еще найдется город, где в окнах вместо стекол – витражи из топазов, аметистов да турмалинов, а цветы в палисадниках выточены из гранатов и изумрудов. Вряд ли где-то еще мостовые сияют горным хрусталем, а стены домов сложены из серебряных кирпичей. О королевском замке можно даже не упоминать – сияние его алмазных крыш порой затмевало солнечный свет и даже явилось причиной нескольких лесных пожаров в горах. Но Хотт ради такой красоты согласна была быть даже пожарным! Ведь она ох как любила драгоценности!

Конечно же, Покровительница вернула к жизни несчастных принца с принцессой. Позаботилась она и о девочке. Это было сделано прежде всего, и задолго до того, как в долине появился Бело-Голубой Город; Филипп и Пина уже охраняли спокойствие своей подруги – она спала теперь мирным сном в кресле Покровительницы. Раны ее затянулись, синяки исчезли, будто их и не было, но волшебница определила девочке не просыпаться еще три дня; слишком велики оказались испытанные волнения и усталость, от которых врачует лишь покой. Назавтра спящую перенесли во дворец, где принц с принцессой стали ждать ее пробуждения, а город принялся готовиться к грандиозному празднику в честь славных победителей. Солнечный Камень вернул из нескончаемых путешествий исстрадавшейся королеве отца и мужа; счастье ее было бесконечным!... В общем и целом – это все. Да, в Кулхор еще отправили гонца с радостным известием, благо дойти туда теперь можно было беспрепятственно. По пути ему предписывалось занести письмо в пещеру пастуха, так что Дели ждали теперь со дня на день.

Узнать эти подробности Сене было, конечно, очень интересно. К тому же за время рассказа девочка успела попривыкнуть к новой внешности друзей и уже не чувствовала себя с ними неловко. Между тем время двигалось к обеду. Пина критически оглядела Сенин наряд.

– Я думаю, тебе надо переодеться, – заметила она. – Пойдем ко мне, выберем что-нибудь подходящее.

Сеня не стала спорить. Как ни были хороши ее чисто выстиранные джинсы и тщательно залатанная рубашка, а для торжественного обеда в королевской семье они никак не подходили. Это Сеня понимала. Но до чего же с непривычки было неудобно в платье! Правда, оно оказалось таким красивым – если, конечно, зеркало не обманывало, что девочка примирилась со своей участью. Страница 27 - Королевское семейство собралось в большом зале с высокими стрельчатыми окнами, выходившими прямо в сад, Здесь когда-то, давным-давно, Сеня уже побывала – втроем с ящерицами, А было это после бесконечного путешествия по кротиному туннелю, незадолго до ночной скачки в травяных джунглях верхом на Белоснежке. Сколько же с той поры воды утекло... Сеню тогда, помнится, удивили необычные серебристые листья цветущего кустарника в саду. Впрочем, в тот день она поражалась столь многим вещам, что такие мелочи, как серебряная трава, уже не имели значения.

Их ждали. Никто не садился, и когда Агриппина с девочкой появились в зале, навстречу им быстрыми шагами направилась высокая женщина, одетая в длинное узкое серебристо-серое

платье. Это была королева Агриэль. Надо сказать, она тоже сильно изменилась с того времени, как Сеня видела ее в последний раз! Драгоценная корона венчала пышную копну пепельных волос, и эта корона была тем единственным, что осталось от прежнего обличья королевы-ящерицы. Агриэль порывисто обняла девочку, с нежностью поцеловала светлую макушку, а потом, чуть отстранив от себя, глядя на нее увлажнившимися глазами, прошептала:

– Спасибо... Спасибо тебе за все! Если бы не ты... – она не договорила, но было и так ясно, что она имеет в виду. – Мы обязаны тебе своим счастьем, и я буду всегда думать о тебе как о своей любимой дочери...

Сеня от смущения зарделась, как алый мак. Нечего и говорить, насколько ей было приятно это услышать! Но она пришла в полное замешательство, когда сначала молодой король, а за ним и король-отец подошли, чтобы с поклоном поцеловать ей руку. К счастью, вслед за этим все сели к столу, и еда была настолько вкусна, что девочка позабыла обо всем – за время волшебного своего сна она успела порядком проголодаться!

После обеда детей отправили на прогулку. Сеня снова была верхом на Белоснежке и не уставала шептать своей любимице в ухо ласковые слова. Копыта стучали по плитам мостовой, и гигантские кувшины отзывались протяжной мелодией. Люди, завидев всадников, выскакивали из домов и громко выкрикивали слова приветствия и благодарности. Под копыта летели охапки белых и голубых цветов – теперь живых, не каменных, а кувшины звучали все громче и громче, ловя крики и звонкий смех счастливых жителей.

Вот, наконец, город остался позади, и лошади, приминая серебристую траву, помчались вдоль берега реки. Кругом горы! Наверху солнце! Рядом друзья! До чего хорошо!... От переполнявшего ее восторга Сеня вдруг закричала высоким срывающимся голосом, и эхо покатилося по долине. Филипп с Пиной решили не отстать, и троица, пришпоривая пятками лошадей, понеслась вперед, вперед, вперед, визжа и гикая! Каждый всем своим существом ощущал простор и свободу! Не было больше ни страха, ни тяжелого бремени ответственности, лежавших на детских плечах последние три месяца! Ощущение счастья было острым и пьянящим... Незабываемые мгновения!

Назавтра Сеню разбудило назойливое пение птицы у самого окна. Хоть здесь-то, во дворце, дали бы поспать спокойно! Девочка недовольно поморщилась и решила не открывать глаз. Впрочем, что-то в этих звуках было знакомое... И тут она окончательно проснулась – это же был милый скрипучий голосок Груши!

Сеня выбралась из-под кружевного полога, и тут же от окна навстречу ей метнулась птица. Груша сел девочке на плечо и несильно ущипнул ее клювом за мочку уха. Он словно хотел сказать:

– Ты меня бросила, а я все равно прилетел и люблю тебя несмотря ни на что!

Сеня очень обрадовалась. Она поспешно оделась. Праздник был назначен на сегодня – Дели подоспел как раз вовремя.

Город начал веселиться с самого утра. Повсюду играли музыканты, сопровождаемые протяжным пением кувшинов, а на дворцовой площади среди сахарных фонтанов уже плясали нарядные люди. В голубом небе, болтая длинными цветастыми хвостами, летали воздушные змеи – все-все разные; ярко раскрашенные, полосатые, глазастые, с высунутыми из зубастых, страшных пастей розовыми свисающими языками. Детвора с вытаращенными от возбуждения глазами – не хуже, чем у летающих змеев, – носилась по улицам, таская сладости с выставленных прямо на мостовой столов. Иногда они сбивались в кучки и, задрвав головы, следили за красочным небесным представлением – драконы носились друг за другом, время от времени вступая в единоборство: Покровительница забавляла детей.

К вечеру на дворцовой площади состоялась церемония награждения. Король Астиан, облаченный в парадную золотую мантию, выступил с торжественной речью после которой под восторженные возгласы собравшихся, накинул на шею коленопреклоненной девочки голубую ленту с почетным орденом Саттара. Этой блистающей драгоценной звездой, несущей в центре древний герб королевского рода, воин награждался лишь в одном, весьма редком случае: если в результате его действий безнадежно проигранная битва оказывалась все же победной. Сегодня состоялось второе

во всей истории народа награждение. Сеня поцеловала край королевской мантии и, встав с колен, вытянула вверх руку.

Толпа среброволосых людей, запрудившая площадь, взорвалась криками, а девочке вспомнилась Громадная Пещера... Она увидела вдруг золотую ленту, плывущую над головами ящериц, и услышала возглас надежды, вырвавшийся у той толпы. Те ящерицы и эти люди – одно и то же! Даже не верится! А к ногам девочки снова летели цветы. Сотни букетов устлали перед ней землю.

Тут грохнули пушки! В сумеречном небе рассыпался дождь звезд – праздничный фейерверк открывал карнавал. Быстро темнело небо над горами, а по долине носились тысячи и тысячи разноцветных огней. Они то сближались и, свиваясь в жгуты, огненными змеями плыли в воздухе, опускаясь порой к самой земле, где с быстротой ветра носились меж людей, огибая их, заставляя с хохотом бросаться прочь в разные стороны. Затем они вдруг рассыпались в светящиеся рои искр, и тогда казалось – это

мириады светлячков мерцают над головами! Но вот искры сбиваются в огненные шары, а из них во все стороны с треском начинают бить золотые стрелы молний! Исчерпав запас огненных стрел, светящиеся шары мыльными пузырями медленно поднимались в вышину, где и лопались с оглушительным треском, порождая новые тысячи огней. Хотт потрудились на славу!

Сеня веселилась сегодня, как никогда! И, надо сказать, девочка была в этот вечер чудо до чего хороша! С сияющими глазами, в пышном белом, до пола, платье, с живыми цветами в волосах! Агриппина была под стать ей, но во всем голубом; а Филипп и Дели оделись странствующими рыцарями: сапоги выше колен, черные штаны, черные плащи и сверкающие ножны у пояса. Филипп с Сеней протанцевали весь вечер. Принц отлучался только за новой порцией шипучей воды и пирожными. Агриппина тоже веселилась, как могла, но в глазах ее иногда все же блестели слезы. Увы! Завтра предстояла разлука... Завтра Сеня покинет Саттар, чтобы вернуться домой.

Утро выдалось невеселое. Да и какое еще оно могло быть? Собралась Сеня быстро. Она влезла в свои истертые джинсы, надела белую рубашу и стоптанные кожаные сандалии, подаренные Рисс. Сияющий орден поверх заштопанной рубашки смотрелся, конечно, странно. Ну да ладно! Комната была буквально завалена подарками от благодарных саттарцев, но все взять девочка все равно бы не смогла, поэтому решила не брать ничего. Кроме глупого Груши! Его-то уж придется захватить – хитрая птица следила за каждым движением хозяйки. Сеня решила не тянуть с отъездом; у принца и принцессы были такие лица, будто подруга их собиралась самое малое помереть через час-другой. Девочка обнялась на прощание с королевой; король Элгерд, придерживая стремя, помог ей усесться в седло. А король-отец – Астиан Пятый – произнес напутственные слова. Вот что он сказал: – Народу Саттара необычайно повезло, что мои внуки встретили тебя. Мы всегда будем помнить, что ты для нас сделала, – я говорю сейчас от имени всех саттарцев. Если когда-нибудь на родине тебе придется туго, помни, что все наше войско готово прийти на помощь по первому твоему зову. Счастливого пути, и да будет благополучной твоя жизнь!

Сеня растроганно поблагодарила и, в который раз проговорив слова прощания, тронула Белоснежку. Горожане высыпали на улицы; толпой они бежали вслед за всадниками, провожая свою спасительницу. Девочка махала рукой, а сама прощалась с городом, стараясь запечатлеть его в памяти. Но вот песня кувшинов утихла, последний фонтан осыпал проезжавших брызгами, а Филипп вдруг остановился, придерживав своего Орешника. Он махнул в сторону рукой.

- Помнишь, во-он там стояла Черная Пирамида? А дверь была, где корявое дерево...

Сеня кивнула. Это было сто лет назад или больше...

- А помнишь страшного медведя-крота? - поддержала Пина. - Как мы его тогда боялись!

Друзья рассмеялись. Сейчас это действительно казалось смешным.

- А как вы постучались в мою пещеру, а у меня от удивления чуть глаза на лоб не полезли, когда я увидел гостей - девочку в компании двух здоровенных ящеров! - добавил Дели. - Вот уж не знал, что и подумать!

Смех немного поднял настроение, и друзья поехали, как бывало, бок о бок, переговариваясь на ходу. Предстояло несколько часов пути, и сейчас это всех радовало.

Второй - пещерный - город объехали стороной, издали любясь его поистине сказочной красотой. Изумрудные кипарисы окружали домики зубчатой мерцающей стеной, маняще светились витражи окон, сверкали серебром черепицы, а у Сени сердце защемило при мысли, что, может статься, она этого больше не увидит... Но девочка тут же отогнала неприятную мысль. Конечно же, она вернется сюда! Ведь не сможет же она всю оставшуюся жизнь прожить без Пины и Филиппа. Это просто невыносимо! Да и мужественного горца ей будет недоставать... А милая, послушная Белоснежка... Э-э-эх, лучше думать о чем-нибудь другом! Сеня оглянулась. Когда-то, сидя в башне Черного Замка, она сквозь решетку впервые увидела вдали скалу-зуб с Белым Замком на вершине. Но нет, отсюда ее уже не видно. Теперь по сторонам раскинулась степь, и если, прищурясь, глядеть вдаль, она кажется морем! Ветер гонит серебряные волны к горам - там линия прибоя. А Дели, раздольная душа, вырвался вперед и понесся навстречу ветру - белая его рубашка надулась будто парус! Филипп припустил за ним, и вот четверка лошадей понеслась во весь опор. Позади, встревоженно кудахта, летел Груша; он свалился с плеча и теперь старался догнать всадников. Но это оказалось не так-то просто!

Хутор давно промелькнул в стороне. Переходный Камень должен уже быть поблизости. Но напрасно девочка искала глазами облака пара. Хотт уничтожила болото, и камень иссушенной костью белел в серебре трав.

Всадники медленно приблизились к его плоской громадине и спешили. Сеня быстро по очереди обняла своих друзей и, изо всех сил стараясь не разреветься, полезла на камень. Она встала в самую его середину. Груша уселся ей на плечо, и девочка, прощально махнув рукой, закружилась на месте, считая обороты.

- Первый... Второй... Третий...

Филипп с Пиной отчаянно что-то кричали, и Сеня прислушалась.

- Мы будем ждать тебя... Мы будем ждать тебя...

- Шестой... Седьмой.

Щелк! Шум ветра и голоса резко оборвались, и Сеня замерла в наступившей тишине. За слезами ничего не было видно. Сеня, горестно шмыгнув носом, вытерла глаза и поняла, что она дома.

Трава была зеленой! Листья были зеленые! Лес за рекой был зеленый!... Весь этот Мир был зеленый! И Сенин любимый цвет был тоже зеленый. Раньше она этого не знала... Груша испуганно жался к шее хозяйки - он, видимо, не любил этот цвет. Не беда!... Привыкнет!

Сеня спрыгнула с камня.

- Ну что, ничего у вас не вышло? - раздался вдруг голос.

Это был голос мамы!

Девочка бросилась к ней навстречу и с разбегу крепко обняла ее.

- Мамочка, как я тебя люблю! Как я соскучилась! - приговаривала она.

- Где это ты успела раздобыть птицу? И что за странный вид? - спросил кто-то папиным голосом, и Сеня оторвалась от мамы, чтобы кинуться к нему. Но что-то в их вопросах настораживало...

- Откуда вы тут взялись? Вы же не могли знать, когда я здесь появлюсь? - спросила девочка. Папа пожал плечами.

- А мы и не знали. Просто решили подождать полчаса - вдруг ты вернешься.

- Слава Богу, что не ушли! - со вздохом облегчения сказала мама. - Как бы ты сейчас шла так

далеко одна?

Сеня хмыкнула. Действительно, как бы она шла одна и так далеко? Но чего на свете не бывает! Подумать только – полчаса!

И вдруг она будто почувствовала чей-то взгляд... А в голове так странно все закружилось, и кто-то мягким голосом произнес:

– Прощай! Не забывай!...

Ну конечно же, это были забавы Маттиэля! Кто, кроме него, мог так играючи обращаться со временем!

«Спасибо тебе за все!» – подумала Сеня – он услышит! – и прощально помахала рукой. Родители молча, в полном недоумении смотрели на нее; она поторопилась объясниться.

– Да нет, у нас все получилось! – ответила она на первый мамин вопрос и добавила в доказательство: – Видите, меня даже орденом наградили – самым почетным!

Сеня ткнула себя в грудь. Родители проследили за ее рукой.

В самом деле на белой ее рубашке сияла звезда! Да и сама она была совсем не та, что полчаса назад: похудевшая, загоревшая, обросшая; в странной, дикой какой-то одежде. Да еще и с птицей на плече... Не знаешь, что и подумать!...

– Ничего! Я вам все расскажу! – успокоила Сеня родителей и, ухватив их за руки, потянула за собой. Пора было идти домой.

